

Татьяна
Корсакова

Алое
на черном

Любовь и тайна

Татьяна Корсакова

Алое на черном (сборник)

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корсакова Т. В.

Алое на черном (сборник) / Т. В. Корсакова — «Автор»,
2016 — (Любовь и тайна)

Эти места не зря пользуются дурной славой. Каждые тринадцать лет здесь наступает особенная ночь. В это время над старым пепелищем вспыхивает во мгле алый колдовской огонь. Самая темная ночь всегда требует себе жертву. На этот раз горькая участь уготована Ксанке, хрупкой девушке, наделенной необыкновенными способностями. Вскоре ей придется узнать цену любви и предательству, умению прощать и безжалостной злобе... Читайте захватывающую дилогию «Самая темная ночь» и «Час перед рассветом» в одном томе.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т. В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Самая темная ночь	6
Дэн	6
Гальяно	13
Матвей	17
Дэн	19
Туча	21
Гальяно	24
Матвей	27
Туча	31
Гальяно	33
Дэн	36
Туча	40
Гальяно	45
Туча	53
Дэн	57
Гальяно	63
Дэн	67
Матвей	71
Дэн	76
Гальяно	81
Матвей	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Татьяна Корсакова

Алое на черном (сборник)

© Корсакова Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Самая темная ночь

Андрею Вельшиковскому

Дэн

Лето не удалось. Да что там – не удалось, оно обещало стать самым бездарно проведенным летом за всю Дэнову жизнь! Вместо черноморской вольницы под крылом у любимой тетушки ему предстояло целых три месяца промаяться в богадельне, которая официально именовалась элитным спортивно-патриотическим лагерем для сложных подростков.

До недавнего времени Дэн был самым обычным шестнадцатилетним парнем, не имел никаких проблем, занимался спортом, увлекался игрой на гитаре и после окончания школы собирался поступать в радиотехнический институт, но одна-единственная октябрьская ночь изменила всю его жизнь, положила конец всем мечтам и планам...

Он возвращался домой с тренировки. Ничего особенного, самая обычная субботняя тренировка по карате, просто закончившаяся чуть позже обычного. До дома всего ничего, каких-то три квартала: знакомые дворы, не раз хоженные дорожки. Тем октябрьским вечером было как-то по-особенному темно. Узкую кленовую аллею освещало лишь два фонаря: первый горел в самом начале, второй – в конце. Если идти быстро, то на освещенную улицу можно выйти всего за пару минут, а там уже люди, огни витрин, машины – обычная вечерняя жизнь обычного города.

Дэн не спешил. В шестнадцать лет легко быть бесстрашным. Особенно когда всего через месяц тебе предстоит аттестация на первый дан, когда заветный черный пояс уже практически у тебя в руках, а впереди – турнир на Кубок города и есть все шансы победить. В наушниках играла «Металлика», Дэн шагал, в такт музыке покачивая головой, не глядяваясь в темноту и не стремясь к маячащему в конце аллеи фонарю. Жизнь была прекрасна, а обещала стать еще прекраснее!

Они вышли из темноты – три одинаковые безмолвные тени. Вышли и преградили Дэну дорогу. Рослые, крепко сбитые, с неразличимыми во тьме лицами. Люди-тени. То, что они по его душу, Дэн понял сразу, но, даже когда понял, не испугался. В крови еще бурлил не растраченный во время тренировки адреналин, подначивал, подталкивал вперед. Нет, он не собирался ввязываться в драку, но и убежать, трусливо поджав хвост, тоже не собирался. Парень вытащил наушники, поудобнее пристроил на плече рюкзак.

– Вам чего? – Голос спокойный и миролюбивый. Все, как учил их тренер. «Никогда не показывай врагу свой страх».

Дэн не боялся и не был уверен, что перед ним враги. Может быть, всего лишь небольшое препятствие?..

Плохо, очень плохо, что в этот момент на ум ему не пришел еще один тезис тренера: «Не стоит недооценивать противника».

Он недооценил. Их было всего трое, и выглядели они если и не безобидно, то, уж во всяком случае, не слишком страшно. С тремя он справится без проблем.

– Эй, братуха! Не найдется прикурить? – К Дэну шагнул один из троицы, самый высокий, самый плечистый. – Сигаретки вот закончились, как назло.

Щелкнула зажигалка, и оранжевый огонек вырвал из темноты угловатое, покрытое оспинами лицо. Лицо это было известно любому пацану в их районе. Даже сопливые малыши знали, кто такой Рябой. Дэн тоже знал, но раньше жизнь никогда не сводила его, спортсмена и отличника, с главарем местной шпаны. Не сводила, а теперь вот, похоже, свела.

– Не курю. – Дэн сдернул с плеча рюкзак, аккуратно поставил на землю, чуть в стороне, чтобы не путался под ногами, если вдруг придется вступать в бой.

– Курить – здоровью вредить! Так, что ли, спортсмен? – Рябой пнул рюкзак, парни заржали.

Дэн отступил на шаг назад, освобождая место для маневров.

– Ну, нет сигарет так нет! – Рябой пожал плечами, сделал шаг к Дэну, сокращая расстояние до не слишком комфортного. Его дружки двинулись следом.

Дэн не мог видеть в темноте, но был уверен, что они улыбаются, недобро, по-шакальи.

– Ты ж у нас спортсмен, каратист, мастер спорта и прочий Шаолинь... – Рябой снова щелкнул зажигалкой, прикурил.

Встреча получалась неслучайной. Предводитель дворовой шпаны никак не мог знать про карате и «прочий Шаолинь», если только по какой-то причине не узнавал заранее. Если только поджидал на этой темной аллее именно его, Дэна Киреева.

– Что тебе нужно? – Надежда на то, что все еще можно решить миром, истаяла, как апрельский снег.

– Смотрите, братухи, и парниша-то понятливый! Сразу просек, что к чему! – Красный сигаретный огонек описал в темноте дугу. Наверное, Рябой взмахнул рукой. – А вот хотя бы твой плеер, Шаолинь! Это ж не по-пацански, что у тебя есть плеер, а у нас нет!

«Выходить из сложной ситуации нужно малой кровью». Интересно, подаренный отцом на шестнадцатилетие плеер – это малая кровь? И где гарантия, что, как только он отдаст плеер, Дэна оставят в покое?

«Сначала нужно думать и только потом действовать». Дэн подумал.

– Пошел к черту! – Получилось невежливо, зато конкретно. Если эти трое в курсе про карате и «прочий Шаолинь», то вряд ли рискнут сунуться. Они дебилы, но ведь не сумасшедшие.

– Вот что-то подсказывало мне, что этим все и закончится. – Рябой вроде бы даже вздохнул и, кажется, отступил на шаг. – Злые нынче пошли спортсмены. И сигареты с собой не носят, плеером поделиться с товарищами не желают. – В его голосе слышалось разочарование. – Ну да ладно, мы не гордые, мы и без плеера обойдемся. Расступись, братва! Дай пройти надежде отечественного спорта!

Подчиняясь команде, маячившие за спиной Рябого тени и в самом деле расступились. Дипломатия победила агрессию!

Нет, так сказал бы не тренер, а отец. Отцу Дэн верил даже больше, чем тренеру.

– Ничего, бывает. – Дэн потянулся за рюкзаком.

... Удар пришелся на незащищенный затылок в тот самый момент, когда парень поднимал рюкзак с земли. Страшный удар, вышибающий из головы все мысли, кроме одной – не стоит недооценивать противника... Дэн просчитался, их было не трое, а четверо. Четвертый прятался в темноте за Дэновой спиной, прятался и выжидал подходящий момент...

...Дэна нашел обеспокоенный его долгим отсутствием отец. К тому моменту парень был уже избит до полусмерти. Отличнику, спортсмену, без пяти минут обладателю первого дана по карате хватило одного-единственного подлого удара в спину, чтобы отключиться и стать беспомощнее пятилетнего малыша. Его избивали железной арматурой. Окровавленные прутья валялись здесь же, на темной аллее. Сотрясение мозга, разрыв селезенки, внутреннее кровотечение и сломанные в нескольких местах руки.

«Против лома нет приема». Этот тезис не принадлежал ни отцу, ни тренеру, но оказался самым действенным из всех...

Дэн пришел в себя, когда его грузили в «Скорую», сквозь кровавую пелену увидел испуганное лицо отца, попытался улыбнуться. Улыбка не получилась, из рассеченной губы тут же пошла кровь, наполняя рот горько-соленым.

– Как ты, сынок? Кто это сделал? Ты видел? – Отец говорил спокойно, но Дэн знал цену этому спокойствию.

Он не стал отвечать, устало прикрыл глаза. Ему нужно было подумать, хорошенько подумать, прежде чем дать правильный ответ.

Подумать тоже не получилось, стоило только сомкнуть веки, как вслед за темнотой снова пришло спасительное беспмятство.

В следующий раз в сознание Дэн пришел уже в палате интенсивной терапии после операции по удалению селезенки, ликвидации внутреннего кровотечения и наложения металлических пластин на раздробленные кости. Впереди его ждал долгий и нелегкий курс реабилитации, а за дверями реанимационной палаты – следователь. Следователю он не сказал ничего.

«Мужчина должен сам решать свои проблемы». Это было его личное, дорогой ценой доставшееся кредо. Дэн разберется сам, как только сможет встать на ноги, а пока ему нужно подумать.

Думать было тяжело. Мысли скользили, расплывались бесформенными кляксами, не желая складываться в четкую картинку. На него, без пяти минут обладателя черного пояса по карате, напали, его избили и искалечили. Одно только это вышибало из глаз злые слезы. Не боль, не собственная беспомощность, а вот этот неоспоримый факт. Против лома нет приема... Или просто он сам далеко не такой хороший спортсмен, как ему казалось... Мысли эти были беспощадные, они лишали Дэна сна и покоя. Но имелось и еще кое-что. Нападение было запланировано, в этом он не сомневался. Оставалось понять, кому это понадобилось.

Плеер, который чисто теоретически мог послужить причиной конфликта, нашли наallee. Он был разбит и не подлежал восстановлению. Дэн тоже оказался разбит, и с восстановлением у него тоже имелись проблемы. Он уже не попадал ни на аттестацию, ни на турнир. И даже сами занятия карате теперь были для него под большим вопросом.

Тренер пришел к Дэну сразу, как только врачи разрешили посещения, придвинул к больничной койке стул, заглянул в лицо:

– Ты видел, кто это сделал? – задал он вопрос, который в эти дни Дэну задавали неоднократно.

В голосе его звучало недоумение. «Как же ты так подставился, Киреев?!» – слышалось в его голосе. Неправильно понял ситуацию, недооценил противника. И не важно, что Дэн спортсмен, а не боец спецназа. Важно, что свой, возможно, самый важный в жизни бой он проиграл, даже не вступив в него.

Так и не дождавшись ответа, тренер встал, посмотрел на Дэна сверху вниз, сказал после долгого молчания:

– Ты справишься с этим, я знаю.

Дэн попытался улыбнуться, осторожно, самыми уголками разбитых губ. Да, он справится. Он решит все свои проблемы. Нужно лишь время.

– Только не наломай дров. – Тренер рассматривал что-то невидимое в углу Дэновой палаты. – Сначала все хорошенько взвесь и только потом сделай.

Непременно! Он теперь только тем и занимается, что взвешивает все «за» и «против».

Дэн выздоравливал быстро. «Заживает, как на собаке», – шутил лечащий врач. «Молодой организм», – ободряюще улыбался отец.

Да, молодость делала свое дело, но помогала Дэну не она, а граничащая с одержимостью злость. Встать на ноги, научиться владеть непослушными руками, вырваться наконец из душных больничных стен.

Его калечили продуманно и целенаправленно. Для банального грабежа хватило бы одного, самого первого удара, а ему переломали руки. Сломали бы и ноги, но, наверное, им не хватило сил. Или времени.

Неоправданная жестокость. Была бы неоправданной, если бы эти четверо не знали, с кем имеют дело, если бы не поджидали именно его...

Дэн вышел из больницы уже зимой. Морозный, пахнувший выхлопными газами воздух казался ему упоительным. И даже ноющая боль в не слишком удачно сросшейся руке не могла лишить его решимости.

На тренировку он пришел в первых числах марта. К тому времени самое важное в его жизни соревнование уже было позади. Чемпионский титул достался Вадику Ильюшкину, другу и вечному сопернику. Дэну не повезло, и Вадик не упустил свой шанс. Уже не второй, а заслуженный лидер, потому что самый первый тренировочный бой показал, что шанс стать чемпионом Дэн Киреев потерял навсегда. Одна-единственная октябрьская ночь сломала не только его кости. Что-то непоправимо сломалось у него в голове, превратив спорт в неважное и ненужное, подменив цели и ориентиры. Подтверждение своим мыслям он увидел во взгляде тренера.

Нет, Дэн не ушел из спорта. Наоборот, он продолжал тренироваться с пугающим остервенением, не обращая внимания на робкие попытки родителей перенаправить бушующую в нем энергию в более мирное русло.

...Рябого он встретил сырым апрельским вечером на той самой аллее. Вся разница в том, что Рябой на этот раз был без свиты, а Дэн научился вести бой по его правилам.

Свалить Рябого оказалось до скучного легко. Без своих дружков, без прутьев арматуры, с одним лишь свинцовым кастетом он был жалок. Жалок до такой степени, что ярость, вот уже который месяц бушующая в Дэновом сердце, вдруг утихла. Он не стал калечить Рябого. Он просто впечатал поверженного врага в землю и задал один-единственный вопрос – кто?

Рябой заговорил сразу, наверное, скудным своим умом догадался, что лучше сказать правду. А может, увидел на дне Дэновых глаз злобного демона, который родился стылой октябрьской ночью, в тот самый момент, когда сам Дэн болтался между жизнью и смертью.

Ответ лежал на поверхности, но все равно шокировал. Вадик Ильюшкин, друг и вечный соперник, заплатил Рябому за то, чтобы фаворит и главный претендент на чемпионский титул не просто сошел с дистанции, а остался инвалидом...

Все-таки Дэн набил Рябому морду и пообещал, что с этого дня будет присматривать за ним. Наверное, рожденный стылой октябрьской ночью демон снова взглянул на мир Дэновыми глазами, потому что Рябой заклацал зубами, затрясся в мелком ознобе и стал молить о пощаде. Значит, поверил. Это хорошо, может, теперь он поостережется нападать на беззащитных людей.

Вадик Ильюшкин, некогда друг и соперник, а теперь подлец и предатель, понял все, стоило только им столкнуться на заднем дворе спорткомплекса. Понял, но, в отличие от Рябого, не испугался. Теперь уже он, а не Дэн, являлся чемпионом и главным фаворитом. За его спиной не было месяцев, проведенных на больничной койке, бессонных, наполненных болью ночей и мучительной реабилитации. Впрочем, как и не было за его спиной и той сокрушающей все преграды ярости, которая превращала романтика и идеалиста Дэна Киреева в холодного и расчетливого бойца.

Это был честный бой. По крайней мере в самом начале, пока Вадик Ильюшкин еще считал себя неуязвимым. Он понял свою ошибку быстро, он всегда отличался сообразительностью и хорошей реакцией, поэтому, едва начавшись, схватка перешла в совершенно иную стадию.

– Не на жизнь, а на смерть! – подначивал родившийся стылой октябрьской ночью демон. – Убей ты, а иначе убьют тебя!

Дэн не знал, не успевал думать, чем закончится этот бой. Лишь с мрачным удовлетворением отмечал, что очередной удар достигал цели. «Не нужно недооценивать противника». Все, он больше не станет недооценивать...

Вадик Ильюшкин уже был повержен, когда в бой вмешался третий.

Победить тренера нелегко, но Дэну почти удалось. До тех пор, пока мощный удар в корпус не отшвырнул его на несколько метров, впечатав в кирпичную стену. Но даже когда от боли сбилось дыхание, а перед глазами поплыл кровавый туман, Дэн не собирался сдаваться.

– Киреев, остановись! – Тренер увернулся от удара. – Остановись, пока не наделал еще больших глупостей! Ну, слышишь ты меня?!

Способность соображать вернулась к Дэну не сразу, лишь после того, как тренер еще раз впечатал его в стену, заглянул в ничего не видящие глаза, еще раз проорал:

– Киреев, не валяй дурака!

– Да... – Дэн медленно сполз спиной по стене, уселся у ног тренера. Его трясло так же, как еще недавно трясло Рябого.

– Дурак ты, Киреев! Ты ж все испортил, ты ж карьеру свою спортивную загубил. Ты же смотри, как все получилось... нельзя же вот так, сплеча... – Тренер смотрел на него сверху вниз, и непонятно было, чего в его словах больше, досады или жалости. – Зачем же вот так?..

Он не ответил зачем, он смотрел на поверженного врага, но сжимавшие сердце тиски так и не разжались.

Им досталось обоим. Перелом носа и множественные ушибы у Вадика Ильюшкина. Повторное сотрясение мозга и до кости рассеченная бровь у Дэна. Можно считать, что после вмешательства тренера бой закончился ничьей. О том, что случилось бы, не будь этого вмешательства, Дэну думать не хотелось. С мрачной сосредоточенностью он смотрел на поскуливающего от боли Вадика, рукавом олимпийки вытирал заливающую глаз кровь и не думал ни о чем. В том месте, где положено биться сердцу, Дэн чувствовал лишь звенящую пустоту.

– Ты хоть понимаешь, чем тебе это грозит? – рядом присел тренер, протянул носовой платок. – Что на тебя, черт возьми, нашло, Киреев?!

– Он знает что! – Дэн мотнул головой в сторону Ильюшкина. Голова тут же предательски закружилась.

Тренеру не требовалось ничего объяснять, он прожил достаточно длинную жизнь, большая часть которой была отдана спорту. Он прекрасно знал цену победам и поражениям, знал, как иногда сходят с дистанции фавориты и кто за этим стоит.

– Дурак, – снова сказал тренер и сжал кулаки. – А если тебя посадят? Ты думал об этом?

Он не думал. То есть он думал о сотне вещей, но упустил из виду самую важную, самую очевидную.

– Так я и знал. – Тренер кивнул. – Ты должен был кому-нибудь рассказать. Ты должен был прийти ко мне...

Да, он должен был кому-нибудь рассказать, но тогда это оказалось бы не по-мужски, а он хотел разобраться со всем сам.

На задний двор спорткомплекса въехала вызванная тренером «Скорая». Дэн попытался встать на ноги, но голова снова закружилась, пришлось опереться на руку подоспевшего фельдшера.

– Что тут у вас? – Врач, немолодой, усталого вида дядька, рассматривал разбитую морду Ильюшкина.

– Ничего... – Из-за сломанного носа голос Ильюшкина сделался гнусавым. – Упал.

– Упал, значит. – Врач покачал седеющей головой, перевел взгляд на тренера. – Вы «Скорую» вызывали?

– Я.

– Выходит, у них тут ничего особенного, только физики расквашены? Упали, выходит? Один глазом упал, другой носом...

Дэн не дослушал, его вырвало прямо на ботинки фельдшера. Тот чертыхнулся, а врач продолжил:

– И сотрясение мозга у этого, – он кивнул на шатающегося от слабости и головокружения Дэна, – тоже само собой приключилось?

Прежде чем ответить, тренер испытывающе посмотрел на Ильюшкина. Что там такое было в его взгляде, Дэн не знал, только бывший друг вдруг заговорил быстро и сбивчиво, сплевывая на землю кровь:

– Все нормально. Мы тренировались...

– Тренировались они. – Врач удивленно приподнял брови, снова посмотрел на тренера. – Да у вас тут, как я посмотрю, не спорткомплекс, а гладиаторская арена! И часто ваши воспитанники так тренируются?

Голова кружилась, и картинка перед глазами была нечеткой, но, преодолевая тошноту, Дэн решил вмешаться.

– Мы сами, тренер ничего не знал, он нас разнимал.

– Сами, – пробубнил Ильюшкин и бросил на него полный ненависти взгляд. – Мы поссорились, и вот...

– Они поссорились! – Врач развернул Дэна лицом к себе, посветил невесть откуда взявшимся фонариком сначала в один глаз, потом в другой. – Поссорились до сотрясения мозга и перелома носа? Это что же у вас за ссоры такие? Вот молодежь пошла, чуть что не так, сразу морду друг другу бить! Ну да ладно, не мое это дело, кому надо, те разберутся. А вы, – он посмотрел на тренера осуждающе, – уж примите меры! Сдается мне, ваши воспитанники опасны. Таких на улицу без намордников выпускать нельзя.

– Приму, – с мрачной решительностью пообещал тренер, и Дэн с неотвратимой ясностью понял, что с этого самого момента дорога в клуб ему заказана.

– Ну, гладиаторы, чего расселись?! Давайте грузитесь в «Скорую»! – велел врач и еще раз неодобрительно покачал головой.

Можно сказать, Дэну повезло. Если бы родители Ильюшкина заявили в полицию, последствия могли оказаться очень серьезными, но они не заявили. Дэн был почти уверен, что это Вадик их отговорил, но отнюдь не из-за раскаяния. Причина была проще и банальнее. Если бы делу дали ход, всплыла бы и осенняя история. Ни Рябой, ни его дружки молчать не стали бы, а у отца Дэна имелось достаточно сил и влияния, чтобы заставить следствие докопаться наконец до правды и найти зачинщика, если не сказать заказчика.

Все закончилось тем, что спустя несколько недель Ильюшкин-старший явился в квартиру Дэновых родителей с требованием денег за моральные и физические страдания. Отец денег дал без лишних разговоров, но, как только за незванным гостем захлопнулась дверь, посмотрел на Дэна:

– Ты по-прежнему не хочешь мне ничего рассказать?

– Нет, прости.

Наверное, нужно было рассказать, поделиться своей болью с самыми близкими и родными людьми, но он не смог. Побоялся лишний раз расстраивать маму. Побоялся, что интеллигентный и до кончиков ногтей правильный отец не поймет и не примет того, что Дэн сделал. Или хуже того, разочаруется в нем окончательно.

– В таком случае нам с мамой есть что тебе сказать, сынок. – Отец поправил очки, тяжело вздохнул. – Мы думаем, что твоя агрессия может быть опасна. В первую очередь для тебя самого. Наверное, нам стоит обратиться к психологу.

– Мне не нужен психолог.

Он уже со всем разобрался, все для себя решил. Зачем ворошить то, что уже утратило актуальность?

– Не нужен? – Отец кивнул, приобнял за плечи встревоженную маму. Голос его звучал тихо, но решительно. – Мы предвидели такой ответ, и поэтому у нас есть запасной вариант. Дэн, я имел беседу с твоим тренером. Он тоже обеспокоен происходящим. Настолько, что

предложил нам один вариант. – Отец сделал паузу, ободряюще посмотрел на маму, а потом сказал: – Этим летом ты не поедешь на море, сынок.

Мама вздохнула, хотела возразить, но отец предупреждающе поднял руку и повторил:

– Этим летом ты не поедешь на море, ты поедешь в спортивно-патриотический лагерь.

– В какой лагерь? – переспросил Дэн. Словосочетание «спортивно-патриотический» ему сразу не понравилось. От него веяло муштрой и скукой.

– Понимаю, звучит не слишком воодушевляюще. – На лице отца появилась и тут же исчезла робкая улыбка. – Но на самом деле все не так плохо. Я наводил справки, лагерь работает три года, и у его создателей отличная репутация. А какие там места! Там изумительные места!

– Где – там? – Дэн уже смирился с решением родителей. Он бы смирился с любым их решением, даже с психологической консультацией, потому что чувствовал себя виноватым, но ему хотелось знать наверняка, в какой дыре придется провести лето.

– В Макеевке, – сказал отец таким тоном, как будто это все объясняло.

– Денис, – мама высвободилась из объятий отца, присела рядом с Дэном, взяла его за руку, – это в двухстах километрах от нас. Чудесная деревушка, в чудесном месте.

– Деревушка?..

– Разумеется, тебе не придется жить в деревне, – снова заговорил отец. – Под лагерь переоборудована старинная графская усадьба. Это в нескольких километрах от Макеевки. В усадьбе есть все необходимое для нормальной жизни и отдыха: четырехместные комнаты, спортивный зал, библиотека, кинотеатр. Я знаю, о чем говорю, я видел все это своими глазами.

– Папа ездил в Макеевку на прошлой неделе, как только твой тренер предложил такой вариант, – поддержала отца мама. – Лагерь очень хороший.

– И чем он отличается от обычного летнего лагеря? – спросил Дэн.

– Дисциплиной, – сказал отец жестко. – Меня заверили, что воспитанникам уделяют максимум внимания, ваше время будет расписано по минутам, и вы не сможете...

– Заниматься всякой ерундой, – закончил за него Дэн.

– Да. Ты уже достаточно взрослый, скоро тебе исполнится семнадцать. Денис, мы с мамой очень надеемся, что ты нас поймешь. Недавние события заставляют нас принимать непопулярные меры, но мы делаем это исключительно ради твоего блага.

– Я понимаю. – Дэн обнял маму, поцеловал ее в щеку. – Когда нужно ехать в этот замечательный лагерь?

Родители переглянулись, в их взглядах читалось облегчение.

– В первых числах июня, – сказал отец. – Нам позвонят.

Вот так он и оказался у черта на рогах в спортивно-патриотическом лагере с совершенно неспортивным и непатриотичным названием «Волки и веппри». Здесь, в окружении незнакомых пацанов, должно было проходить самое скучное в его жизни лето.

Если бы только родители Дэна знали, чем оно закончится, то не раздумывая отправили бы сына на море к тетке...

Гальяно

– Приехали! – сообщил водитель автобуса и ударил по тормозам.

Озверевший от долгого безделья Вася Гальянов, уже год как сокративший плебейское Гальянов на аристократическое и страстное Гальяно, вслед за сопровождающим их группу парнем выскочил наружу, несколько раз присел, разминая затекшие ноги, и только потом осмотрелся.

Автобус остановился в центре заасфальтированной площадки перед приземистым, по всему виду, недавно отремонтированным двухэтажным особняком. Дом опирался на четыре здоровенные колонны. К центральному входу вела выложенная фигурной плиткой дорожка, по бокам от нее буйным цветом колосились клумбы, пахло сырой землей и свежескошенной травой. Источник запахов Гальяно идентифицировал сразу: слева от входа в особняк, прямо посреди заросшего отцветающими одуванчиками газона, стояла газонокосилка, справа на точно таком же одуванчиковом газоне работала закрепленная на воткнутом в землю колышке поливалка. В струях воды переливалась радуга. По бокам от центрального здания располагались два одинаковых одноэтажных флигеля.

Рассматривать поместье, в котором им всем предстояло провести целое лето, было интересно, но внимание Гальяно привлекло нечто куда более любопытное. К автобусу летящей походкой приближалась девушка! Она была хороша особенной, по-голливудски яркой красотой. Изящные формы, выющиеся белокурые волосы, легкомысленный сарафан, белый в красный горошек, и умопомрачительной длины загорелые ноги незнакомки заставили падкое до красоты сердце Гальяно биться в два раза быстрее.

– Мэрилин Монро, – прошептал он, улыбаясь совершенно идиотской улыбкой.

Пожалуй, нужно сказать мамке спасибо за ту решительность и напористость, с которой она выбивала для единственной кровиночки путевку в этот суперэлитный и супердорогой лагерь. В НИИ, где она работала, пришла лишь одна такая чудесная путевка, и поехать отдыхать должен был не сынок рядовой лаборантки, а отпрыск куда более важной персоны, но надо знать мамку! Ради Гальяно она была готова совершить невозможное, а тут такая мелочь – всего лишь какая-то путевка! А он еще сопротивлялся, не хотел ехать. Дурак! Вот не поехал бы и не увидел Мэрилин Монро!

– Ну, наконец-то! – Мэрилин улыбнулась белозубой улыбкой сразу всем прибывшим, посмотрела на Гальяно так, что его бедное сердце едва не остановилось. Ах, как она на него посмотрела! Наверное, сразу поняла, что он особенный, что в настоящей красоте разбирается получше взрослых мужиков.

– Здравсте! – Он хотел отвесить прекрасной незнакомке галантный поклон, может, даже приложиться в поцелуе к изящной ручке, но растерялся так, что вместо этого выдал лишь пошлое «здрсте».

– Привет! – Мэрилин снова улыбнулась, но теперь уже персонально Гальяно, а потом проскользнула мимо, обдав ароматом сладко-цветочных духов, и – о, ужас! – расцеловалась с сопровождающим их группу парнем.

– Как добрались? – Она смотрела на сопровождающего незабудково-синими глазами, а душу Гальяно до самых краев наполняла жгучая ревность.

– Привет, Леночка! – Парень обнял Мэрилин, которая оказалась и не Мэрилин вовсе, а обыкновенной Леночкой, за загорелые плечи. – Да нормально доехали! Что тут ехать-то! Разве что проголодались немного с дороги. Эй, архаровцы, мы проголодались? – Он обернулся к вывалившимся из автобуса пацанам.

– Ага, кушать хочется! – сообщил стоящий ближе всех к Гальяно толстяк.

Гальяно окинул толстяка презрительным взглядом. Переваливающееся через ремень джинсов пузо, круглое лицо, румяные, точно свеклой нарисованные щеки, пороссячьи глазки, второй подбородок и кучерявая башка. Да, такому только о хавчике и думать! Ну да и ладно, одним конкурентом в борьбе за сердце ветреной Мэрилин меньше. Гальяно посмотрел на пацанов, которым на долгие три месяца предстояло стать его боевыми товарищами, оценивающе сощурился.

По всему выходило, что конкурентов у него не так уж и много, но несколько человек запросто могли доставить ему определенные хлопоты. Во-первых, сопровождающий, он же командир их отряда, он же Суворов Максим Дмитриевич. Гальяно не хотелось вспоминать имя конкурента, но оно вот как-то само собой всплыло в памяти. Суворов, пожалуй, мог стать самой большой проблемой Гальяно. Высокий, атлетически сложенный, смазливый и оттого невероятно наглый. Конечно, наглый! А иначе посмел бы он вот с такой фамильярностью обнимать Мэрилин!

Конкурентом номер два Гальяно назначил высокого блондина, тоже смазливого, тоже атлетически сложенного, только более тонкокостного, более изящного. Конкурента номер два звали Дэн Киреев, в автобусе он сидел на соседнем сиденье и всю дорогу до лагеря равнодушно смотрел в окно, а на попытки Гальяно завести разговор реагировал лишь односложными фразами. Самодовольный выскочка! Чертовски опасный самодовольный выскочка. Женщины любят таких вот пустоголовых красавчиков с волевым подбородком и надменным взглядом серых глаз. Но Мэрилин – не обычная женщина, она наверняка так же умна, как и красива. Она примет правильное решение, когда придет время делать выбор.

Взгляд Гальяно устремился еще на одного, слава богу, последнего конкурента. Этот тоже был высок и хорош собой. Возможно, чуть менее высок и чуть менее хорош, чем блондинистый выскочка, но зато у него имелся один существенный козырь – обаяние! Конкурент номер три, Гальяно не запомнил его фамилию, но точно помнил, что зовут его старомодным именем Матвей, оказался чертовски обаятельным парнем, и улыбка у него была шикарная, и прищур, и даже – вот незадача! – ямочки на щеках. Пожалуй, этот третий – самый опасный, потому что использует тот же арсенал обольщения, что и он сам, а это плохо, черт побери!

Изучая потенциальных соперников, Гальяно так увлекся, что не сразу сообразил, что жизнь не стоит на месте. Пацаны похватали брошенные прямо на землю сумки, нестройной командой побрели вслед за Суворовым и Мэрилин. Шустрее всех оказался толстяк с двойным подбородком и свекольными щеками. Он резво трусил рядом с Мэрилин и даже смел задавать ей какие-то вопросы. Еще один соперник?..

Гальяно возмущенно мотнул головой, закинул на плечо дорожную сумку и, ловко лавируя в толпе, уже через пару секунд поравнялся с красавицей.

– ...А питание пятиразовое? – бубнил толстяк, откусывая от шоколадного батончика.

– Конечно, Степочка, пятиразовое! – Мэрилин называла толстяка Степочкой и смотрела ласково, как на родного. – И на случай, если ты проголодаешься, всегда можно заглянуть на кухню. Я тебе потом покажу, где у нас что.

– Да ты полгода можешь жить на подкожном жире! – Гальяно ввинтился между Мэрилин и толстяком. – Степочка, зачем тебе пятиразовое питание?

– А не твое дело, прыщавый.

Толстяк посмотрел на него сверху вниз, совершенно беззлобно, как на надоедливое насекомое, сунул в пасть остатки батончика, а Гальяно с ужасом понял, что заливается краской. Эта неповоротливая стокилограммовая туша умудрилась ударить его по самому больному. Да, Гальяно был чертовски хорош, чертовски умен и чертовски обаятелен, но юношеские прыщи с некоторых пор путали ему все карты. Что он только с ними не делал! Как только не боролся! Но всякий раз проигрывал... А теперь вот прямо перед Мэрилин его опозорил самый ничтожный из людей, какой-то Степочка...

– Мальчишки, не ссорьтесь! – Мэрилин улыбнулась, легонько коснулась плеча Гальяно. – Разве можно ссориться в такой отличный день?!

Вблизи она была еще прекраснее, а сходство с Мэрилин Монро еще невероятнее. Гальяно перестал дышать, всего на мгновение накрыл вмиг вспотевшей ладонью ее ускользающие пальчики, сказал срывающимся на фальцет голосом:

– Миледи, вы прекрасны!

– Миледи? – Мэрилин иронично вскинула брови, посмотрела на него с интересом. – И кто это у нас такой романтичный?

– Позвольте представиться – Гальяно! – Он прижал ладонь к сердцу, поклонился.

– Гальяно? – Мэрилин продолжала улыбаться. – Это тот, который Джон?

– Нет, это тот, который Василий, – бесцеремонно вмешался в их диалог Суворов, конкурент номер один. – Эй, архаровец, ты ж по паспорту, чай, Василий? – Он посмотрел на Гальяно поверх белокурой головки Мэрилин. – Или у тебя еще нет паспорта? Что-то я запомнил.

– У меня есть паспорт! Мало того, через месяц мне исполнится семнадцать, – сказал Гальяно со сдержанным достоинством. Конкурент номер один немедленно был переименован во врага номер один.

– Да ты что? – удивился враг номер один и по-хозяйски обнял Мэрилин за талию. – А с виду больше тринадцати и не дашь.

– Так у вас, видно, не только память плохая, но и зрение. – Гальяно в раздражении мотнул головой. – Оно и не удивительно! В ваши-то преклонные годы!

Врагу номер один было под тридцать. Старик, самый настоящий старик. Прекрасной Мэрилин нужен мужчина покрепче и помоложе. Такой, как он – Гальяно!

Странное дело, но враг номер один даже не обиделся, вместо этого он расхохотался громким издевательским смехом.

– Слышала, Ленок, меня уже в старики записали! Вот какая нынче пошла молодая поросль – дерзкая и самоуверенная. Это ничего. – Он вдруг перестал смеяться, посмотрел на Гальяно в упор. – Тебе, Василий, еще не раз придется продемонстрировать свою крутость и доблесть. Это я тебе гарантирую.

Гальяно, не привыкший к тому, что последнее слово остается за кем-то другим, уже собрался сказать что-нибудь особенно дерзкое и язвительное, но в это самое время двери особняка приветственно распахнулись, а на крыльцо выкатилась невысокая, невероятно тучная женщина в белом халате.

– Приехали, оглоеды! – сказала она зычным, никак не вяжущимся с ее округлыми формами басом. – А ты, Ленка, говорила, что рано обед готовить! Чем бы я сейчас эту ораву кормила, если бы тебя послушала?!

– Софья Ивановна! – Загорелых щек Мэрилин коснулся легкий румянец. – Потихе, прошу вас! И не Ленка, а Елена Викторовна, – добавила она почти шепотом.

– Ить от горшка два вершка, а уже Викторовна! – буркнула тетка, к которой Гальяно сразу же испытал приступ антипатии, но голос все же понизила. – Обед мы сготовили. Горячее все. – Она командирским взглядом обвела замерших у подножья лестницы пацанов, а потом добавила: – Это ж половина только приехала.

– Второй отряд будет ближе к вечеру, автобус уже отправили, – сообщил Суворов.

– И тоже небось одни мальчишки! – Тетка покачала головой. – Снова как в прошлом году!

– Спортивно-патриотический лагерь! – сказал Суворов со значением. – Тут программа и нагрузки. Какие девушки?

– Да что ж вы нас на пороге держите?! – возмутилась Мэрилин и в возмущении даже притопнула ножкой. – Дети устали с дороги!

Дети! Гальяно обиженно поморщился. Какие ж они дети, когда им скоро по семнадцать лет!

– А и то правда – дети голодные! – Тетка попятилась к двери, не пойми кому замахала рукой, а потом велела: – Так пускай хоть сумки свои побросают и приходят в столовую. А я пока распоряжусь, чтобы Лидка на столы накрыла. Начальнику-то сообщить? – спросила она почти шепотом.

– Сама сообщу! – Мэрилин раздраженно дернула плечом, протиснулась мимо поварихи в дверь.

Гальяно шагнул следом. Сердце вдруг снова забилося в два раза чаще, на лбу выступил холодный пот. Чтобы переступить порог этого дома, ему пришлось сделать над собой усилие. Даже странно...

Матвей

Им досталась комната в левом флигеле, не большая, не маленькая, вполне достаточная, чтобы в ней свободно разместились четыре кровати с прикроватными тумбочками, шкаф, письменный стол и два стула. Матвей швырнул рюкзак на одну из коек, обвел изучающим взглядом своих соседей.

На койку слева от распахнутого окна присел высокий светловолосый парень. За всю дорогу от города до лагеря он едва ли произнес несколько слов, зато у второго соседа, долгового, прыщавого и патлатого, рот не закрывался ни на минуту.

– А ничего так! – Патлатый по пояс высунулся в окно, обозрел окрестности. – Вид вполне себе! Природа! – добавил он и воздел глаза к небу.

Насчет вида из окна Матвей был с ним полностью согласен. За флигелем, насколько хватало взгляда, расстился парк, а ветки старой липы едва не касались подоконника. И в самом деле, красота. Вполне возможно, что родители зря волновались, и в этом богом забытом медвежьем углу Матвею будет очень даже неплохо. Надо написать им письмо, успокоить.

Отец Матвея, инженер-строитель, получил назначение в Ливию всего пару месяцев назад. Назначение это стало для семьи полной неожиданностью. Если младшую сестру еще можно было взять с собой, то срывать Матвея, которому предстоял последний год обучения в гимназии, казалось нецелесообразным. На семейном совете решили, что в Ливию вместе с отцом поедут мама и сестра, а Матвей год до поступления в институт поживет у тети. Тетя была готова приютить его сразу же, но на том же семейном совете постановили, что лето Матвей проведет вот в этом элитном лагере. Конечно, предварительно родители поинтересовались мнением сына. Матвей не возражал. Больше того, он был рад уехать из душного города в деревенскую глушь. В его жизни начался период, который отец с усмешкой называл лирическим. Пережитая в начале года первая и, как это часто бывает, несчастная любовь до сих пор нет-нет да и давала о себе знать неприятным сосущим чувством под ложечкой. Даже странно: любовь, кажется, уже прошла, а вот это мерзкое чувство осталось.

– Как-то скромненько для элитного заведения. – Краснощекий толстяк в непомерно широких джинсах со вздохом опустился на единственную свободную кровать. Пружины тут же угрожающе заскрипели под его весом.

– Так это ж спортивный лагерь, а не институт благородных девиц, – хмыкнул патлатый и тут же с мечтательной улыбкой добавил: – Хотя от благородных девиц я бы не отказался.

– Так вроде есть одна девица. – Толстяк достал из рюкзака завернутый в фольгу сверток, развернул, положил на стол, сказал: – Угощайтесь!

По комнате тут же поплыл аромат жареной курицы. У Матвея заурчало в животе.

– Обед же через пять минут, – буркнул патлатый, но воспользоваться щедрым предложением не преминул. – Тебя как, кстати, зовут?

– Степан Тучников, – пробубнил толстяк с набитым ртом, – но друзья зовут меня Тучей.

– Туча, значит. – Патлатый окинул его критическим взглядом, а потом кивнул. – Тебе подходит. А меня можете называть Гальяно. Это тоже для друзей. – Он перевел вопросительный взгляд на молчавшего все это время блондина.

– Дэн Киреев, – отрекомендовался тот.

– А для друзей? – вскинул брови Гальяно.

– У меня нет друзей. – Блондин встал и, не говоря больше ни слова, вышел из комнаты.

– Сложный случай! – прокомментировал Гальяно и всем корпусом развернулся к Матвею.

– Матвей Плахов. Для друзей просто Матвей.

– Давай к столу! Туча угощает! – Гальяно махнул рукой, словно это не Туча угощал честную компанию, а он сам.

Матвей уже шагнул к столу, когда дверь приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась рыжая лохматая голова.

– Чего расселись? – Пацаненку было лет девять, но вел он себя не по возрасту нагло, зыркал хитрыми глазами по углам комнаты, морщил конопатый нос.

– А ты что за явление природы? – спросил Гальяно, вгрызаясь в куриное крылышко.

– Я не явление природы, я Василий! – обиделся пацаненок. – Я здесь все знаю, – добавил со значением.

– Василий? Тезка, значит. – Гальяно вытер жирные руки о край расстеленной на столе газеты, спросил заговорщицки шепотом: – А скажи-ка нам, Василий, где в этой глуши можно купить сигареты?

– В деревне, – пацаненок хитро сощурился, – только вас туда одних все равно не пустят.

– А кого пустят?

– Меня! Я где хочу, там и хожу. Десять процентов сверху – и сигареты у тебя в кармане!

– Ты смотри, какая молодежь предприимчивая пошла! – восхитился Гальяно.

Матвей согласно кивнул. Сам он на заре «лирического периода» увлекся сигаретами, не так чтобы очень серьезно, но с охотки мог выкурить одну или две, поэтому поднятый Гальяно вопрос показался ему актуальным.

– Ну так то ж дело хозяйское! – Парнишка развел руками. – Не хотите, не надо! Я тогда вам и ключ от калитки в аренду не сдам, и дорогу на речку не покажу.

– Ну, допустим, дорогу к реке мы и сами как-нибудь найдем, – усмехнулся Матвей, – а вот про калитку и сигареты интересно.

– На воротах у нас охрана, никого без разрешения начальника за территорию не выпускают, – принялся объяснять Василий. – Наверное, с охраной тоже можно договориться, но со мной сотрудничать всяко выгоднее.

– Это почему? – спросил Туча, аккуратно заворачивая в фольгу недоеденную курицу.

– Потому что охранникам нужно платить каждый раз, а у меня абонемент. В заборе есть одна калиточка... – Василий перешел на шепот. – Она в парке, в таком месте, где никто не сторожит. Так вот за ключ от этой калиточки я хочу тысячу рублей.

– С каждого?! – возмутился Гальяно.

– Со всех! Я же не барыга какой! Вы подумайте, у вас еще много времени, чтобы подумать. Я тут на территории живу, как надумаетесь, найдете.

Ответить они ничего не успели, из коридора послышался женский голос:

– Васька, паразит! Ты куда подевался? Велено ж было на обед людей звать!

– Мамка моя! – всполошился Василий и тут же добавил: – Чего расселись?! Есть идите! Не слышали, что ли?

– Лихо! – только и смог сказать Матвей, когда за парнишкой захлопнулась дверь.

– Что-то мне не нравятся эти заборы и охранники, – проворчал Гальяно. – Еще б автоматчиков на вышки – и будет настоящая зона.

– А что ты думал? – вдруг неожиданно серьезно спросил Туча. – Зона и есть. Только элитная, – добавил с мрачной улыбкой.

Дэн

В лагере Дэну не понравилось с первой минуты, стоило только выйти из автобуса, стоило только увидеть высоченный трехметровый забор и отремонтированный особняк. Было во всем этом что-то неправильное и тревожное, словно они оказались не в лагере, а в замаскированной под элитный лагерь тюрьме. Если бы Дэн не дал слово родителям... Но мужчина всегда держит слово, на то он и мужчина.

В соседи ему достались трое. По крайней мере одного из них, тощего, прыщавого пацана с не в меру длинными волосами и таким же не в меру длинным языком, Денис уже не любил. Остальные пока ничем особенным себя не проявили, и в своем отношении к ним Дэн еще не определился. По большому счету, единственное, что его волновало, это возможность оставаться самому по себе и не принимать участия ни в каких командных играх. Наверное, в спортивно-патриотическом лагере с совершенно неспортивным и непатриотическим названием «Волки и вебри» это будет непросто.

До обеда еще оставалось пара минут, и Дэн решил осмотреть территорию. Флигель представлял собой небольшое одноэтажное здание, состоящее из шести одинаковых комнат и длинного коридора. В начале коридора, ближе к выходу, имелась еще одна комната. Сквозь щель в неплотно прикрытой двери Дэн увидел Суворова. Значит, без присмотра их ночью не оставят. В дальнем конце коридора был туалет и душевая. Дэн заглянул туда лишь мельком и уже через минуту оказался на крыльце.

С крыльца хорошо просматривался и главный корпус, и еще один флигель, отведенный, по всей вероятности, для второго, еще не прибывшего отряда. Пока Дэн осматривался, мимо него прошмыгнул невысокий рыжий паренек. По возрасту он не годился в воспитанники лагеря и, скорее всего, был сыном кого-то из персонала.

Дэн спрыгнул с крыльца, сорвал и сунул в рот травинку, сделал несколько шагов по ведущей к главному корпусу дорожке. Он успел дойти до центрального корпуса и уже собирался обойти особняк с обратной стороны, когда услышал рев мотора. На асфальтированную площадку перед домом въехал «Мерседес» с тонированными стеклами. Водительская дверца распахнулась, и из автомобиля вышел средних лет мужчина с уже наметившейся лысиной. Он обвел особняк и пристройки изучающим взглядом, а потом помог выбраться из машины изящной блондинке.

Женщина была красивой и холеной, держала спину прямо, на окружающий мир смотрела со смесью удивления и легкой брезгливости. Несколько секунд они о чем-то переговаривались, а потом мужчина коротко кивнул и распахнул заднюю дверцу. Наверное, тот, кто сидел внутри, не слишком стремился наружу, потому что прошло достаточно много времени, прежде чем потерявший терпение мужчина заглянул в салон и сказал что-то резкое. Блондинка слегка поморщилась, и во взгляде ее прибавилось брезгливости. Дэн, которого помимо воли заинтересовала происходящая у машины пантомима, прислонился плечом к гипсовой колонне. Любопытно, кто же там такой строптивый?

Долго ждать не пришлось. Мужчина отступил на шаг, и из машины показалась сначала одна обутая в грязную кроссовку нога, затем другая. Ноги были худые, с расцарапанными коленками. Вслед за ногами появился край ярко-розового платья, а потом и сама обладательница расцарапанных коленок.

Она оказалась странной. «Странная» – самый подходящий эпитет для девчонки, одетой в тонкий сарафан и грубые кроссовки, сжимающей в одной руке какую-то книгу, а в другой – небольшой рюкзак. У нее было лицо, которое невозможно запомнить с первого раза. Возможно, из-за длинной косой челки, занавешивающей один глаз и спадающей до самого подбородка. Второй глаз, ярко-синий, густо обведенный черным, смотрел на мир с настороженным

равнодушием. Дэну, который оказался частью мира, тоже достался по-рыбы стылый взгляд. Остроту этого взгляда не смогло притупить даже разделяющее их расстояние. Девчонка смотрела на Дениса недолго, доли секунды хватило, чтобы по спине поползли мурашки. Дэн сразу, в то же самое мгновение, понял, что у нее есть свой собственный персональный демон, и демон этот не расслабляется ни на секунду...

– Детка, подожди нас с папой. Мы скоро.

Блондинка, которая оказалась матерью этого нескладного, злобного существа, попыталась погладить девчонку по голове. Но та дернула плечом, отступила на шаг, прямо по земле волоча за собой рюкзак. Блондинка не расстроилась и не удивилась, наверное, привыкла. Она лишь пожала плечами и многозначительно посмотрела на своего спутника. Тот хотел было что-то сказать, а потом досадливо махнул рукой, направился прямо к Дэну:

– Эй, парень, не подскажешь, где тут у вас начальник лагеря?

Дэн не знал, поэтому в ответ лишь отрицательно мотнул головой.

– Детка, мы с папой надеемся, ты не наделаешь глупостей? – Женщина разговаривала со своей дочкой, как с умственно отсталой. Она смотрела на девчонку, а та уставилась на кружащих высоко в небе ворон. В этот момент сама девчонка была похожа на ворону, нелепую ворону, обряженную в дурацкий розовый сарафан.

– Думаю, стоит начать отсюда. – Мужчина распахнул перед блондинкой дверь. Женщина благодарно улыбнулась в ответ. – Административная часть, скорее всего, где-то на первом этаже, потому что... – договорить он не успел.

– Рита! Ритка!!! – послышался громкий женский голос. – А мы вас только к завтрашнему утру ждали!

От флигеля к ним торопливо шла крупная рыжеволосая тетка. Ее круглое лицо расплылось в радостной и одновременно настороженной улыбке.

– Здравствуй, Лида! – Блондинка тоже улыбнулась, уголки аккуратно накрашенного рта дрогнули и словно нехотя поползли вверх. – Да вот никак у нас не получается завтра! Билеты на самолет уже на руках, вылет сегодня вечером. – Она говорила, а ее накрашенные бледно-розовым лаком ногти впивались в руку мужчины с такой силой, что тот поморщился.

– Добрый день, – процедил он с плохо скрываемой досадой. – Вы очень кстати.

– Здравствуйте, Игорь Дмитриевич! – Тетка рассеянно провела рукой по повязанным косынкой волосам, улыбнулась на сей раз совсем уж робко. Она так и стояла, не дойдя до них несколько метров, смотрела на мужчину во все глаза и улыбалась.

– Лида, а мы вот... привезли нашу девочку, – нарушила неловкое молчание блондинка и кивнула на безучастно стоящую в центре одуванчикового газона девчонку. – Детка, скажи тете Лиде «здравствуйте», – добавила она строго.

Деточка, которой по виду было не меньше пятнадцати, но к которой родная мать обращалась как к пятилетней, ничего не ответила, развернулась к родителям и тете Лиде спиной. Бретелька розового сарафана сползла, обнажая плечо и острую, как крыло ласточки, лопатку.

– Видишь, Лидочка, какой у нас сложный случай? – Блондинка досадливо покачала головой. – Справитесь?

– Так а чего же не справимся? – Тетка бросила быстрый взгляд на Дэна, сказала строго: – А ты что это тут стоишь? В столовку иди! Обед уже стынет.

Дэн понятия не имел, где тут у них столовая, но согласно кивнул. Быть свидетелем чужих и, по всей вероятности, не слишком приятных разговоров ему не хотелось.

– Столовка по коридору и направо! – проинструктировала тетка и, взмахнув не слишком чистым кухонным полотенцем, указала направление.

Прежде чем захлопнуть за собой дверь, Дэн бросил еще один взгляд в сторону девчонки. Она сидела по-турецки прямо посреди газона, перед ней лежала раскрытая книга. Сложный случай, что правда, то правда...

Туча

Родители развелись в марте. Для Степки известие о разводе не стало неожиданностью. Вот уже несколько лет он ждал и боялся, что случится что-то подобное. Дождался...

Мама ушла в январе, сразу после Нового года. Степка в мельчайших подробностях помнил день, который стал началом конца. Он уже лежал в кровати, и под подушкой у него имелась упаковка шоколадного печенья. Он не был уверен, что съест печенье этой ночью, но тот факт, что оно есть, грел душу. Мама вошла в комнату в тот самый момент, когда Степка размышлял над тем, что скажут родители, если узнают, что за последние два месяца его вес увеличился еще на пять килограммов.

Мама, наверное, расстроится. Она никогда не говорила об этом вслух, но Степка знал – она, хрупкая и изящная, очень известная и очень популярная, стесняется появляться на публике в его обществе. Ни в одном интервью, а Степка прочел все, что сумел найти, она ни единым словом не обмолвилась о том, что у нее есть сын. И не потому, что само его существование указывало на ее далеко не девичий возраст, а потому, что стеснялась его неуклюжести и невероятной тучности. Сто один килограмм в неполных шестнадцать...

А отец разозлится. Его злило все, что было связано со Степкой. И тучность, и неуклюжесть, и бесхребетность. Особенно бесхребетность...

– Доброй ночи, сынок. – Мама присела на край его кровати, посмотрела внимательно и, как показалось Степке, виновато.

– Здравствуй, мам! – Ему хотелось, чтобы она поцеловала его в щеку или, на худой конец, погладила по волосам, а она просто смотрела. – Что-то случилось, мам?

В желудке вдруг заныло.

– Нет, все в порядке, я просто зашла, чтобы... – Мама не договорила, достала из кармана шелкового халата бумажный пакет, положила на прикроватную тумбочку. – Ты уже такой большой, Степа.

Да, он большой. И с каждым месяцем его становится все больше.

– Меня не было с тобой в этот Новый год.

Да, ее не было с ним в этот Новый год. И в прошлый, и в позапрошлый. Он почти привык.

– Все нормально, мам.

– Это тебе. – Она кивнула на пакет. – Подарок.

– Спасибо, мам!

У него тоже был для нее подарок. Резная деревянная рамка для фотографий, которую он сделал своими собственными руками. Но, чтобы достать ее с полки, нужно было выбраться из-под одеяла, а у него столько лишних килограммов. Маме будет неприятно. Лучше завтра или сегодня ночью. Можно пробраться в мамину спальню и оставить рамку на тумбочке, чтобы мама увидела ее утром.

– Мне нужно уехать, сынок. – Вместо того чтобы погладить его, мама погладила край его одеяла.

– Да, я понимаю.

Она часто уезжала. Вся ее жизнь состояла из концертов и гастролей. Его мама была звездой!

– Насовсем, – сказала она и еще раз погладила его одеяло. – Я должна уехать насовсем. Мы с твоим папой больше не можем жить вместе.

Степка хотел спросить – а как же он? Но мама предвосхитила вопрос:

– Ты останешься с отцом. У меня же гастроли... Так будет лучше для всех.

Степка не знал, кто эти «все», которым станет лучше, когда мама уедет насовсем, но сосущее чувство в желудке вдруг стало нестерпимым.

– Будь хорошим мальчиком, Степа! – Мама встала, подумала о чем-то, а потом сказала: – Да, с папой тебе будет лучше.

За мамой уже давно захлопнулась дверь, а он все сидел, глядя прямо перед собой. Ему нужно было подумать, понять, как жить дальше. Про прощальный подарок мамы он вспомнил только спустя двадцать минут, дрожащими от волнения руками вскрыл пакет, а потом очень долго рассматривал его содержимое...

Когда Степка раздирал упаковку из-под шоколадного печенья, руки больше не дрожали, что-то не то было с его глазами. Глаза щипало, и окружающие предметы расплывались, теряли четкость. И боль в желудке не прошла, даже когда от печенья остались лишь рассыпанные по простыне колючие крошки. Степка еще раз посмотрел на мамин подарок, шмыгнул носом и засунул пакет под матрас.

– Не будь слизнем! – Это первое, что он услышал от отца следующим утром за завтраком. – Не смей раскисать только потому, что эта сучка от нас сбежала!

«Этой сучкой» он называл свою жену и маму Степки. Наверное, нужно было что-то сказать, заступиться, но Степка промолчал. Он старательно пережевывал кажущуюся безвкусной отбивную и смотрел на отца ничего не выражающим взглядом.

– Ничего, ничего, сын! – Было непонятно, кого тот утешает: себя или Степку. – Мы же с тобой мужики! Теперь у нас с тобой все пойдет по-другому! Я из тебя сделаю человека, можешь не сомневаться!

Отец не обманул, он никогда не бросал слов на ветер. Он принялся делать из Степки человека в тот самый день. Инструктор по фитнесу, личный диетолог, пробежки по утрам, заплывы в бассейне по вечерам, прыжки со скакалкой, отжимания. Все это Степка ненавидел лютой ненавистью, от упражнений, забегов и заплывов уклонялся, как умел, здоровую пищу заедал шоколадным печеньем и купленными в ближайшем «Макдоналдсе» хот-догами. За два месяца его вес увеличился еще на три килограмма, а отец почти потерял надежду на то, что из бесхребетного сына можно сделать настоящего мужика. В марте Степку оставили наконец в покое, а в конце мая отец вдруг позвал его в свой кабинет.

– Вот! – Он положил перед Степкой какую-то бумажку.

– Что это? – Брать бумажку в руки Степа не спешил.

– Это твой пропуск в мужской клуб, путевка в спортивно-патриотический лагерь. Ты поедешь туда на все лето. Возражения? – Отец посмотрел на него поверх очков.

У Степки не было возражений. Спортивно-патриотический лагерь не изменит в его тусклой жизни ровным счетом ничего.

– Тогда готовься! Я надеюсь, после возвращения твоя талия станет как минимум на двадцать сантиметров меньше.

Вот такое отеческое напутствие.

Уже в дороге, сидя в пахнущем бензином автобусе и разглядывая пролетающие за окном пейзажи, Степка вдруг подумал, что, возможно, лагерь – это не зло, а новый этап. Надо только постараться быть дружелюбным с теми, с кем сведет его судьба.

Судьба свела его с тремя ребятами. Первый из которых, длинноволосый, прыщавый и не в меру самоуверенный, Степке сразу же не понравился. Прыщавый был немногим симпатичнее его самого, но вел себя, как хозяин жизни, и представился не банальным «Вася», а пижонским прозвищем «Гальяно». Прозвище Степке не понравилось, зато понравилась идея. Можно и самому назваться как-то по-особенному.

– Друзья называют меня Тучей.

Он соврал дважды. У него никогда не было друзей, а те, кто снисходил до общения с ним, называли его в лучшем случае Жиртрестом. Наверное, и здесь, в компании этих поджарых, удачливых и довольных жизнью ребят, этот номер не пройдет.

Удивительно, но к его на ходу придуманному прозвищу отнеслись как к должному. А Гальяно, который уже не казался Степке-Туче таким уж противным, даже сказал, что прозвище ему подходит. Спортивного вида блондин, который назвался Дэном и сразу заявил, что не нуждается в друзьях, отнесся к Степке равнодушно, но не враждебно, а третий из их компании, Матвей Плахов, даже ободряюще улыбнулся, и где-то глубоко в Степкиной душе родилась надежда, что все у него будет хорошо.

Гальяно

Столовка располагалась в главном здании, куда они шли по дорожке, мимо припаркованного у входа черного «мерса», мимо сидящего посреди газона пугала.

У пугала были острые плечи, черные волосы, разбитые коленки. Пугало нарядилось в розовый сарафан и сидело по-турецки. В руках оно держало какой-то талмуд и не обращало на происходящее вокруг никакого внимания.

– Это еще что за чудо? – Гальяно даже замедлил шаг, чтобы рассмотреть сидящую на земле девчонку.

– А говорили, что лагерь только для мужиков, – пробубнил Туча.

– Может, из местных? – предположил Матвей.

– Господи! – Гальяно воздел очи к небу. – Если все местные такие страшные, то мы тут загнемся от тоски.

Вообще-то загибаться от тоски он не собирался, в памяти были свежи воспоминания о Мэрилин, но можно ведь немного поворчать.

– Эй, красавица! Ты чья будешь? – во все горло заорал он, обращаясь к девчонке.

Ответом ему стала тишина. Девчонка даже голову не подняла от своей книжки.

– Странная какая-то, – снова пробубнил Туча и потрусил к крыльцу.

– Да не трогай ты ее. – Матвей похлопал Гальяно по плечу и направился вслед за Тучей.

– Может, слабоумная? – предположил Гальяно, пожимая плечами.

Он уже собирался уходить, когда девчонка зыркнула в его сторону. Между лопатками точно впиалась стрела, таким острым был у нее взгляд. Да ну ее!

В столовую он вошел в числе самых последних, плюхнулся на пустующее место между Матвеем и Тучей, огляделся. В столовой, просторной комнате с высоким лепным потолком, столы стояли в два ряда. Пять с одной, пять с другой стороны. Первый ряд уже был занят пацанами из их отряда, а второй пока пустовал. За их столиком сидело четверо. Белобрысый красавчик, похоже, опередил их всех, потому что его тарелка была уже наполовину пуста. У окна чуть особняком располагался стол для сотрудников лагеря. За ним сейчас сидели Мэрилин и Суворов. Сердце Гальяно сжалось от ревности.

Они уже взялись за вилки, когда в столовую вошел одетый в элегантный льняной костюм дядечка. Дядечка был из породы интеллигентов, носил аккуратную бородку и очки в тонкой оправе. Он улыбался приветливой и никому конкретно не адресованной улыбкой.

Дядечка остановился аккуратно напротив их стола, подождал немного, пока утихнет гомон, а потом заговорил негромко, но как-то по-особенному проникновенно:

– Дорогие друзья! Мы рады приветствовать вас в нашем лагере!

– Начальник, – буркнул Туча. – Сто пудов – начальник.

– Меня зовут Антон Венедиктович Шаповалов, и я начальник этого лагеря. Лагеря, в котором ни один из вас не будет скучать, где каждый найдет занятие по душе. – Начальник откашлялся, обвел присутствующих изучающим взглядом, продолжил: – Вы здесь пока еще не в полном составе. К вечеру должны приехать ребята из второго отряда, но у вас есть существенное преимущество – вы первыми узнаете правила игры.

– Что еще за игры такие? – Гальяно посмотрел на Матвея.

Тот в ответ лишь пожал плечами.

– Жизнь без соревнования пресна и неинтересна! – Начальник поднял вверх указательный палец. – Ничто так не стимулирует личные достижения, как победы противника.

При этих словах на равнодушном лице Дэна Киреева мелькнула и тут же исчезла тень неодобрения. Заметивший это Гальяно удивленно приподнял брови.

– Лбами сталкивать будут, – буркнул Туча, засовывая в рот кусок котлеты. – В «Зарницу» будем играть.

– Похоже на то. – Матвей согласно кивнул.

– Именно по этой причине вас разделили на два отряда. Отряд волков и отряд вепрей, – продолжил начальник.

– Боже, какой кошмар! – Гальяно страдальчески поморщился. – Волки и вепри! Мама дорогая...

– Интересно, а мы в каком отряде? – Туча подался вперед.

– Ты в отряде бегемотов, – фыркнул Гальяно, но под тяжелым взглядом Киреева осекся.

– А ты в отряде бабуинов, – огрызнулся Туча и сунул в рот оставшийся кусок котлеты.

– Право называться волками вы можете заслужить! – Начальник бросил быстрый взгляд на их столик. – Сегодня вы отдыхаете, набираетесь сил, а завтра вас ждет первое испытание. И не спрашивайте, что это будет! – Он улыбнулся, глаза за стеклами очков хитро блеснули. – Узнаете утром.

Начальник несколько секунд помолчал, дожидаясь, когда воспитанники усвоят полученную информацию, а потом добавил:

– Ребята, чтобы в будущем у нас с вами не возникало недоразумений, хочу сразу предупредить. Разумеется, у вас будет некоторая степень свободы, но лишь в пределах лагеря. Выходить за ворота вы сможете только по специальным пропускам или в сопровождении взрослых. Дисциплина – вот залог нашего с вами успешного сотрудничества. Дисциплина и взаимное уважение.

– Ага, а еще долбаная конкуренция и командный дух, – проворчал Гальяно себе под нос. Прошло всего каких-то несколько часов, а суперэлитный и суперклевый лагерь больше не казался ему таким уж привлекательным местом. Волки и вепри – с ума сойти!

Начальник еще что-то говорил, но Гальяно его не слушал, краем глаза наблюдал, как милуются Суворов и Мэрилин. Суворов поглаживал Мэрилин по тонким пальчикам, шептал что-то на ушко, а она кивала и улыбалась. Пожалуй, остальных конкурентов можно не принимать в расчет, но вот этот самовлюбленный павлин еще доставит хлопот. Гальяно расстроено покачал головой, посмотрел в окно.

Снаружи происходило кое-что интересное. Девчонка в розовом сарафане по-прежнему сидела посреди газона, но на сей раз ее окружали сразу четверо взрослых. Рыжую тетку в белом халате Гальяно уже видел, это она звала их на обед. Крупный мужик в синем рабочем комбинезоне, скорее всего, тоже работал в лагере, а вот двое других казались неместными и, если судить по крутому «мерсу», весьма небедными. Лысый представительный мужик что-то говорил рабочему, тот согласно кивал в ответ, то и дело бросая озадаченные взгляды на девчонку. Стройная блондинка с осиной талией нервно гарцевала рядом с лысым. Гальяно не мог видеть ее лица, но чувствовал, что блондинка очень взволнована. Она тоже что-то говорила, только не рабочему, а девчонке. Или не говорила, а уговаривала? Да, скорее всего, уговаривала, причем, если судить по мрачному лицу лысого, без особого успеха. Рядом в нескольких метрах вертелся рыжий пацаненок, тот самый, который предлагал им сигареты и ключ от калитки. Гальяно решил, что тетка в халате и дядька в комбинезоне его родители.

– Чего сидишь? Остынет все! – Туча ткнул Гальяно в бок.

– Кто про что, а вшивый про баню! – Гальяно многозначительно посмотрел на опустевшую тарелку Тучи.

– Сам ты вшивый, – проворчал Туча и потянулся за стаканом с компотом. – Просто невкусно потом будет.

– А и ладно! У тебя ж еще курица осталась. Ее ж доесть нужно, чтобы добро не пропало. Поделишься с товарищем?

Туча посмотрел на него долгим взглядом, а потом улыбнулся и кивнул. Странноватый, конечно, перец, но, в общем-то, неплохой. По крайней мере не жадный. И до Мэрилин ему никакого дела нет...

А происходящие во дворе события тем временем перешли в новую фазу. Лысому удалось-таки поднять девчонку с земли. Она вырывалась, бестолково дергала тонкими ручками, дрыгала ногами и от всего этого была похожа на ожившую марионетку. Надо сказать, куковод не особо церемонился. Когда девчонка попыталась его лягнуть, с силой отвесил ей оплеуху. Наверное, это было больно, потому что девчонка перестала вырываться, прижала ладонь к лицу. Тетенька в халате испуганно всплеснула руками, обхватила девчонку за плечи, точно защищая. Блондинка покачала головой, сказала что-то сначала лысому, потом тетеньке. Мужик в комбинезоне стоял с мрачным лицом, засунув руки глубоко в карманы. Рыжий пацаненок куда-то исчез.

Гальяно перевел дыхание, отвернулся от окна. Оказалось, что за происходящей во дворе пантомимой очень пристально наблюдает еще один человек. Дэн Киреев смотрел в окно невидящим взглядом. Его брови сошлись на переносице, а кулаки он сжимал с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Похоже, творящийся снаружи беспредел ему тоже не нравился. Заметив, что за ним наблюдают, Киреев отвернулся от окна и уставился в тарелку, но кулаки так и не разжал.

Гальяно гордился своей наблюдательностью и особым чутьем на людей. В Кирееве странностей было больше чем достаточно. Даже улыбчивый и с виду простодушный Туча казался шкатулкой с двойным дном. Пожалуй, самым нормальным из их четверки, не считая самого Гальяно, был Матвей. Впрочем, любой человек имеет право на маленькую придурь, и если эта придурь не выходит за рамки, тогда все о'кей! А вот девчонок бить нельзя! Это уже не придурь, а скотство. Даже если девчонка похожа на огородное пугало и, вполне вероятно, немного не в себе.

Матвей

Автобус со вторым отрядом приехал ближе к вечеру. Матвей с ребятами к этому времени уже успел изучить территорию. Территория была большой, если не сказать огромной. Кто бы раньше ни жил в этом поместье, в средствах он явно не нуждался, потому что, помимо главного здания и двух флигелей, в усадьбе имелись еще хозяйственные постройки и маленький гостевой домик, в котором жил Василий со своими родителями. Сзади к дому примыкал парк, старый, но ухоженный. В парке имелись скамейки, фонари и даже на удивление чистая беседка. От внешнего мира парк, как и весь лагерь, отделял высокий кирпичный забор. Забор этот прерывался лишь в двух местах: на въезде, где имелась будка охранника, и в глубине парка, где в самом укромном уголке обнаружилась запертая на всякий замок калитка. Сквозь прутья калитки была видна дорожка, убегающая в глубь окружающего поместья леса. Если судить по ширине, то пользовались дорожкой нечасто.

– Приплыли! – Гальяно подергал за калитку, попытался вскарабкаться вверх по прутьям, но едва не свалился. – Концлагерь какой-то! – сказал с досадой и, вытащив из кармана джинсов сигареты, закурил. – Будете? – Он кивнул на пачку.

– Спасибо, в другой раз. – Матвей тоже подергал калитку. Не то чтобы ему так уж хотелось оказаться на той стороне, просто стало любопытно.

Дэн отказался от сигарет, молча мотнув головой. Он вообще был самым неразговорчивым из них, и ни разу за день знакомства Матвей не видел, чтобы Дэн улыбался.

– А я, пожалуй, закурю! – Туча потянулся за сигаретой, рука его заметно подрагивала.

– Уверен? – спросил Гальяно, но зажигалкой все-таки щелкнул.

– Угу, – пробормотал Туча, прикуривая.

Он закашлялся в тот самый момент, когда погасла зажигалка, а его вечно румяное лицо вдруг нездорово посинело.

– Вот дурак, – прокомментировал ситуацию Дэн. – Зачем тебе?

– Не умеешь – не берись! – Гальяно выхватил у Тучи сигарету, аккуратно загасил о стену, сунул обратно в пачку. – Потом докурю. Неизвестно еще, как здесь все сложится.

– Тебе же сказали, за десять процентов комиссионных все добудут, – усмехнулся Матвей, хлопая по спине не прекращающего кашлять Тучу.

– А для постоянных клиентов у меня еще и скидки имеются, – раздалось вдруг совсем рядом, и из-за куста шиповника высунулась рыжая голова Василия.

– Шпионишь, малый? – пригрозил ему пальцем Гальяно.

– Не шпионю, а держу ситуацию под контролем. – Пацаненок выбрался из кустов и теперь косил на них хитрым глазом.

– Контролер выискался! – Гальяно глубоко, по-взрослому, затянулся.

Переставший, наконец, кашлять Туча посмотрел на него со смесью зависти и восхищения.

– Ну и как, есть за этим забором что-нибудь достойное нашего внимания? – поинтересовался Матвей.

– Стольник – и калитка откроется! – Пацаненок выудил из кармана штанов ключ, помахал им у Матвея под носом.

– А не слишком ли жирно? – недобро сощурился Гальяно. – Это теперь ты каждый раз с нас по столнику будешь драть, чтобы калитку открыть?

– Стольник – это не за калитку, это за экскурсию, – сказал Василий. – А за ключик – тысяча! Я ж говорил.

– А ты, тетка, как я посмотрю, барыга! – Гальяно загасил сигарету, спросил с угрозой: – А если мы ключик у тебя просто так заберем, без денег?

– Оно-то можно. – Мальчишка, похоже, нисколько не испугался. – Только у бати моего этих замков знаешь сколько? Ему замок поменять – раз плюнуть.

– Давай пока начнем с экскурсии, а там уже разберемся. – Дэн сунул парнишке сотню.

– Вот это серьезный разговор! Вот это я понимаю! – Василий деловито загремел замком. – Прошу! – Он распахнул калитку.

С той стороны, на воле, оказалось красиво. То есть в самом лагере тоже было неплохо, но здесь, в напоенном ароматом нагретой солнцем смолы лесу, ощущалось какое-то особое приволье.

– С чего начнем? – спросил Василий.

– А что тут интересного? – Гальяно надвинул на лоб кепку.

– Речка есть. Тут недалеко.

– Класс! Голосую за речку! – Матвей поднял вверх руку.

Дэн посмотрел на безоблачное, уже чуть розовеющее у горизонта небо, кивнул.

– А нас не хватятся? – опасливо поинтересовался Туча.

– Два часа у вас точно есть, – успокоил его мальчишка. – Если что, скажете, что в парке гуляли. Кстати, деревня вон там! – Он мотнул головой в сторону бегущей параллельно забору дорожке. – Пойдете по ней, не заблудитесь. Только если вас вдруг поймают, я вас знать не знаю, – добавил строго.

– Да пойдем уже, экскурсовод! – сказал Гальяно и нетерпеливо потрусил по убегающей в лес тропинке.

Они прошли метров триста, и Василий остановился у развилки. Собственно говоря, развилкой это место можно было назвать с очень большой натяжкой, просто от одной тропинки ответвлялась другая, едва заметная.

– А там что? – спросил Дэн.

– А там Чудова гарь! – Мальчишка выпучил глаза и одновременно попытался нахмуриться. – Страшное место! Я вас туда не поведу ни за какие деньги!

– Так уж и ни за какие? – усомнился Матвей.

– Ну, если только за очень большие, да и то только дорогу покажу.

– Дорогу мы и сами видим, – хмыкнул Гальяно. – Так что денежки можем сэкономить.

– А что за гарь такая? – спросил Туча и поежился.

– Страшное место! – Парнишка помотал рыжей головой. – Наши туда никогда не ходят.

– Так чем оно страшное-то? – Помимо воли Матвей заинтересовался этой еще не рассказанной историей.

– Там люди мрут, – сказал Василий очень серьезно. – А если не мрут, так пропадают с концами.

– Бермудский треугольник, – усмехнулся Гальяно, которого, по всему виду, гораздо больше интересовала речка, чем какая-то гарь.

– Че? – переспросил Василий.

– А ниче! Веди нас к пляжу! С гарью твоей потом разбираться будем.

– Откуда название такое странное? – спросил Матвей.

– Так там гарь и есть. Самая настоящая гарь. – Мальчишка пожал плечами. – Уже почти сто лет не растет на том месте ни травинки! Ну, пойдемте же! А то и в самом деле купаться будет некогда!

До речки добирались в молчании, даже болтливый Гальяно точно воды в рот набрал. Василий резво трусил по тропинке, остальные гуськом шли следом.

О приближении воды они узнали по запаху. Возле рек всегда пахнет по-особенному: сырым песком, осокой и еще чем-то неуловимым.

– Почти пришли! – Василий замер перед соскальзывающей с обрыва тропинкой. Тропинка извивалась между зарослями дикой малины, огибала торчащие из земли корни. – Вон

там река! Только тут, смотрите, осторожно, не переломайте ноги! – Василий бросил на них снисходительный взгляд и с гиканьем помчался вниз.

Следом сорвался Гальяно, тоже с гиканьем. Дэн спускался молча. Туча опасливо косился по сторонам, по тропинке шел по-крабы, боком. Матвей замыкал процессию.

Место, куда привел их Василий, оказалось по-особенному красивым и тихим. Здесь река умирала свой стремительный бег и образовывала затон. Дальний берег был крутым и обрывистым, а на их стороне имелся даже небольшой песчаный пляж.

– Эх, красота! – во все горло проорал Гальяно, сбрасывая с себя одежду.

– Не ори ты так! – шикнул на него Туча, пальцами ног осторожно пробуя воду. – Прохладная, – сказал с сомнением и отступил на шаг.

– Разойдись, народ! – Не обращая внимания на брюзжание Тучи, Гальяно сиганул в реку. Веер брызг окатил их всех. Спасти удалось только предусмотрительному и юркому Василию. – Уф, хорошо! – зафыркал Гальяно, выныривая на поверхность.

– Вы только это... далеко не заплывайте, – предупредил Василий. – Тут глубоко очень, и ключи холодные бьют. Если от холода судорогой прихватит, можно и не выплыть.

– Уже были прецеденты? – спросил Матвей, стаскивая джинсы.

– Чего? – переспросил Василий.

– Тонул уже здесь кто-нибудь? – уточнил Дэн.

В отличие от Гальяно и Матвея, он раздеваться не спешил, в раздумьях стоял на берегу.

– Училка молодая утонула. Давно, правда, почти тринадцать лет назад. Как раз в самую темную ночь и утонула, – сказал Василий зловещим шепотом.

– Самая темная ночь? – Дэн удивленно приподнял брови. – Это еще что такое?

– Я плохо знаю. – Василий беззаботно пожал плечами. – Это Турист про самую темную ночь рассказывал. Когда наступает самая темная ночь, непременно кто-нибудь в округе умирает. Чаще девки молодые, но бывает, что и старые мужики.

– А в обычные ночи, значит, у вас тут никто не умирает? – усмехнулся Дэн.

– И в обычные умирают! – Мальчишка обиженно насупился. – Только в обычные ночи люди сами по себе мрут, а в самую темную ночь непременно перед смертью на Чудову гарь приходят.

– Зачем? – спросил Матвей.

– А никто не знает. Может, зовет их кто, а может, так чего.

– И что там, на этой вашей гари?

– Убивает их нечистая сила! – сообщил Василий зловещим шепотом.

– И училку? – спросил Дэн.

– И училку!

– Не сходится, сам же только что рассказывал, что училка в затоне утонула.

– В затоне! Да только перед тем она на Чудовой гари побывала!

– А откуда такая уверенность? – Стоявший в сторонке Туча подошел к ним, вытянул от любопытства шею.

– А на платье потом следы сажи нашли. И под ногтями тоже. Вот! Значит, она точно на гари была перед тем, как потопнуть.

– Так, может, и не сама потопла? – Туча поежился, с тревогой посмотрел на плещущегося в воде Гальяно. – Может, утопил кто?

– Может, и утопил, – сказал парнишка серьезно. – Я у Туриста спрашивал, только он не ответил ничего.

– Что-то я купаться раздумал. – Туча сунул руки в карманы своих безразмерных штанов.

– Думаешь, она до сих пор там? – усмехнулся Матвей, кивая в сторону затона. – Ждет, когда ты в воду зайдешь, чтобы за пятку схватить?

– Выловили ее! – авторитетно заявил Василий. – Нет там никого, кроме жаб да этого вашего! – Он посмотрел на Гальяно.

– Эй, что у вас там за совещание? – Гальяно увидел, что за ним наблюдают, замахал руками. – Идите ко мне! Водичка – класс!

– Что-то не хочется. – Туча попятился.

– А я, пожалуй, окунусь! – Матвей снял наручные часы, сунул их в карман джинсов. – Ты со мной? – Он вопросительно посмотрел на Дэна.

Всего на мгновение, на какую-то долю секунды, лицо Дэна сделалось растерянным, а потом он решительно кивнул, потянул за ворот футболки.

Его тело с развитой мускулатурой и непривычно смуглой для блондина кожей было бы идеальным, если бы не послеоперационный рубец. Матвей точно знал, что рубец послеоперационный, у отца имелся такой же после операции на желудке. А вот что случилось с Дэном, в его-то возрасте? Он не стал спрашивать и пялиться на рубец тоже не стал. Понятно, почему Дэн не спешил раздеваться. Наверное, стеснялся своего исполосованного живота. Интересно, шрамы у него на руках появились одновременно с этим рубцом?

– Круто! Ты прямо как гладиатор – весь в шрамах! – В отличие от Матвея, Василий смотрел на Дэна во все глаза. – Мне про гладиаторов Турист рассказывал.

– Точно, как гладиатор. – Дэн вдруг улыбнулся. – А кто такой Турист, который знает и про гарь, и про гладиаторов?

– А Турист – он Турист и есть! Тут неподалеку живет. Летом живет, а осенью в город съезжает. Его вообще-то дядей Сашей звать, но он такой клевый! – В глазах парнишки зажегся огонек обожания. – Он все-все умеет! Настоящий турист!

– Да елки-моталки! – донесся до них возмущенный рев Гальяно. – Вы сегодня вообще купаться собираетесь?

– Идем! – Дэн взъерошил и без того дыбом стоящие Васины вихры, направился к воде. Матвей обернулся к Туче.

– Ты как – заплывешь?

– Я уже заплыл! – Туча вдруг с отчаянной решимостью задрал майку, демонстрируя переваливающееся через ремень пузо. – Жиром заплыл. Видишь? – сказал злым шепотом.

– И что теперь? – Матвей пожал плечами. – Из-за такой ерунды лишать себя удовольствия?

– Он засмеет. – Туча не сводил взгляда с плещущегося в реке Гальяно.

– Не засмеет, – сказал Матвей с непонятно откуда взявшейся уверенностью. – Он нормальный пацан. Пойдем окунемся!

Туча долго молчал, а потом кивнул, принялся стаскивать майку.

В прохладную, несмотря на жару, воду он рухнул под одобрителное улюлюканье Гальяно. Сквозь сноп разлетающихся во все стороны брызг Матвей успел заметить белозубую улыбку Дэна, вторую за несколько минут. Все-таки это лето обязательно должно стать особенным!

Туча

Никто из них не смеялся! То есть они все смеялись, но не над ним, а просто из-за того, что побег из лагеря удался, что вода клевая, а жизнь прекрасная. Даже язвительный, тощий, как вобла, Гальяно словно и не замечал Степиной необъятной тучности, а если и замечал, то не придавал этому никакого значения. А надменный и на первый взгляд ко всему равнодушный Дэн Киреев, эта прекрасная помесь Аполлона с гладиатором, даже по-дружески похлопал Степу по плечу. А Матвей, навалившись сзади, попытался его слегка притопить, но не зло, а тоже по-дружески. Туче достаточно было дернуть плечом, чтобы Матвей сам с головой ушел под воду. Он вынырнул, фыркая и отплеываясь, и, кажется, посмотрел на Тучу с уважением.

– Да ты настоящий вепрь! – В голосе Гальяно послышалась зависть. – Здоровенный!

Да, он был здоровенный. Высокий, метр восемьдесят пять, но при этом необъятный, под завязку нашпигованный взлелеянными родителями комплексами. Даже силы, которую дала ему природа, он стеснялся так же, как и своей слоновьей неуклюжести. Но здесь, рядом с этими ребятами, оказывается, можно не стесняться и не думать ни о чем, кроме того, что вода классная, о том, что, возможно, – Господи, сделай так! – это лето окажется не таким уж плохим, как виделось.

Обратно в лагерь возвращались почти бегом. Времени до ужина оставалось в обрез. Над головами назойливо кружилась непонятно откуда взявшаяся мошकारа, а с мокрых волос за шиворот стекала вода. Они были голодными и возбужденными из-за открывающихся перед ними перспектив.

– Волосы повытирайте! – велел Василий, запирая за ними заветную калитку. – И про собственный ключ подумайте. – Он хитро сощурился. – Видите, как хорошо, когда есть ключ!

– Ах ты коммерсант! – сказал Гальяно беззлобно и подмигнул Туче. – Что, пацаны, придется, наверное, раскошелиться на золотой ключик!

Все согласно закивали. Туча тоже кивнул.

У них едва хватило времени, чтобы незамеченными прошмыгнуть во флигель и привести себя в порядок. Туча как раз заканчивал вытереть голову, когда в комнату заглянул командир, обвел их подозрительным взглядом и спросил:

– Где болтались, архаровцы?

– В парке! Изучали территорию. – Лицо Гальяно расплылось в не слишком приветливой улыбке. – Скука тут у вас смертная, – добавил он ехидно.

– Скука, говоришь? – Суворов нахмурился, а потом усмехнулся. – Посмотрим, что ты завтра запоешь, Гальянов! А теперь быстро в столовую! Отряд вас четверых ждать не будет.

Перед главным корпусом на том самом месте, где еще утром стоял черный «Мерседес», сейчас возвышался двухъярусный автобус. Значит, приехали наконец ребята из второго отряда, те самые, которым предстояло стать их соперниками в никому не нужной битве за никому не нужную победу. Но теперь, когда он больше не был неудачником Степкой Тучниковым, а переродился в Тучу, когда рядом были если не друзья, то уж точно нормальные ребята, он не боялся никаких битв и никаких соперников.

На газоне среди желтых головок одуванчиков вдруг что-то блеснуло. Туча сначала замедлил шаг, а потом и вовсе присел на корточки, разглядывая находку. В траве, обернувшись серебряной цепью вокруг пука одуванчиков, лежал маленький ключик. Простенький, незатейливый и одновременно такой притягательный, что у Тучи задрожали руки. Ключик не просто выбросили. Какой дурак добровольно расстанется с такой удивительной вещицей?! Его потеряли. Оборванная у самой застежки цепочка подтверждала эту версию. Туча даже догадывался, кому может принадлежать ключик, вот только твердой уверенности, что он вернет пропажу хозяйке, у него не было.

Туча как раз раздумывал, как поступить с находкой, когда над головой вдруг раздался до боли, до сердечной дрожи знакомый голос:

– Ба! Кого я вижу! Жиртрест, а тебя каким ветром сюда занесло?

Туча вздрогнул, испуганно зажмурился. Крепко-крепко, до рези в глазах. Нет, этому лету не суждено стать самым прекрасным. Это лето не будет даже сносным, потому что теперь оно безнадежно отравлено...

Юрик Измайлов, главный мучитель и персональный кошмар Степана Тучникова, не должен был оказаться в этом лагере ни при каких обстоятельствах. Юрику Измайлову, сыну очень состоятельных и очень влиятельных родителей, самое место на каком-нибудь крутом заграничном курорте, а не в этой российской глуши.

– Эй, ты чего молчишь? Чего не здороваешься? – Не сильный, но унижительный пинок под зад швырнул Тучу носом в одуванчики, серебряный ключик снова едва не упал в траву. – Ну, поздоровайся со старым приятелем, Жиртрест!

Над головой, слева и справа, послышался издевательский смех. Его персональный кошмар обзавелся друзьями, такими же злыми и жестокими, такими же ядовитыми.

– Привет, Юра. – Степка нашел в себе силы встать на колени, но вот дальше было никак: ноги дрожали и не слушались. – Рад тебя видеть.

Он не был рад, он боялся и ненавидел одновременно. Еще пару секунд назад мягкие и пушистые одуванчики впились в кожу терновыми колючками.

– А уж как я рад, ты и представить себе не можешь! – Измайлов взирал на него с презрительным удивлением, сдвинув на лоб солнцезащитные очки. Его дружки, их было трое, тоже смотрели и многозначительно улыбались. – А мы боялись, что нам будет здесь скучно. – Измайлов сплюнул, и Туча снова испуганно зажмурился, точно ожидал не плевка, а полноценного удара.

Как же он ненавидел себя в этот момент! Едва ли не сильнее, чем Юрика Измайлова. Ненавидел и не находил в себе сил даже встать с колен. Наверное, теперь он так и умрет на этом поросшем одуванчиками газоне...

– Это что еще за клоун? – Голос, по-девчоночьи визгливый, был ему незнаком.

– А это, Лютик, мой одноклассник! Прикинь, с какими уродами приходится учиться?

– Не повезло, старик, – сочувственно продребезжал Лютик.

Туча отважился приоткрыть глаза, чтобы через густой частокол ресниц рассмотреть своих мучителей.

Наверное, Лютик – это вот этот высокий, похожий на жердь парень с пирсингом в брови. Из всей четверки он кажется самым безопасным. Остальные страшнее в разы. Два амбала, рослые и плечистые, низколобые, короткостриженные, с массивными челюстями и бычьими шеями, смотрели на Тучу с одинаково ленивым выражением одинаковых же лиц. Братья. Братья или и вовсе близнецы. Он не рассматривал, ему было страшно рассматривать...

– А вот вы, братишки, точно зря переживали из-за боксерской груши. – Измайлов, такой же самоуверенный и такой же красивый, как Дэн Киреев, но куда более опасный, присел перед Тучей на корточки, и тот перестал дышать. О том, что он все еще жив, напоминал лишь больно врезающийся в ладонь серебряный ключик. – Вот вам и груша, братишки! Большая, жирная груша. Вы можете начать тренироваться прямо сегодня. Ты ведь не возражаешь, Жиртрест?

– ...Вообще-то, возражает! – раздался вдруг знакомый и до боли родной голос. – И пошли бы вы отсюда подобру-поздорову!..

Гальяно

То, что Туча куда-то подевался, они обнаружили, уже усаживаясь за стол. Это было странно, потому что еда для Тучи – святое. Гальяно, с молодых ногтей привыкший держать ситуацию под контролем, завертел головой. Тучу он увидел сразу, стоило только посмотреть в окно.

Туча стоял на коленях посреди газона, его окружали четверо. Два совершенно одинаковых бритоголовых бугая, похожих на гопоту, которой полным-полно было в том районе, где прошло детство Гальяно. На фоне этих двоих третий казался сущим дистрофиком из-за высокого роста и непомерной худобы. Дистрофик перекачивался с пяток на носки, и тощее его тело телепалось из стороны в сторону. Четвертый, Гальяно сразу и безошибочно определил в нем лидера, присев на корточки, что-то говорил Туче. Происходящее за окном не нравилось Гальяно так же сильно, как и дневной инцидент с похожей на пугало девчонкой. А может, не нравилось даже еще сильнее, потому что девчонку он знать не знал, а Тучу после недавней вылазки за территорию признавал своим. И не в его правилах было оставлять своих в беде. Даже численный перевес противника не мог его остановить! Молча ткнув локтем в бок Дэна и кивнув на окно, он торопливо выбрался из-за стола, по пути к двери бросил быстрый взгляд на кокетничающую с Суворовым Мэрилин, нахмурился, но отвлекаться не стал.

Тучу собирались бить. Если не прямо сейчас, то в недалеком будущем точно. Закаленный в горниле уличных боев Гальяно такие вещи чувствовал шкурой. Тучу собирались бить, а Туча не был готов давать сдачи.

– ...Вот вам и груша, братишки! – Ладно скроенный, одетый в дорожные шмотки брюнет белозубо улыбался бритоголовым качкам. – Большая, жирная груша. Вы можете начать тренироваться прямо сегодня. Ты же не возражаешь, Жиртрест?

– Вообще-то, возражает! – От накатившей вдруг злости стало больно дышать. – И пошли бы вы отсюда подобру-поздорову!

– А это что за прыщ такой? – Брюнет перестал улыбаться, удивленно приподнял брови. – Это твоя подружка? А, Жиртрест? – Он ткнул Тучу кулаком в плечо, и тот покачулся.

– Туча, ты чего там ползаешь? А ну, вставай! – велел Гальяно. – Не хрен ползать перед всякими козлами!

– Кто это тут козел?! – по-девчоночьи тонко взвизгнул дистрофик. – Юрик, ты видишь? На нас наезжают!

– Вижу, Лютик, не слепой. – Брюнет, которого, оказывается, звали до банального простым именем Юрик, еще раз пнул безмолвного Тучу и всем корпусом развернулся к Гальяно. Братишки-качки тоже развернулись, с ленивой значимостью поигрывая бицепсами.

Не то чтобы Гальяно струхнул, но на какое-то мгновение ему стало не по себе, а потом на плечо легла горячая ладонь и над ухом послышался спокойный голос Дэна:

– Ребята, какие-то проблемы?

– У нас? – Юрик и дистрофик обменялись многозначительными взглядами. – У нас никаких, а вот вы, похоже, нарываетесь.

– Мы не нарываемся. – По левую руку от приободрившегося Гальяно встал Матвей. Этот, в отличие от невозмутимого Дэна, рвался в бой. – Мы пришли за своим другом. Туча, – он повысил голос, – иди сюда! Что ты там потерял?

Туча попытался встать, но Юрик пинком свалил его обратно на газон.

– Лежи, Жиртрест! Мы с тобой еще не закончили.

Туча покорно замер, в его голубых глазах блеснули слезы. Гальяно мысленно чертыхнулся. Разве ж можно позволять вот так над собой издеваться?!

– Степан, иди сюда! – Дэн шагнул вперед.

В этот самый момент один из качков с неожиданной стремительностью выбросил вперед кулак. Если бы Дэн не увернулся, перелома носа было бы не миновать, но Киреев увернулся с грациозной легкостью, словно ждал подлого выпада. И от второго удара тоже увернулся, и от третьего...

Гальяно, затаив дыхание, ждал, когда же Киреев ударит сам. Ведь очевидно же, что чем-то он там, таким-этаким, владеет, каким-то единоборством. Но, вопреки ожиданиям, Дэн атаковать не спешил. Гальяно разочарованно вздохнул и ринулся в бой. Хватит уже танцев!

От первого удара он ушел, а вот от второго не успел. И ладно бы достал его кто-то из качков, так нет же! Дистрофик, которого, казалось, шатает от ветра, извернулся, взмахнул тонкой, как плетъ, рукой и засветил Гальяно прямо в глаз с такой силой, что посыпались искры.

– Ах ты, говнюк! – Гальяно не стал церемониться, коленом пнул дистрофика в пах. Тот взвыл и сложился пополам. Один готов!

Он обвел поле боя здоровым глазом. Матвей дрался с Юриком, никто из них не издавал ни единого звука. Туча, похоже, наконец-то пришел в себя и пытался встать на ноги. Дэн волчком вертелся между братишками, бить не бил, но на себя внимание отвлекал. Хоть какая-то польза от этой ламбады...

– А ну, стоп! Разойдись, я кому сказал!

Голос Суворова раздался над самым ухом, а суворовская волосатая лапища больно и крепко ухватила Гальяно за шиворот. Он попытался вывернуться, но не тут-то было: Суворов держал крепко. Юрика и Матвея разнимал какой-то незнакомый мужик, наверное, командир второго отряда. Киреев и братишки продолжали кружиться в своем странном танце. А к лужайке от главного корпуса бежала Мэрилин. Поверх сарафана она набросила белый медицинский халат, такой же короткий и такой же тонюсенький, как сарафан. Медсестра – вот кто его Мэрилин! Не какая-то глупая жоата, а медсестра! А может, и вовсе врач...

Гальяно приосанился настолько, насколько позволяла железная хватка Суворова, приготовился с достоинством принять первую медицинскую помощь из рук прелестной Мэрилин, но Мэрилин бросилась не к нему, а к Туче.

– Степан, с тобой все в порядке? – Она с тревогой осматривала его залитое слезами лицо, зачем-то ощупывала плечи и руки.

Туча ничего не отвечал, лишь тупо мотал башкой. Вот дурак...

– Киреев, прекрати! – рявкнул над ухом Суворов.

В ответ на окрик Дэн замер, и один из братишек его все-таки достал. Удар был такой силы, что сбил Дэна с ног. Гальяно застонал так, словно это ему самому только что чуть не сломали челюсть. Суворов вполголоса выругался, заорал на второго мужика:

– Чуев, да уйми ты своих отмороzków!

Чуев, который одной рукой держал Юрика, а второй Матвея, тоже выругался, рявкнул во все горло:

– Голиковы, брэк! Брэк, я сказал! Или вы хотите первым же рейсом вернуться домой?

Братишки Голиковы домой не хотели. Наверное, поэтому один из них, уже занесший над Дэном обутую в тяжелый ботинок ногу, замешкался. А вот Дэн на сей раз тормозить не стал, какой-то совершенно немыслимой подсечкой свалил качка на землю.

– Твоя очередь, Максим Дмитриевич! – усмехнулся Чуев и огладил сальным взглядом коленки Мэрилин.

– А ну, разошлись! – Лицо Суворова налилось нездоровым багрянцем, хватка стальных пальцев сначала ослабела, а потом вообще исчезла. Гальяно вздохнул полной грудью, наблюдая, как командир бросился между уже успевшим встать на ноги Киреевым и кружащими вокруг него братишками.

Бой явно закончился ничьей, и смекнувший это Гальяно со страдальческим видом направился к Мэрилин. Для пушей убедительности одной рукой он прикрывал подбитый глаз, а вто-

рую прижимал к совершенно здоровому боку и даже весьма реалистично припадал на левую ногу. Доковыляв до Мэрилин, которая все еще хлопотала над ко всему безразличным Тучей, он со сдержанным стоном опустился прямо на газон. Конечно, первую помощь всегда сначала оказывают тем, кто слабее, но вот ведь он – пострадавший за правое дело боец...

Мэрилин на стон отреагировала мгновенно, обернулась, посмотрела встревоженно.

– Болит? – спросила, опускаясь перед Гальяно на колени и накрывая пальчиками его прижатую к глазу руку.

– Немного, – сказал он с мужественной сдержанностью.

– А где еще болит?

– Тут. – Он похлопал себя по ребрам. – И нога, кажется...

– В медпункт! – заявила Мэрилин решительно и растерянно одновременно. – Тебя нужно осмотреть.

Конечно, его нужно осмотреть! Осмотреть, выслушать сердце, посчитать пульс, измерить давление и температуру, погладить больное место или даже поцеловать. От ярких и обжигающе реалистичных фантазий Гальяно бросило в жар, но устремленный на него пристальный взгляд Суворова мгновенно остудил душевный порыв. Да, борьба за сердце прекрасной Мэрилин пойдет нешуточная!

Дэн

В отсутствие уведенного в медпункт Гальяно за столом царила непривычная тишина. После выволочки, полученной от Суворова, их наконец отпустили в столовую.

– И что это было? – нарушил тишину Матвей и внимательно посмотрел на Тучу.

Тот понуро сидел над полной тарелкой и, кажется, не думал прикасаться к еде. Под взглядом Матвея он испуганно втянул голову в плечи. Дэн невольно поморщился. Ну нельзя же быть такой размазней!

– Ты их знаешь? – спросил он.

– Только одного, – решился заговорить Туча. – Юрий Измайлов – мой одноклассник. Я не думал, что он сюда приедет, а он приехал. И эти трое с ним...

– Тебя травили в школе? – Дэн не стал ходить вокруг да около. Точку в этом мерзком деле нужно было поставить прямо сейчас.

Туча молча кивнул, на его щеках полыхнул румянец, а лежащие на столе руки задрожали.

– Ясно. – Дэн многозначительно посмотрел на Матвея, тот ободряюще улыбнулся.

– И друзей у тебя, я так понимаю, никогда не было?

Туча долго разглядывал свои пухлые, в царапинах руки, а потом сказал едва различимым шепотом:

– Нет.

– Теперь есть. – Дэн похлопал его по плечу.

– И в обиду мы тебя не дадим, – добавил Матвей. – Не знаю, как остальным, а мне не нравится, когда моего друга используют вместо боксерской груши.

– Мне тоже не нравится. – Дэн коснулся ссадины на щеке, слегка поморщился, но не от боли, а от досады. Сегодня он позволил себя обыграть, допустил промашку, отвлекшись на голос Суворова. За то и поплатился.

Вообще-то, из этого поединка он мог выйти победителем почти сразу. Братья-близнецы были крепкими, тренированными, владели азами рукопашного боя, но у них не имелось и десятой части его стремительности и его злости. Именно злость, рвущаяся вперед, точно цепной пес, заставляла его держать себя в руках. Злость и демон, поселившийся в его душе стылой октябрьской ночью. Дэн никогда больше не станет драться с теми, кто слабее. Никогда не даст демону второго шанса. Отныне только он контролирует ситуацию. А ссадина – это ерунда, до свадьбы заживет.

– Спасибо! – У Тучи теперь дрожали не только руки, но и губы. – Спасибо вам большое, пацаны!

– Не за что, – усмехнулся Матвей. – И не нас благодари, а Гальяно. Это он заметил, что ты влип.

– Ему сильно досталось? – Лицо Тучи сделалось виноватым.

– Не сильнее, чем остальным. – Матвей подмигнул Дэну.

– Но он же в медпункте.

– Он в медпункте не потому, что он смертельно ранен, а потому, что наша медсестра – красотка! – Матвей широко улыбнулся. – Похоже, Гальяно – еще тот сердцеед!

– То есть ничего страшного? – Туча робко улыбнулся.

– С Гальяно точно все в порядке. Меня больше волнуешь ты. – Матвей вдруг сделался серьезным.

Договорить он не успел, потому что прямо в тарелку Тучи шлепнулся скатанный из хлебного мякиша снаряд. Туча испуганно вздрогнул. За соседним «вражеским» столом заржали.

– А меня волнует вот это. – Дэн неспешно выбрался из-за стола, прихватив с собой тарелку с ужином Тучи, спросил, глядя прямо ему в глаза: – Будешь это есть?

Туча отчаянно замотал головой, скосил взгляд на «вражеский» столик.

– Хорошо. – Так же неспешно Дэн подошел к Юрику и вывернул содержимое тарелки ему на голову. Дождаться реакции не стал, вернулся на свое место под возбужденное улюлюканье свидетелей инцидента и под ленивые аплодисменты Матвея.

– Никому не позволяй издеваться над собой. Ты понимаешь, Туча?

Туча ничего не ответил, его сжатые в кулаки пальцы больше не дрожали.

– У тебя же силища о-го-го! – Матвей по-дружески ткнул его локтем в бок. – Мне бы такую силищу!

– Киреев, встаньте, пожалуйста! – послышался над их головами не громкий, но властный голос. Еще не обернувшись, Дэн уже знал, кому он принадлежит.

Начальник лагеря рассматривал его, слегка прищутив светло-серые глаза, рассеянно поигрывая черной щегольской тростью. Раньше трости, кажется, не было.

– Вы второй раз за день нарушили установленные правила. – Голос начальника оказался совершенно лишен каких бы то ни было интонаций, а взгляд не выражал ровным счетом ничего. – Учитывая некоторые обстоятельства вашего личного дела, я вынужден принять меры.

– Антон Венедиктович, а может, дадим парню еще один шанс? – Стоящий за спиной Шаповалова Суворов состроил зверскую рожу и погрозил Дэну кулаком. – А я уж проведу беседу, растолкую, что к чему.

– Разумеется, вы проведете беседу, Максим Дмитриевич. – Начальник не сводил взгляда с Дэна. – Но здравый смысл и жизненный опыт подсказывают мне, что с такими упрямыми молодыми людьми одними лишь беседами не обойдешься. На первый раз, думаю, двух часов будет достаточно. Вы готовы ответить за свой проступок, молодой человек?

Вместо ответа Дэн равнодушно пожал плечами. Какое еще наказание мог придумать для него этот на первый взгляд совершенно безобидный дядька?! Начистить картошки на весь лагерь? Отдраить до блеска сортиры? Что бы там ни было, Дэн переживет.

– В таком случае, Максим Дмитриевич, проводите провинившегося в карцер.

Карцер? Надо же! Странно даже не то, что в элитном спортивном лагере имеется такое дикое место, как карцер. Странно, с каким скрытым, но все же прорывающимся наружу удовольствием произнес это мрачное слово начальник.

– Допрыгался, Киреев, – прошептал ему на ухо Суворов. – В первый же день умудрился вляпаться...

Они уже направлялись к двери, когда повисшую в столовой тишину нарушил громкий голос.

– Стойте! – Туча торопливо выбрался из-за стола, подошел к Дэну. – Это из-за меня все началось. – Его полные щеки покрывал лихорадочный румянец, но выглядел он очень решительно. – Сажайте и меня в карцер!

Начальник, уже собиравшийся уходить, обернулся, посмотрел на Тучу поверх очков, после недолгих раздумий сказал:

– Как вам будет угодно!

Туча торжествующе вздернул подбородок, пристроился рядом с Дэном, готовый идти хоть в карцер, хоть на край света. Киреев бросил быстрый взгляд на порывавшегося что-то сказать Матвея, предупреждающе покачал головой. Хватит с него мучеников, а то, глядишь, в карцере и места не хватит всем желающим.

– До полуночи! – заявил вдруг Шаповалов. – Ваше наказание продлится до полуночи.

Да хоть до следующего утра! Дэн ободряюще улыбнулся Туче, тот улыбнулся в ответ.

Уже на выходе из столовой их маленькая процессия столкнулась с Гальяно, живым и невредимым, сияющим, как начищенный пятак.

– А что это? – начал было он, но, напорвшись на мрачный взгляд Суворова, замолчал.

Во дворе по случаю ужина было пустынно. Дэн кожей чувствовал направленные им в спину взгляды оставшихся в столовой ребят.

Вслед за Суворовым они с Тучей понуро брели по огибающей главный корпус дорожке, когда из-за угла на них вылетело и едва не сбило с ног что-то верткое и черное. Верткое и черное при ближайшем рассмотрении оказалось той самой девчонкой, которую утром привезли на «мерсе». Только вот выглядела она несколько иначе.

Вместо нелепого розового сарафана на ней были рваные черные джинсы и черная же футболка с задорно скалящимся черепом. На ногах – старые кроссовки, одну половину лица по-прежнему занавешивала косая челка, а подведенный черным ярко-синий глаз смотрел на мир все с той же злостью. Только теперь к злости, кажется, примешивалось отчаяние.

Девчонка летела со скоростью пули, по касательной задев Дэна, она развернула его вокруг собственной оси, а сама рухнула на дорожку.

– Осторожнее! – Дэн протянул руку, чтобы помочь ей встать, но вместо ожидаемой благодарности получил хлесткий, как удар плети, взгляд. Игнорируя протянутую руку, девчонка вскочила на ноги и бросилась бежать.

– Сумасшедший дом! – буркнул себе под нос Суворов, а потом велел: – Что встали, архаровцы! Вперед, в карцер!

Перед тем как свернуть за угол, Дэн обернулся. Девчонка стояла на коленях посреди одуванчикового газона, а исходящее от нее отчаяние чувствовалось даже на расстоянии.

– Топай! – Суворов легонько подтолкнул его в спину. – Нашел кем любоваться.

Карцер располагался за главным корпусом на территории хозпостроек и представлял собой поросший травой и лопухами холм. Холм таращился на мир крошечным незастекленным оконцем, протиснуться в которое могла разве что кошка.

– Пришли. – Суворов остановился перед невысокой, но с виду на удивление надежной дверью, загремел ключами. Дверь открылась с противным скрипом. Наверное, карцером не пользовались с прошлого лета.

– Я первый, вы следом! – Суворов щелкнул карманным фонариком, нырнул в пахнущую плесенью и сыростью утробу холма. Дэн, согнувшись в три погибели, протиснулся в узкую дверь, за его спиной тоскливо вздохнул Туча.

Вниз вела крутая земляная лестница. Дэн насчитал тринадцать ступеней. Лестница заканчивалась небольшим, заставленным пустыми деревянными ящиками и заваленным мешками с картошкой погребом, похожим на колодец. Земляные стены, несмотря на непривычную для июня жару, сочились холодом и сыростью. Вот он какой – карцер!

– Ну, архаровцы, как вам? – Суворов обвел их будущую темницу задумчивым взглядом.

– Нормально. – Дэн опустился на один из ящиков.

Туча аккуратно присел на мешок с картошкой.

– Нормально ему. – Суворов вздохнул так же, как всего мгновение назад вздыхал Туча. – Тут, между прочим, холод и слизняки. И электричества нет. – Он поднял глаза к вентиляционному окошку. – Окно специально не стеклили, чтобы не позадыхались.

– Очень человечно! – Дэн попытался вытянуть перед собой ноги, но из-за нагромождения ящиков у него ничего не получилось.

– А если вдруг в туалет?.. – застенчиво поинтересовался Туча.

– Вот вам туалет! – Суворов кивнул на старое жестяное ведро. – Антон Венедиктович сказал: до полуночи. – Он посветил фонариком сначала в лицо Туче, потом в лицо Дэну. – Но если будете сидеть тихо, выпущу раньше. Уяснили?

– Уяснили.

По голосу командира было слышно, что идея с карцером не вызывала в его душе одобрения, но приказ есть приказ.

– Если вдруг что – орите! – сказал он после небольших раздумий. – Только не без дела, а то оставлю куковать до утра.

Суворов еще немного постоял, а потом махнул рукой и выбрался из погреба. Лязгнул замок, они остались вдвоем.

Туча

Всего за один день жизнь встала с ног на голову. Или наоборот? Туча еще не определился. Всего за один день он, всегда старавшийся оставаться в тени, обрел лютых врагов и, что гораздо важнее, настоящих друзей. Впервые в жизни за него заступились не приставленные отцом телохранители, а такие же, как он сам, ребята. Впервые в жизни он совершил поступок, отважился привлечь к себе внимание, принял по-настоящему мужское решение.

– Ты как? – спросил Дэн, когда за командиром закрылась дверь.

– Я нормально, – сказал он и улыбнулся.

– Не обязательно было.

– Нет, обязательно.

– Ну, как знаешь.

Дэн встал на ноги. Огляделся.

– Надо тут слегка прибраться. Освободить место для комфортного арестантского существования. Поможешь?

– Помогу.

Полчаса они занимались уборкой. Ящики придвинули к той стене, в которой было вентиляционное окошко, выстроили в несколько рядов, чтобы получились ступеньки. С мешками пришлось повозиться, мешки оказались тяжелыми. Вот тут и пригодилась дремлющая в необъятном Тучином теле сила. С мешками он справился сам, отмахнувшись от помощи Дэна. Хотел хоть как-то отблагодарить, дать понять, что он ценит то, что для него сделали.

Работали молча. Дэн вообще больше молчал, чем говорил, но его молчание Тучу совсем не напрягало. Оно было того совершенно особенного сорта, когда слова не нужны. Дружеское молчание – вот!

Из картофельных мешков в центре погреба соорудили что-то вроде топчана, сверху набросили найденную тут же рогожу. Получилось не слишком роскошно, но теперь ребята могли не только сидеть, свободно вытянув ноги, но даже лежать. Ни для каких других маневров в погребе больше не оставалось места.

– А неплохо! – Дэн растянулся на лежаке, закинул руки за голову. – Еще бы покушать, – добавил мечтательно.

Туча, который во время генеральной уборки о еде совсем не думал, согласно закивал. Желудок тут же жалобно взвыл. Ничего, за чудеса, случившиеся сегодня в его жизни, он готов отказаться от любой, даже самой вкусной еды.

– Ты как сюда попал? – Дэн перевалился на бок, подпер рукой голову, посмотрел на Тучу. – Я имею в виду этот лагерь.

– Отец отправил. – Туча пожал плечами. – Сказал, что здесь из меня сделают настоящего мужика.

– Если так и дальше пойдет, то сделают запросто. Элитный лагерь для трудных подростков. Ты трудный подросток, Туча?

– Не знаю. – Он снова пожал плечами. – В каком-то смысле. А ты?

– Я да, в каком-то смысле. Мне, наверное, дисциплина на пользу. – Дэн надолго замолчал, уставившись на прислоненные к земляной стене сломанные напольные часы. Часы были высокими, под два метра, массивными и очень старыми. На побуревшем от времени циферблате кое-где еще виднелась позолота, часовая стрелка погнулась, а дверка, прикрывающая механизм – или что там должно быть внутри напольных часов, – покосилась. На дверце был вырезан вепрь, грозный и внушающий уважение своей силой и свирепостью. Туче вдруг стало очень жаль эти старые, раскуроченные часы. Он любил старинные вещи, чувствовал их красоту и особенность. Дверку можно попытаться починить, циферблат отреставрировать, корпус

ошкурить и заново покрыть лаком. Как быть с механизмом, который наверняка давно пришел в негодность, Степа не знал, но уже мысленно прикидывал, с какой стороны лучше взяться за реставрацию.

– Интересно, наших родителей информировали о том, что к их чадам будут применяться такие вот исключительные меры? – снова заговорил Дэн.

– Моего отца информировали точно. – Туча не удержался, подобрался к часам, смахнул со стрелок густую паутину.

Дэн не стал спрашивать, откуда такая уверенность, а Степка не стал объяснять, еще раз коснулся погнутой часовой стрелки, чихнул от пыли. Хорошие часы: живые, с историей...

Время тянулось медленно. Наверное, в заточении оно всегда течет по-особенному неспешно. За окошком сгустились сумерки, в погребе стало совсем темно, и Туча подумал, что, доведись ему оказаться в этом месте одному, без Дэна, он бы непременно сошел с ума от страха. Но с Дэном было совсем не страшно, даже в почти кромешной темноте. Просто немного маетно.

Чтобы отвлечься, он достал из кармана ключик, осторожно пробежался пальцами по его контуру. Ключик тоже был старинный и имел свою историю, как сломанные часы. Откуда Туча это знал, ему самому было неясно. Просто знал, и все тут. Именно это особенное знание не позволяло ему расстаться с ключом, вернуть его законной хозяйке.

А она ведь его искала. Та, похожая на маленькую вертлявую галку девчонка. В памяти Тучи не осталось четкого образа, только изменчивый, неуловимый силуэт.

– Эй, вы там еще живы? – Тишину нарушил громкий голос Гальяно, а сочащийся из вентиляционного окошка мутный лунный свет на мгновение померк. Наверное, Гальяно просунул в окошко голову.

– Живы! – подал голос Дэн, и по тихому шуршанию Туча понял, что он встал с лежака.

– Ну, и как там в неволе? – А это уже голос Матвея. – Мучительно?

– Терпимо, только вот все бока себе отлежали и есть охота.

– Так мы потому и пришли. Черт, не видно ничего! Матюха, посвети!

Вверху, под потолком, вспыхнул огонек зажигалки, освещающая сосредоточенное лицо Гальяно.

– Да, не номер люкс! – Огонек на мгновение погас, а потом снова зажегся. – Киреев, ну-ка лезь сюда. Мы вам хавчик принесли. Туча, курочку твою, и, ты уж нас прости, пошмонал я твои стратегические запасы, нашел печенье и шоколадку.

– Хорошо, что пошмонал! – Туча улыбнулся, погладил себя по пустому животу. – Кушать очень хочется.

– Будет тебе «кушать». Киреев, ну что ты там? Пошевеливайся!

– Уже! – Дэн проверил крепость ящиков и проворно взобрался вверх по импровизированной лестнице. – Давай курочку!

– Ни тебе «мерси, дорогой друг», ни тебе «счастлив видеть». – Гальяно снова погасил зажигалку, а через мгновение в окошко просунулась рука с зажатым в ней свертком.

Дэн поймал сверток, перебрал его Туче. Удивительно, но даже в темноте у Тучи получилось сверток не уронить.

– Мерси, дорогой друг! – сказал Дэн весело. – Ну, как там на воле?

– Да уж получше, чем в этих фашистских застенках. Я вот подумал, может, у Василия прикупить ключ и от погреба? – раздалось с той стороны.

– Думаешь, пригодится?

– Думаю, не повредит. Чует мое сердце, не в последний раз вы в этом каземате.

– Даже если так, то ключ погоды не сделает, – вмешался в разговор Матвей. – Попалят.

– Да кто ж тебя попалит? – возразил Гальяно.

– Да мало ли кто! Проще пару часов здесь отсидеть, чем потом с Шаповаловым разбираться. Я тут навел справки: начальник наш только с виду гуманист, а на самом деле тот еще диктатор. Его даже Суворов боится.

– И не пожалуется на этого садиста никто, – буркнул Гальяно. – Я вот как мамке расскажу, будет ему и диктатура, и военный трибунал.

– Лагерь забыл какой? – не сдавался Матвей. – Лагерь спортивно-патриотический. Повышение боевого духа, выживание в условиях, близких к экстремальным. У них даже вот этот ваш карцер в договоре прописан. Ни к чему не подкопаешься. Да ладно вам! Может, и не попадет никто больше в этот застеночек. Чего раньше времени нервничать?

– Я не нервничаю, я просчитываю варианты развития событий. А насчет ключа я с Васькой все-таки потолкую. Может, у него вообще этого ключа нет, тогда и разговаривать не о чем.

При слове «ключ» Туча покрепче сжал свой собственный ключ, вздохнул.

– А еще будет нужно фонарик купить, – продолжал просчитывать варианты Гальяно. – Чтобы не сидеть тут в темноте, как сычи. Ладно, пойдем мы, пока нас Суворов не хватился, а вы хавайте! Завтра денек обещают жаркий, будем сражаться за звание волков. Или вепрей? – В темноте снова вспыхнул огонек зажигалки. – Вам что больше нравится?

– Мне все равно. – Дэн спрыгнул с ящиков.

– А тебе, Туча?

– И мне все равно. – Туча зашелестел оберткой.

– А мне вот волки как-то симпатичнее, чем какие-то свинки, – сказал Гальяно задумчиво.

– Вепри – это не какие-то свинки. Это тоже в некотором роде хищники. И очень опасные, – сообщил Матвей.

– И откуда ты такой ученый выискался?! Волки, вепри... Спать пошли, ученый! А то мы с тобой завтра будем и не волками, и не вепами, а сурками. Все, пацаны, скорейшего освобождения!

– Спасибо за ужин! – Дэн на ощупь пробрался к Туче и, уже добравшись, сообразил: – Черт, надо было зажигалку попросить, а то не видно ничего.

– Разберемся, – успокоил его Туча, вкладывая в протянутую ладонь ломоть хлеба с лежащим на нем куском курицы. – Приятного аппетита.

Никогда раньше еда не казалась ему такой вкусной. Никогда раньше наказание не вызвало у него улыбку. Чудеса!

То, что снаружи за запертой дверью кто-то есть, первым почувствовал Дэн, предупреждающе коснулся руки Тучи, едва слышно велел:

– Тихо.

Туча замер, даже жевать перестал. Дэн бесшумно встал с лежака, так же бесшумно поднялся по земляной лестнице, остановился у двери. Долгие мгновения казалось, что ничего не происходит, что им все померещилось; Туча уже начал успокаиваться и даже откусил от шоколадки, когда дверь вздрогнула от удара. Может, недостаточно сильно, но достаточно громко в сонной ночной тишине. Туча тоже вздрогнул, едва не подавился.

– Эй, кто там? – Голос Дэна совсем не изменился, точно он и не испугался вовсе. А может, и не испугался.

Ответом ему стал еще один удар в дверь и сердитое, ну точно змеиное шипение, а всего через мгновение льющийся из окошка свет померк. Кто-то смотрел на них сверху... Туче с перепугу даже почудилось, что в темноте сверкнули по-кошачьи два глаза. А еще ему казалось, и чувство это было столь же сильным, сколь и иррациональным, что странный ночной гость смотрит именно на него.

– Что тебе нужно? – Он, как и Дэн, старался быть бесстрашным, но получалось плохо, футболка вдруг взмокла, прилипла к спине. – Эй, ты чего молчишь?

В отличие от него, Дэн больше не задавал вопросов, бесшумной и едва различимой тенью он пересек погреб, принялся карабкаться вверх по ящикам.

«Не надо!» – хотелось заорать Туче, но голос вдруг пропал, пересох, как пересыхает ручей жарким летом. Остался только липкий страх и уверенность, что там, за окошком, притаилась опасность. Наверное, он бы все-таки нашел в себе силы закричать, но в тот самый момент, как его пересушенные страхом легкие стали наполняться воздухом, а Дэн оказался на самой верхней, самой шаткой «ступеньке», распахнулась дверь, и темноту погреба прочертил яркий луч фонарика.

– Эй, Киреев, ты что там делаешь? – послышался раздраженный голос Суворова. – А ну-ка слезай, пока шею не свернул! Что, удрать надумали, архаровцы?! – спросил он, спускаясь по лестнице. – Так пустое! Это окошко для вентиляции, а не для побегов. Я же вам, кажется, объяснял.

– Не собирались мы убежать! – Дэн спрыгнул едва ли не с самой высокой «ступеньки», замер напротив командира.

– А баррикады тогда зачем нагородили?

– Чтобы воздухом дышать.

– Чтобы воздухом дышать! – передразнил Суворов. – Не надышались еще воздухом! Ну ничего, завтра надышитесь. Я вам гарантирую! А теперь марш отсюда, чтобы глаза мои вас не видели! Завтра подъем в шесть утра.

Снаружи было привольно, дневной зной сменила ночная прохлада. Туча огляделся в поисках недавнего гостя, никого не заметил и вздохнул наконец полной грудью.

– Это наверняка наши «дружки», – шепнул на ухо Дэн. – Приходили проводить.

Нет, Туча с сомнением покачал головой. Конечно, он боялся Юрика Измайлова и его друзей-отморозков, но страх, пережитый им в погребе, был особенным, никак не связанным с обычными проблемами. Только вот как объяснить это рациональному и бесстрашному Дэну?! И надо ли объяснять?..

Они уже подходили к флигелю, когда небо далеко над лесом озарилось светом.

– Что это? – Дэн замер, запрокинул голову, разглядывая творящееся светопредставление.

– Это? – Суворов тоже остановился, нахмурился. – Наверное, молния.

– Непохоже. И грома нет.

– Может, прожектором кто-то светит? – предположил Туча. – Ну, как на праздниках...

И в самом деле было похоже, что свет бьет столбом прямо из лесных зарослей, рассыпаясь в небе на мириады едва различимых лучиков. Только вот мерещилось в этом свете что-то странное, не похожее ни на что ранее виденное. Свет переливался всеми оттенками зеленого, опалесцировал, как любимый абсент отца. И при этом он не имел плотности, походил на сильно сгустившийся, рвущийся к ночному небу столб зеленого тумана.

– Может, и прожектором, – согласился Суворов, но хмуриться не перестал. – А что это мы стоим? – спросил он строго. – Топаем к корпусу, пока не рассвело.

Они были уже на крыльце флигеля, когда Туча почувствовал, что за ними наблюдают. Кто-то крался за ними от самого погреба. Ночной гость?

– Давай, Тучников! – Суворов легонько подтолкнул его в спину, сказав в который уже раз: – Завтра вставать рано.

Окна флигеля были черны, только в комнате командира тусклым оранжевым светом горел ночник.

– В туалет, и спать! – велел Суворов, замирая посреди полутемного коридора. Видно, так и будет стоять, пока они не улягутся. Наблюдатель...

Матвей и Гальяно уже спали. Вошедшие поняли это по залиvistому, с переливами, сопению.

– Видел? – спросил Дэн, кивая на окно.

Ночное небо было уже привычно черным, с россыпью ярких звезд и серпиком зарождающейся луны. Никакого намека на недавнее светопреставление. Но Туча сразу понял, о чем Дэн спрашивает.

– Видел. – Он кивнул, через ворот стащил с себя майку. – Как думаешь, что это было?

– Не знаю. Странное что-то.

– НЛО?

– А черт его знает! Может, и правда прожектор какой. Я примерно представляю, где это, можем глянуть на досуге.

Туче не хотелось искать источник этого странного света, сердце чуяло неладное, а кожа между лопатками до сих пор горела от чужого, полного ненависти взгляда.

– За нами следили. Ты заметил? – спросил он шепотом.

– Нет. – Дэн мотнул головой, забрался под одеяло.

– А мне вот показалось...

– Может, отморозки эти?

– Может...

– Давай спать, Туча, а то ведь и в самом деле завтра будем как вареные.

Дэн уснул почти сразу, а к Туче сон все не шел. Он лежал на спине, уставившись в черный провал окна. В какой-то момент ему начало казаться, что там, за окном, кто-то стоит. Стоит и смотрит...

Туча всхлипнул, с головой накрылся одеялом. Под жарким шерстяным одеялом до него и добрался беспокойный, полный тревожных видений сон.

Гальяно

– Архаровцы, подъем! – Зычный рев, казалось, раздавался над самым ухом.

Гальяно попытался спрятаться от рева под подушкой.

– Подъем, я сказал! – Сначала подушка, а за ней и одеяло спланировали на пол.

Гальяно тихо ругнулся, сел в кровати, замотал головой, прогоняя сон, и только потом разлепил глаза.

Посреди комнаты, уперев в бока кулаки, стоял Суворов, выраженный в щегольской спортивный костюм. На его бычьей шее болтался свисток.

– Давай-давай, Гальянов, пошевеливайся! Тучников, я кому сказал – подъем?! Берите пример с товарищей.

Гальяно перевел затуманенный взгляд с командира сначала на уже полностью одетого Киреева, потом на почти полностью одетого Матвея, выразительно застонал и ощупал заплывший после вчерашней битвы глаз.

– Через пятнадцать минут все должны быть в столовой! – велел Суворов, убираясь наконец из их комнаты. – Киреев, ты за старшего! – слышалось уже из коридора.

– Ну что, мужики, поборемся за гордое звание волков? – поинтересовался Гальяно, натягивая штаны.

– А есть другие варианты? – усмехнулся Матвей, доставая из тумбочки пасту и зубную щетку. – Вас во сколько вчера выпустили? – Он обернулся к Дэну.

– Почти в полночь, вы спали уже.

– Вот Суворов, шаповаловский прихвостень! – проворчал Гальяно. – Мог бы и пораньше.

– Мы вчера видели кое-что странное. – Туча натянул штаны и футболку, вопросительно посмотрел на Дэна. Тот кивнул. – В небе над лесом сноп света. Как НЛО, – добавил он шепотом.

– Так уж и НЛО! – усомнился Гальяно, которому вдруг стало обидно, что сам он «кое-что интересное» проспал.

– Может, и не НЛО, но точно что-то странное, – поддержал Тучу Дэн. – Как будто где-то в лесу скрыт источник света.

– Как прожектор? – уточнил Матвей. – А тут в округе часом никаких военных баз нет?

– Нет, – уверенно сказал Туча. – Мой отец наводил справки. Здесь экологически чистая зона, практически заповедник. И свет для прожектора какой-то странный – зеленый.

– Зеленый? – Гальяно приподнял одну бровь.

– Ага! И не яркий, а какой-то рассеянный.

– Круто! Надо будет этот зеленый фонарик поискать! А то, может, и в самом деле инопланетяне? Вдруг у них тут база?

– Сам ты инопланетянин! – похлопал его по плечу Матвей. – Сначала у местных нужно порасспрашивать, информацию собрать.

– Вот любит наш Мотя информацию собирать! – Гальяно попытался разлепить заплывший глаз, ничего не вышло. – Просто Шерлок Холмс какой-то!

– А по уху за Мотю? – ласково поинтересовался Матвей.

– Хватит, – положил конец их вялой перебранке Киреев. – Давайте умываться и в столовку!

– Один сыщик, другой командир, – буркнул Гальяно и полез в тумбочку за пастой.

В столовой царила непривычная тишина, нарушаемая лишь ленивым бряцаньем ложек по тарелкам. Воспитанники спортивно-патриотического лагеря не выспались и оттого вели себя нетипично смирно. Даже над «вражеским» столиком висела мрачная тишина. Лишь дистрофик время от времени бросал на Гальяно многозначительные и полные ненависти взгляды.

Когда их выстроили на площадке перед главным корпусом, было уже без двадцати минут семь. Два отряда по двадцать человек в каждом, построившись в две шеренги, стояли друг против друга, а по образованному ими коридору неспешно прохаживался, чуть припадая на левую ногу, начальник лагеря Шаповалов. Одет он был в камуфляж и выглядел в нем до комического нелепо, как решивший поиграть в войнушку библиотекарь. Во главе каждой из колонн стояли командиры. В отличие от самодовольно ухмыляющегося Чуева, Суворов был мрачен. Гальяно его понимал. Даже на не слишком профессиональный взгляд, силы были неравны. В их отряде худо-бедно спортивными и подготовленными были только Матвей и Киреев. Себя Гальяно оценивал с изрядной долей скепсиса и понимал, что одолеть противника он сможет только лишь хитростью и изворотливостью, но никак не силой. Про Тучу и вовсе нечего говорить. Сила у него, конечно, имелась, да только в бесполезности этой силы они все могли убедиться вчерашним вечером.

Соперники же выглядели куда более убедительно. Два брата-акробата, не люди, а машины для дробления костей. Измайлов, тот еще попрыгунчик. Еще парочка довольно спортивных ребят. И нет такого балласта, как Туча. Про балласт Гальяно подумал без злобы, просто констатировал неутешительный факт.

От невеселых мыслей его отвлекло появление Мэрилин. Мэрилин выглядела невыспавшейся, то и дело зевала, прикрывая рот ладошкой, зябко куталась в наброшенную поверх медицинского халата вязаную кофту. Но даже в таком виде она была прекрасна! Гальяно прикрыл здоровый глаз, вспоминая приятное завершение прошлого дня. Кожа до сих пор хранила воспоминания о ласковых пальчиках Мэрилин, а в волосах запутался нежно-цветочный аромат ее духов. Мэрилин была внимательна, старательна и профессиональна. И пусть она никак не реагировала на оказываемые знаки внимания – все еще впереди. У них впереди еще целое лето, и рано или поздно – лучше, конечно, рано! – она упадет в его мужественные объятия.

– Хватит лыбиться, – послышался над ухом ехидный голос Матвея. – Она даже не смотрит в нашу сторону.

– Не смотрит – посмотрит! – парировал он. – И не в нашу, а в мою!

– Разговорчики, – тихо, но грозно сказал Суворов. Лицо его мрачнело с каждой секундой. Даже появление Мэрилин не смогло вернуть ему хорошее расположение духа.

– Все на месте! – Окинув шеренги внимательным взглядом, Шаповалов наконец начал инструктаж.

Инструктаж был скучный и путанный. Из всего сказанного Гальяно уяснил только одно: чтобы завоевать право называться волками, им предстоит пережить немало испытаний, в честном бою доказать свою мужественность и состоятельность.

– Так что делать-то нужно? – спросил он шепотом у Матвея.

В ответ тот лишь недоуменно пожал плечами – время покажет.

Доказывать состоятельность и бороться за звание им, оказывается, предстояло за территорией лагеря. Уже одно это радовало и позволяло надеяться на какое-никакое разнообразие.

Выходили через главные ворота. Там же, у ворот, к ним присоединились два охранника. Одеты они были так же, как и Шаповалов, – в камуфляж, вид имели бравый и слегка презрительный. Один держал за ошейник огромного волкодава.

– А эти откуда взялись? – удивился Киреев.

– Из частного охранного предприятия, – с неожиданной уверенностью заявил Туча. – Комплимент от спонсора. Лагерь хоть и элитный, но места кругом глухие.

– Мне б такого спонсора, – фыркнул Гальяно, наблюдая, как ветреная Мэрилин кокетничает с одним из охранников. – Они, что же, теперь за нами в лес попрутся?

– Попрутся, наверное. – Туча пожал плечами. – Они же охранники.

– Откуда ты такой осведомленный взялся? – Гальяно не сводил взгляда с Мэрилин.

Туча ничего не ответил.

До места, переоборудованной под учебный полигон поляны, добирались пешком больше часа. Только Шаповалов не мучил свой дряхлый организм никому не нужными тренировками, промчался мимо лениво бредущей по проселку колонны на крутом внедорожнике. Из открытых окон джипа лилась классическая музыка, а на заднем сиденье Гальяно успел разглядеть Мэрилин. Сердце тут же кольнула ревность. Старый пень, а туда же – за красавицами ударять!

К тому времени, как они вышли наконец к полигону, солнце уже палило вовсю. Лето в этом году по всем прогнозам обещало быть жарким. Это хорошо, Гальяно любил жару и терпеть не мог холод.

Непосредственно к соревнованиям приступили в девять утра, после еще одной напутственной речи Шаповалова. Гальяно, которому не терпелось ринуться в бой, слушал невнимательно, вполуха, лениво отмахиваясь от кружащей над головой мошкеры.

Первую часть соревнования они позорно продули. Полоса препятствий, состоящая из хитрых веревочных ловушек и сетей, вертикальной дощатой стены в два человеческих роста и канатной переправы через рукотворный, заполненный грязной жижей ров, оказалась по зубам далеко не всем. Туча застрял у подножья стенки, вскарабкаться по которой даже не пытался, а сам Гальяно позорно свалился с канатной переправы, прямо в ров с водой. Его падение сопровождалось радостным ржанием врагов.

Еще трое из их отряда, включая отчаявшегося преодолеть преграду Тучу, так и не дошли до финала. Позор! Настоящий позор...

Но и вражеский отряд тоже нес потери! Дистрофик сначала запутался в веревочной ловушке, телепался в ней, как нескладная, длиннолапая паучина, а потом срезался на том же месте, где и Гальяно. Теперь их, мокрых, с ног до головы покрытых коркой грязи, было двое. Уже не скучно!

Еще двое из стана врага справились с заданием из рук вон плохо, но до финиша дошли все, как это ни печально.

После полосы препятствий сделали двадцатиминутный перерыв, а потом начался второй этап – эстафета. Надо сказать, на эстафете Гальяно отличился. Он летел, как ветер, он был ловок и изворотлив. Может быть, им бы даже удалось вырвать победу из рук врага, если бы принявший у него эстафету Туча не оступился и не упал в самый ответственный момент. За что он там зацепился на совершенно ровном месте, Гальяно так и не понял, заметил лишь, как огромная туша со всей дури рухнула на землю, поднимая в воздух столб пыли, а потом все вокруг заорали, заулюлюкали. Больше остальных старался ненавистный дистрофик. Гальяно не утерпел, запустил в него сосновой шишкой. Не промазал, попал прямо в лоб, за что тут же получил подзатыльник от Суворова, не сильный и не обидный. По лицу командира было видно, что он и сам не прочь съездить по ухмыляющейся роже вражеского предводителя Чуева.

Когда Туча наконец прихромал к ним, его круглое, перепачканное пылью лицо было в подозрительных мокрых разводах.

– Все нормально, Туча! – Дэн успокаивающе похлопал его по плечу. – Мы им еще покажем.

– Ага, мы им еще покажем, только с этого самого момента мы – отряд поросят! – Гальяно взъерошил пропитанные грязью, уже успевшие высохнуть волосы.

– Не поросят, а вепрей, – поправил Матвей, устало опускаясь прямо на траву.

– Хрен редьки не слаще!

– Так ведь... – Было видно, что Туча из последних сил борется с подступающими слезами. Гальяно его понимал, ему и самому хотелось плакать от обиды. Опростоволосился, упал в грязь лицом. Причем в самом буквальном смысле. А Мэрилин, наверное, все видела. Видела его унижительное поражение... – Так ведь есть еще один этап, – выдавил из себя Туча.

– А смысл? – Гальяно пожал плечами. – Мы продули уже! Понимаешь? Третий этап нам теперь что мертвому припарки.

– Ну что, облажались, архаровцы? – к ним подошел Суворов.

– Силы неравны, – озвучил общее мнение Матвей. – Так несправедливо.

– А кто говорит, что война – это справедливо? – Суворов присел рядом с Матвеем, зажал в зубах сорванную травинку. – Это война, архаровцы. А вы облажались. Считайте, убили вас.

– Это не война. – Дэн говорил спокойно и уверенно. – Это даже не жизнь, а так... игра. И вепрь – это далеко не поросенок. Лично я согласен быть вепрем. Какие проблемы?!

Прежде чем заговорить, Суворов окинул Дэна внимательным взглядом, покачал головой.

– У тебя, значит, Киреев, никаких проблем? Ты, значит, жизнь от игры четко отличаешь?

– Стараюсь, по крайней мере. – Дэн смотрел командиру прямо в глаза, взгляда не отводил, и было в нем что-то такое, от чего Гальяно лишний раз уверился, Дэн Киреев – крепкий орешек.

Наверное, Суворов тоже это понял, потому что махнул рукой, сказал устало:

– Последнее задание осталось – ориентирование на местности. Тут уж не сила и не выносливость, тут уже исключительно наблюдательность. И везение, – добавил он, немного помолчав. – Впрочем, вам везение без надобности, как я посмотрю. – Он с какой-то отчаянной злостью выплюнул измочаленную крепкими зубами травинку, растер носком кроссовки. В этот самый момент Гальянов понял, что Суворов, самоуверенный и наглый, на самом деле недалеко от них ушел, что он такой же пацан, как и они, только на десять лет старше.

– Ну, от везения только дураки отказываются, – сказал Гальяно и улыбнулся Суворову. – Мы еще повоюем, Максим Дмитриевич. Вепри знаете какие боевые?!

– Архаровцы, – повторил Суворов строго, но в глазах его плясали озорные искры. – Ладно, хоть тут не ударьте в грязь лицом, найдите вы этот ножик!

Третий этап был одновременно прост и сложен. От них больше не требовалось носиться сломя голову и преодолевать препятствия. Нужно было на ограниченном участке леса за ограниченный промежуток времени найти старый, бог весть кому принадлежавший, но отчего-то невероятно ценный нож. Гальяно оружие не интересовало вовсе, он лишь мельком бросил взгляд на нож с пожелтевшей костяной ручкой. На ручке грубо, но узнаваемо был вырезан вепрь. Это уже даже неоригинально... А вот Туча совершенно неожиданно ножом заинтересовался, даже попросил у Шаповалова разрешения подержать этот старый хлам в руках. Странное дело, но Шаповалов разрешил, и Туча долгую минуту разглядывал нож с каким-то совершенно непонятным благоговением.

– С историей, что ли, ножик? – Гальяно устал наблюдать за Тучей, перевел взгляд на Суворова.

– С историей. – Тот кивнул. – Вроде бы даже принадлежит кому-то из прежних владельцев усадьбы.

– Да ну?! – Гальяно еще раз, уже с большим интересом, взглянул на нож. – И что с ним стало? С прежним владельцем?

– Что может случиться с дворянином в лихие революционные годы? Убили владельца, ясное дело.

Да, история получалась совсем неромантической. Смотреть на нож, некогда принадлежавший убиенному графу, расхотелось.

– А насколько это оправданно? – вдруг спросил молчавший до этого Дэн.

– Что оправданно? – приподнял брови Суворов.

– Насколько оправданно то, что холодное оружие доверяют детям?

– А ты ребенок, Киреев? – Суворов криво усмехнулся.

– Я – нет. – Дэн покачал головой.

– Ну вот, сам и ответил на свой вопрос. Вы не дети, вы воспитанники спортивно-патриотического лагеря. Вы должны знать, как выглядит настоящее оружие. – Суворов вдруг повысил голос. – Тучников, хватит медитировать! Труба зовет!

Труба завела их в самую лесную чащу. Кругом вековые сосны да буйный подлесок, такой густой, что на несколько метров вперед уже ничего не видно.

– Участок полтора на полтора километра. Времени у вас два часа, – инструктировал Суворов, рассеянно поигрывая спортивным свистком. – Нож спрятан в жестяной ящик, размеры у ящика примерно вот такие. – Он развел руки, демонстрируя примерные размеры.

– Как бы не заблудиться. – Гальяно окинул критическим взглядом окружающие их дебри. – Это ж настоящие джунгли!

– Не заблудитесь, – усмехнулся Суворов. – Участок поиска по периметру обнесен веревкой с сигнальными флажками. Ваша задача – не забредать за ограждение.

– А если случится что? – осторожно поинтересовался Туча. – Ну, мало ли что, – добавил он со смущенной улыбкой.

– А если что – орите! – отрезал Суворов. – Мы тут поблизости, за периметром. Услышим и сразу же придем на помощь. Только что с вами может случиться? Смотрите под ноги, не ловите ворон. Ящик с ножом немаленький, в землю его никто не зарывал. Все на поверхности, надо только быть собранными и внимательными.

Неподалеку, где-то справа, запел горн, залаяла собака.

– Время пришло, удачи! – Суворов прощально взмахнул рукой и скрылся в подлеске.

– Наконец-то! – Гальяно вытащил из кармана сигарету, чиркнул спичкой и уселся на ствол поваленного дерева. – Перекур, братцы-поросята!

– Ты ж во рву искупался! – Матвей удивленно посмотрел на сигарету.

– Ага, искупался. – Гальяно кивнул. – И намочил всю пачку, а эту, – он взмахнул сигаретой, – я стрельнул у одного из наших, для расслабления мозгов.

– Не рано ли расслабился? – усмехнулся Дэн. – Нам еще нож в этом буреломе искать.

– А смысл? – Гальяно пожал плечами. – Все равно же проиграли. Чего пыжиться?

– Вы как хотите, а я буду его искать! – Туча сжал кулаки и нахмурился. – Последний бой, – добавил мрачно.

– Последний бой – он трудный самый, – пропел Гальяно. – Дэн правильно сказал там, на полигоне, это – всего лишь игра, братцы-поросята. Какая разница, кто найдет этот ржавый нож?

– Он не ржавый! – Туча мотнул головой, щеки его пошли багровыми пятнами. – Он настоящий, с историей. Вы как хотите, а я пошел!

Несколько секунд он постоял, точно прислушиваясь, а потом, как самый настоящий вепрь, ломанулся через подлесок.

– Сумасшедший дом! – Гальяно воздел очи к небу, а потом хитро сощурился, посмотрел на Дэна. – Слушай, а где вы этот ваш зеленый свет видели? Не здесь часом? Может, это тоже часть генерального плана нашего чокнутого Шаповалова? Закопал где-нибудь в лесу прожектор...

– А еще закопал провода или электрогенератор. – Дэн смахнул с влажного лба челку. – Неразумно.

– Ага, зеленые человечки куда разумнее! – Гальяно спрыгнул с дерева, старательно загасил сигарету. – Ладно, пойдем нашего следопыта искать, пока он не заблудился. Последний бой, понимаешь ли...

Гальяно точно в воду глядел. Во-первых, Тучу они потеряли. Упертый товарищ словно сквозь землю провалился. Во-вторых, в подлеске свирепствовали комары, гудели над головой, как эскадрилья бомбардировщиков. Было и в-третьих...

«В-третьих» случилось через час безрезультатных поисков то ли пропавшего Тучи, то ли спрятанного графского ножа. Первым неладное заподозрил Матвей; он остановился под старой сосной, прислушался.

– Слышите? – спросил шепотом.

– Что? – Гальяно тоже остановился.

– Тихо, – мрачно сказал Дэн.

– Вот именно – тихо! – Матвей кивнул. – Вообще ни звука.

А ведь он был прав! Ну, почти прав. Кроме шелеста ветра в листве, не было слышно ровным счетом ничего: ни птиц, ни кузнечиков, даже ненавистные комары куда-то подевались.

– Я тут подумал. – Матвей взъерошил волосы. – Мы же болтаемся по лесу уже больше часа.

– Ну? – Гальяно наморщил лоб, пытаясь понять, куда он клонит.

– Полтора на полтора километра! – Дэн, похоже, соображал быстрее. – Мы прошли уже больше двух километров, а до сих пор не увидели ограждения.

– И никого из наших не встретили! – До него наконец дошло.

В самом начале, сразу после ухода Суворова, они отчетливо слышали, как поблизости перекликаются, смеются и переругиваются остальные ребята. Их же много было: сорок человек на ничтожный клочок леса! Они бы непременно встретили кого-нибудь из своего или «вражеского» отряда. А вот не встретили...

– Думаешь, заблудились? – Матвей посмотрел на Дэна.

– Похоже на то.

– А как же флажки, про которые говорил Суворов? Как же огражденная территория?

Нет, Гальяно не испугался. Чего бояться? Это же не тайга, а вполне цивилизованный лес. Да и ушли они, скорее всего, не так уж и далеко. Найдут их, сто процентов! Гораздо сильнее он беспокоился за Тучу. Этот даром что почти двухметрового роста, а на самом деле телок телком. Вот встретят его снова измайловские отморозки – и пиши пропало.

– С флажками непонятно пока, но то, что мы за них вышли, – это факт.

– И что дальше? – Гальяно пожалел, что стрельнул не две сигареты, а всего лишь одну.

Курить захотелось очень сильно, почти невыносимо.

– Найдем Тучу и будем выбираться, – сказал Дэн с мрачной решительностью.

– А может, разумнее остаться на месте и дожидаться, пока нас найдут? – спросил Матвей.

– Ага, а в это время кто-нибудь другой найдет Тучу, – фыркнул Гальяно. – Нет уж, братья-поросята, давайте двигаться дальше! В конце концов, не наша вина, что они хреново обозначили этот свой периметр.

– И куда пойдем? – спросил Дэн, осматривая окружающий их со всех сторон лес.

– А куда глаза глядят, туда и пойдем! – Гальяно легкомысленно махнул рукой. – Найду Тучу, лично ему наkostenю! Выискался следопыт на наши головы!

Так они и шли куда глаза глядят. Сначала еще как-то пытались ориентироваться по солнцу, но очень скоро солнце спряталось за тяжелые тучи. И откуда что взялось посреди ясного дня?!

– Портится погода-то, – констатировал очевидное Гальяно.

– Гроза собирается, – кивнул Матвей. – Сейчас как ливанет!

– Плохо, если ливанет, вымокнем до нитки, – проворчал Гальяно. – С меня на сегодня водных процедур достаточно. Ну, где же этот следопыт?! – Он сложил ладони рупором, заорал во все горло: – Туча! Туча, ау!!!

Ответило ему лишь эхо, да, кажется, где-то вдалеке громыхнул гром. В сгустившихся, ну точно вечерних, сумерках они бродили по лесу еще часа полтора. Лес казался зачарованным, притихшим, словно притаившимся в ожидании чего-то нехорошего.

– Как будто леший водит! – Гальяно сплюнул себе под ноги. – Теперь уже точно заблудились.

Матвей посмотрел на часы, сказал:

– Нас наверняка уже ищут. И знаете что, все-таки я бы предложил остаться тут. Неизвестно, как далеко мы забрели.

– Согласен! – Дэн кивнул. – Надо только поискать какое-то укрытие на случай грозы.

– Под деревом прятаться нельзя, – со знанием дела сказал Гальяно. – В дерево молния первым делом...

Договорить он не успел, так и замер с открытым ртом, вглядываясь в клубящуюся над подлеском мглу. Было в ней что-то неправильное, она будто бы подсвечивалась изнутри. Кстати, зеленым светом подсвечивалась.

– Чего? – Матвей толкнул приятеля локтем в бок, проследил за его взглядом и удивленно присвистнул. – Эй, Дэн, – позвал он шепотом, – а не про этот ли огонек вы рассказывали?

Подсвеченная зеленым мгла на глазах начала уплотняться, и уже через секунду в небо забил сноп бледно-зеленого света.

– Похоже на то. – Дэн кивнул. – Только ночью поярче все это было.

– И что теперь? – так же, как Матвей, шепотом спросил Гальяно.

– Может, посмотрим? – Дэн не сводил взгляда с подлеска.

– А вдруг там радиация? – Гальяно втянул голову в плечи. – Видишь, как светится?

– Радиация не светится, дурень! – Матвей снова ткнул его локтем в бок.

– Или газ? – предположил Дэн.

– Газ над болотом, а тут лес.

– Остаются зеленые человечки. – Гальяно поежился. Не то чтобы он так уж верил в НЛО, но уж больно странным было происходящее.

– Сам ты зеленый человечек, – усмехнулся Дэн. – Я, наверное, схожу гляну, – добавил он после недолгих раздумий.

– Как-то стремно. – Гальяно зажмурился, точно это могло помочь принять правильное решение.

– Эй, есть там кто живой?! – во весь голос заорал Матвей.

На возмущенное шиканье Гальяно он не обратил никакого внимания, лишь развел руками – надо же с чего-то начинать!

– Надо делать ноги! – Гальяно завороченно наблюдал, как подлесок заходил ходуном, словно там, в зарослях, орудовал медведь. А может, и в самом деле медведь? Кто ж их знает, эти заповедные леса!

– Да, по ходу, надо сматываться! – Матвей испуганно шмыгнул носом.

– Поздно, – мрачно и обреченно сказал Дэн.

В этот самый момент кусты раздвинулись и на полянку вывалился Туча.

– Пацаны... – Вид у него был ошалелый, подбородок мелко подрагивал, и необъятное пузо ходило ходуном, так часто и глубоко он дышал.

– Туча, где тебя черти носили?! – От облегчения и радости у Гальяно едва не подкосились коленки.

– Носили... – Туча провел ладонями по лицу, и на мгновение Гальяно показалось, что от рук его исходит ровное зеленое свечение. – П-пацаны, там такое... – От волнения, а может, и от страха он начал заикаться, а голос его сделался тонким, как у девчонки.

– Что там? – Дэн шагнул к Туче, двумя руками обхватил его запястья. На лице Киреева появилось и тут же исчезло недоуменное выражение.

– Я не понимаю. – Туча замотал головой. – Посмотрите сами.

Это было неразумно – лезть в чертовы заросли и смотреть на ту хрень, которая заставила Тучу дрожать и заикаться. Черт возьми, это была очень плохая идея! Но что не сделаешь ради друзей?! Особенно когда один из них уже чешет к подлеску.

– Дэн, я с тобой! – прохрипел Гальяно и на полусогнутых, непослушных ногах двинулся следом.

До подлеска оставалось каких-то несколько метров, когда где-то в лесной чаще послышался залиvistый собачий лай. От сердца отлегло. Их искали и нашли! Слава тебе господи! А со всякими зелеными человечками пусть разбираются взрослые. На то ведь они и взрослые!

– Слышь, Дэн? Наши, похоже, идут! – сказал он громко и весело.

Но Дэн ничего не ответил. Дэн, мгновенно подобранный и превратившийся в готовую выстрелить пружину, смотрел совсем в другую сторону, туда, где на границе подлеска точно из-под земли выросла высокая сутулая фигура. В озаряемом зелеными сполохами сумраке незнакомец казался самым настоящим монстром. А может, не казался, а был им?..

Монстр кутался в армейский брезентовый плащ, лицо его скрывал низко надвинутый капюшон, но Гальяно, который и не видел-то толком ничего, шкурой почувствовал – перед ними не обычный человек, не охотник и не грибник, перед ними кто-то особенный и... неправильный.

– Здравствуйте! – сказал он как можно решительнее. – А мы вот заблудились. Не подскажете, как выйти к деревне?

Собачий лай слышался все ближе, и это придавало смелости.

– Эй, мужик, я к тебе обращаюсь! – заорал Гальяно уже во весь голос, не обращая внимания на мертвой хваткой вцепившегося в его руку Тучу.

Незнакомец, похоже, его не слышал. Или слышал, но не обращал внимания. Медленно-медленно он протянул вперед руку, и его длинный, костлявый палец указал прямо на Тучу. Туча всхлипнул и, кажется, стал даже ниже ростом от страха. Гальяно его понимал – он и сам боялся.

Совершенно непонятно, чем бы закончилось это безмолвное противостояние, если бы ветер, невероятно сильный и невероятно холодный, не закружил между деревьями, не задул, точно свечу, зеленый свет, не сдернул с головы незнакомца капюшон.

Он оказался страшен! Страшнее самого страшного монстра, потому что у него не было лица. На уродливой, сплошь состоящей из рубцов и язв маске нечеловеческим огнем полыхали глаза. Когда незнакомец всего лишь мазнул по нему своим огненным взглядом, Гальяно едва не упал, так плохо ему вдруг стало.

А потом из темноты черной стремительной тенью вылетел волкодав, тот самый, которого охранник все время держал на поводке. Подросла-таки подмога...

Волкодав проскочил мимо Гальяно и Тучи, мягко приземлился на лапы и с грозным рыком направился к монстру. Хорошая собачка, умная...

Пес, натасканный и подготовленный для таких вот захватов, собирался впиться в руку незнакомцу, но вместо того, чтобы в последнем прыжке взмыть в воздух и защелкнуть мощные челюсти на костлявой лапе монстра, вдруг заскулил, припал к земле, а потом волчком закружился на месте.

...А монстр исчез. Еще мгновение назад пялился на них своими страшными зенками и раз – растворился в опустившейся на лес темноте.

А еще через мгновение на полянку выскочил тот самый охранник-чоповец, который еще утром флиртовал с Мэрилин. В руке он держал пистолет. Точно-точно, самый настоящий ствол! Он обвел их испуганную компанию быстрым и цепким взглядом, глянул на беснующегося пса и только потом спросил:

– Что у вас тут?

Туча

– ... Что у вас тут? Парень, ты меня слышишь? – Кто-то тряс его за плечи, бил по лицу. – Эй, с тобой все в порядке?

Туча сидел на земле. Когда ноги перестали его держать, он не помнил, и не мог даже сказать, все ли с ним в порядке. Определенно, что-то было не так, но голова отказывалась думать, и язык точно прилип к нёбу.

То существо... тот человек смотрел на него так, словно знал все его тайны. И взгляд его выжег в сердце Тучи черную дыру. Наверное, он бы умер, не выдержал этого страшного взгляда, если бы все вдруг не закончилось.

– Да в порядке с ним все, шок просто. – Гальяно Степа узнал сразу, и голос этот выдернул наконец его из оцепенения. – Тут мужик только что был. Страшный такой. Видели?

– Не видел. – Охранник, а это его бесцеремонные пальцы только что ощупывали Тучу, отрицательно мотнул головой, бросил встревоженный взгляд на лежащего на земле пса. – Грей как-то странно себя ведет. А ведь служебная собака, ко всему привычная, всему обученная. Может, зверя какого почуял?

– Не зверя. Это он его испугался. – Гальяно махнул рукой в сторону подлеска.

– Кого?

– Да мужика этого!

– А не примерещился вам мужик, парни?! Вы ж больше трех часов по лесу болтались. Мало ли? Насилу мы с Греем вас отыскали.

– А как отыскали? – тут же поинтересовался Матвей.

– Да вот по этому! – Охранник вытащил из заплечной сумки что-то странное, покрытое грязью.

– Мастерка моя, – сообщил Гальяно. – Я ее снял после того, как во рву искупался.

– Повезло, что снял. А то б пришлось нам вас до ночи искать, а может, и ночью. Места тут – черт ногу сломит! Вы зачем через ограждение перелезли? – спросил он строго. – У вас мозги есть или нет? Велено же было за флажки не заходить!

– А мы и не заходили! – Гальяно развел руками. – Не видели мы флажков!

– Так уж и не видели? – По мрачному лицу охранника было видно, что он им не верит.

Ни про незнакомца, ни про исчезнувшие флажки не верит.

– Свет вы тоже не видели? – спросил молчавший до этого Дэн.

– Свет? – Охранник пожал плечами. – Молнию, что ли?

– Нет, другой свет, зеленый!

– Не видел я ничего, а вы не выдумывайте, парни! Сначала флажки, потом мужик какой-то, теперь вот зеленый свет! Наказания вам не избежать, так и знайте!

Они молча переглянулись. Во взгляде Гальяно были удивление и обида, но возражать охраннику он не стал. Понял, наверное, что бесполезно.

– Ну что, будем выбираться? – Охранник посмотрел на пса, велел: – Грей, ко мне!

Пес вяло дернул хвостом, но на ноги все-таки встал. Его лапы тряслись так же сильно, как еще недавно тряслись Тучины поджилки.

– А как выбираться будем? – поинтересовался Матвей.

– По компасу. Как же иначе? – Охранник достал из нагрудного кармана компас, положил себе на ладонь.

Туча затаил дыхание. Если все, что здесь произошло, результат какой-то природной аномалии, компас обязательно отреагирует.

Компас не отреагировал, стрелка вела себя совершенно нормально. Значит, нет никакой природной аномалии. А что же тогда это было?..

Туча сунул руку в карман штанов, нащупал прохладный металл ключика.

На душе сразу стало легче и светлее. Хорошо, что в этой суете он его не потерял. Было бы надежнее повесить ключ на шею, но тогда ведь его все увидят. И девчонка тоже увидит. Нет, пусть уж лучше так, в кармане. А отдать ключ он не готов. Не готов, и все тут!

Пока Туча размышлял над собственной непорядочностью, охранник включил рацию и доложил:

– Отбой тревоги! Я их нашел. Нет, нормально, все целы и невредимы. Выбираемся, я на связи.

Из леса вышли на удивление быстро. Прошло всего каких-то пятнадцать минут, и набрали на ту самую развилку, которую видели во время похода к реке. Дальше дело пошло веселее, даже пес, кажется, наконец ожил. Первые капли первой в этом году грозы застали их у лагерного забора.

В лагере их уже ждали. В тесную сторожку охранника набилось столько народу, что не развернуться. Шаповалов с мрачным и не предвещающим ничего хорошего лицом сидел за обшарпанным столом, рядом на стуле пристроилась медсестра. Вид у нее был испуганный, словно это она сама заблудилась в лесу посреди грозы. Суворов метался по комнате, как тигр в клетке, и, даже когда они, промокшие до нитки и продрогшие до костей, переступили порог сторожки, он не успокоился. На лице начальника читалось бешенство пополам с облегчением.

– А вот и наши бегуны! – Шаповалов расцепил сплетенные в замок пальцы, побарабанил ими по столу. – На что вы рассчитывали, молодые люди? Думали, как партизаны, лесами-болотами добираться к своим? – Он говорил спокойно, но левый глаз за стеклами очков заметно подергивался.

– А мы никуда не бежали. – Гальяно клацнул зубами, просительно посмотрел на Суворова.

– А, что же, позвольте узнать, вы делали за ограждением? – спросил Шаповалов.

– Не было никакого ограждения, – поддержал Гальяно Матвей. – Мы шли, искали этот ваш нож, а потом вдруг поняли, что заблудились.

– Да что же вы врете! – Суворов стукнул кулаком по подоконнику, виновато улыбнулся в ответ на неодобрительное хмыканье Шаповалова. – Мы с ним, – быстрый взгляд на безучастного охранника, – проверили все. По периметру обошли. Все там в порядке, все на месте.

В подтверждение его слов охранник кивнул. Гальяно с Матвеем обменялись удивленными взглядами. Дэн с отсутствующим видом смотрел в окно. Туча тоже посмотрел и вздрогнул. С той стороны, в сплошной пелене дождя, угадывался хрупкий девичий силуэт. Он не мог видеть ее лица, но кожей чувствовал, что она на него смотрит, и ни ливень, ни холод, ни грязное оконное стекло ей не помеха. В этот самый момент Туча понял – девчонка знает, что ключ у него. Это она следила за ним с той самой первой ночи. Удивительно, но даже этот факт не мог заставить его расстаться с ключом. Не сейчас. Может быть, чуть позже...

– Да не собирались мы никуда бежать! – Гальяно наконец пришел в себя и обрел дар речи. – Да вы что? Моя мамка знает сколько сил потратила, чтобы путевку в этот ваш лагерь выбить?! Зачем мне сбегать?

– Хорошо, – Шаповалов кивнул, – допустим, бежать вы никуда не собирались, что все это, – он развел руками, – лишь последствия вашего легкомыслия и нежелания шагать в ногу с остальными, но вы, надеюсь, понимаете, какой чудовищный проступок совершили?

Они закивали, все четверо. То, что их исчезновение вызвало настоящий переполох, каждый прекрасно осознавал. Как и то, что наказание неминуемо. За таким человеком, как Шаповалов, не заржавеет.

Туча скосил взгляд на окно – девчонка исчезла. А может, ее и не было? Привиделась?

– Карцер! – коротко и веско сказал Шаповалов, вставая из-за стола. – На четыре часа всех!

– Антон Венедиктович! – вдруг заговорила молчавшая до этого медсестра, и на щеках ее полыхнул румянец. – Ну какой карцер?! Что вы такое говорите? Дети голодные, холодные! Их осмотреть нужно, накормить, в конце концов, а уже потом наказывать.

Туча заметил, как при слове «дети» болезненно поморщился Гальяно. Да уж, этот ребенком себя наверняка давно уже не считает.

Прежде чем ответить, Шаповалов долго молчал.

– Ну хорошо, – сказал он наконец. – Сегодня эта бравая четверка в вашем распоряжении, Леночка, но завтра сразу после завтрака эти господа отправятся в карцер! Я своих решений не меняю. А теперь предлагаю всем заняться делами. – Он, прихрамывая и опираясь на зонтичность, вышел из сторожки.

– Ну? – Суворов обвел их мрачным взглядом. – Чего стоим? Марш в свою комнату переодеваться!

– А в медпункт? – Гальяно с надеждой посмотрел на медсестру.

– А зачем? – удивилась она.

– Как же – зачем?! А если мы простудимся?

– Вот когда простудитесь, тогда и приходите! – Она улыбнулась, но не сникшему Гальяно, а Суворову, сказала кокетливо: – Максим Дмитриевич, вы не проводите девушку в медпункт?

Гальяно громко, со свистом, втянул в себя воздух, бросил на Суворова испепеляющий взгляд, на который тот никак не отреагировал. Похоже, вожатый и в самом деле был очень зол.

– Провожу. – Суворов кивнул Леночке и тут же добавил, обращаясь уже к ним: – Обед через полчаса, так что поторопитесь. Никто вам отдельно стол накрывать не станет.

Они были уже в дверях, когда он снова их окликнул:

– Эй, архаровцы!

– Что? – за всех отозвался мрачный, как туча, Гальяно.

– Вы там, когда по лесу скакали, наш трофей часом не нашли?

– Какой трофей? – спросил Матвей.

– Нож.

– Нет. – Они ответили все вместе, в унисон, а Туча даже покивал головой.

– А разве вы не знаете, где его спрятали? – Матвей рассеянно пробежался пятерней по мокрым волосам.

– Я-то знаю, да вот только ящик пустой. Ящик есть, а ножа нет! Странно, не находите?

Они переглянулись: сначала Матвей с Дэном, потом Дэн с Гальяно, и уже все трое посмотрели на Тучу. В их глазах он видел одно и то же: нож мог взять тот страшный человек.

– А что это за гляделки? – тут же насторожился Суворов. – Что это вы там скрываете?

– Максим Дмитриевич. – Леночка коснулась его руки.

– Подожди, Лена! – сказал он нетерпеливо. – Ну, архаровцы, выкладывайте все как на духу!

– Мы видели кое-кого в лесу, – после недолгих раздумий заговорил Гальяно. – Мужика такого страшного, сущего уроды! Даже я струхнул, такой он жуткий.

При упоминании уроды переглянулись уже Суворов с Леночкой, и во взглядах их было понимание. Неужели догадались, о ком речь?

Туча подался вперед, в нетерпении вытянул шею. Его страшный кошмар вот-вот должен был обрести имя.

– Вы знаете, кто это был? – спросил Матвей.

– Догадываюсь. – Суворов вопросительно посмотрел на охранника.

– Я никого не видел. – Тот правильно понял не произнесенный вслух вопрос. – Пацаны говорили что-то такое, но я не видел ничего.

– Совсем ничего? – Голос Суворова сделался вдруг нетерпеливым и настойчивым.

– Мы свет видели! – опередил охранника Дэн. – Точно такой же, как вчера ночью.

– Был свет? – Суворов казался озадаченным.

Охранник отрицательно мотнул головой – тоже не видел.

– Что же это за свет такой? – спросил Гальяно.

– Да так. – Суворов пожал плечами. – Местная достопримечательность – блуждающий огонь.

– Огнем там вообще не пахло. – Охранник снова с сомнением покачал головой.

– Там горелым пахло! – неожиданно для себя сказал Туча. Запах этот, отвратительный, ужасный, кажется, до сих пор цеплялся за одежду и волосы. Даже ливень не смог смыть его окончательно.

– Это тебе, парень, с перепугу показалось. – Охранник снисходительно улыбнулся. – Ты ж, наверное, в настоящем лесу впервые в жизни оказался!

Туча не стал спорить. Зачем спорить с дураками?

– А что за мужик нам попался? – встрял Гальяно.

– А почему ты думаешь, что после того, что вы сегодня устроили, я стану перед вами отчитываться? – вопросом на вопрос ответил Суворов и тут же добавил: – Идите уже! И чтобы без фокусов мне.

Дэн

К тому времени, как они вышли из будки охранника, ливень кончился, умытое небо сияло бирюзой, и казалось, что все, что случилось с ними в лесу, было всего лишь сном, не слишком приятным, но уже закончившимся. Дэн на мгновение замер на крыльце, осмотрелся. Он ее видел, ту странную, похожую на птичку девчонку. Она стояла прямо под проливным дождем и, казалось, пыталась увидеть, что происходит в сторожке. А потом, стоило лишь на мгновение отвлечься, девочка исчезла, растворилась в пелене дождя. Что-то было в ней... что-то такое, что зацепило и не отпускало, заставляло мыслями возвращаться к ней снова и снова. А он ведь даже лица ее не рассмотрел толком...

– Хватит медитировать! – Вышедший следом Гальяно толкнул его в спину. – Слышал, что нам воевода сказал? Кормить персонально нас никто не станет, а кушать очень хочется. – Он спрыгнул с крыльца, обернулся. – Туча, ты кушать хочешь?

Туча глянул на него удивленно, замотал головой. После случившегося в лесу он вел себя странно, все время о чем-то размышлял. Надо будет поговорить с ним о том, что же он все-таки видел. Ясно ведь, видел что-то необычное!

– Что, совсем есть не хочется? – удивился Гальяно.

– Не хочется. – Туча пожал плечами.

– Ты меня пугаешь!

– Это из-за стресса, – авторитетно заявил Матвей.

– Я от стресса, наоборот, есть хочу! – сообщил Гальяно и припустил по дорожке, ведущей к флигелю.

Переодевались быстро, по-военному. Только Туча все возился в своем углу, перетряхивал рюкзак, тяжело вздыхал, из комнаты вышел последним, несмотря на понукание Гальяно. Вышел, но направился не в столовую, а в душевую. Через неплотно прикрытую дверь Дэн видел, как он с непонятным остервенением трет намыленные руки, а потом с головой ныряет под струю воды. Может, и в самом деле стресс?..

В столовую они пришли вовремя, даже несмотря на возню Тучи. Взгляды всех присутствующих тут же устремились в их сторону, послышался возбужденный гул.

– Мы сегодня, похоже, герои дня, – хмыкнул Гальяно и картинно помахал рукой. Со стороны «вражеского» лагеря тут же донеслось презрительное ржание.

– Как прогулочка, свиньи? – не оборачиваясь, хихикнул дистрофик. – Искупались в грязи?

Дэн замер над дистрофиком, аккуратно сжал сзади его тонкую цыплячью шею, сказал с ледяной усмешкой:

– Мы не свиньи, мы вефри.

Дистрофик захрипел, попытался вырваться.

– Лучше быть вефрем, чем волком-дистрофиком, – мстительно, на весь зал сообщил Гальяно.

– Пусти! – Дистрофик захрипел и начал синеть.

Дэн разжал пальцы.

– А у вас, говорят, веревочка развязалась? – Измайлов смотрел только на Дэна и подло лыбился.

– Какая веревочка? – Он собирался идти к своему столу, но замер.

– А такая веревочка, с флажками, которую вы почему-то не заметили.

Значит, веревочка с флажками! Вот теперь все встало на свои места.

Эти уроды просто отвязали веревку, а потом, когда Дэн с ребятами вышли за периметр, привязали обратно. Вот такая подлая и изощренная месть. И расчет их тоже понятен: за самоволку по голове никто не погладит.

– Мы с тобой еще поговорим. – Дэн растянул губы в улыбке. – Про веревочку с флажками...

– Видел я, как ты разговариваешь! – Измайлов откинулся на спинку стула, презрительно поморщился. – Ты, по ходу, бальными танцами занимался. Так вальсируешь, так вальсируешь! Скажи, Виталик?! – Он ткнул локтем флегматичного близнеца.

– Я не Виталик, я Вадик, – пробубнил тот.

– Не важно! – Измайлов пренебрежительно махнул рукой. – Важно, что вот этому танцору ни с одним из нас не справиться. Ну если только с Лютиком. – Он покровительственно похлопал по плечу притихшего задохлика.

– А в репу за танцора? – Гальяно выпятил нижнюю губу, смотрел на врага с вызовом.

– Не обращай внимания. – Дэн пожал плечами.

– Как же не обращать, когда они тебя... – Гальяно перешел на едва различимый шепот.

– Ерунда это все, есть пошли.

Это и в самом деле было ерундой. Дэн знал цену своим противникам и знал цену себе. Неужели приятель этого не понимает?

– Зря ты меня увел! – Гальяно плюхнулся на стул, сжал кулаки. – Я бы им рожи подрихтовал! Они б у меня увидели небо в алмазах!

– А что там с ограждением? – прервал тираду Гальяно Матвей.

– Это они отвязали веревки. – Дэн едва заметно кивнул в сторону «вражеского» столика.

– Вот уроды! – снова вспыхнул Гальяно.

– Может, Суворову рассказать? – Туча без энтузиазма рассматривал содержимое своей тарелки.

– А смысл? – Дэн пожал плечами. – Даже если Суворов нам поверит, то доказательств все равно никаких нет.

– Значит, война! – заключил Гальяно.

– Будет видно, – рассудительно заметил Матвей. Из их компании, пожалуй, только он один не спешил с выводами.

– Ладно, давайте обедать. – Дэн придвинул к себе тарелку с супом, понаблюдав, как Туча с отсутствующим видом жует котлету, и дал себе слово обязательно расспросить его о том, что случилось в лесу.

После обеда было построение. Снова две шеренги, снова разгуливающий по образованному ими коридору Шаповалов, только на сей раз не в камуфляже, а в светлых брюках и рубашке. Построение началось с поздравительной речи и вручения победителям бронзовой статуэтки волка. Мрачному и задумчивому Суворову досталась фигурка кабана, мало походившего на грозного лесного хищника. Отдельным пунктом шел разбор «ужасного происшествия», случившегося в отряде вепрей. Все тут же снова посмотрели в их сторону, кто-то с сочувствием, а кто-то и с нескрываемым злорадством. Про исчезновение ножа не было сказано ни слова. Нет, не так! Шаповалов сказал, но совсем не то, что от него ожидали.

– К сожалению, задание третьего тура так и осталось невыполненным, но это не беда, потому что лидер уже определился.

Волки одобрительно загудели. Вепри подавленно молчали. А Дэн думал над тем, что слишком уж странно, слишком неправильно начинается это лето. Но, черт возьми, интересно!

– Ну, рассказывай, Туча! Сил уже нет терпеть! – Гальяно щелкнул зажигалкой, закурил.

После построения у них выдалось свободное время аж до самого ужина. Волков в качестве поощрения Чуев повел на речку купаться, а вепри разбрелись по территории. Они вчет-

вером сидели в дальнем уголке парка, прямо на уже высохшем после недавней грозы газоне. Гальяно, получивший наконец от расторопного Васьки сигареты, дымил, как паровоз.

– Что рассказывать? – Туча сидел, сцепив пальцы в замок.

– Что ты там видел? Что это был за свет?

– Не знаю. Там все так быстро произошло, я не понял толком...

– Рассказывай, что понял! – в один голос потребовали Гальяно и Матвей.

– Ты, кстати, странно как-то себя вел, – заметил Гальяно. – Ломанулся через бурелом, что тот медведь.

– Вепрь, – мрачно уточнил Дэн, не сводя взгляда с Тучи.

– Не важно, то, что он от нас слинял, остается фактом. Получается, это из-за него мы за ограждение вышли.

– Я не хотел. – Туча втянул голову в плечи. – Честное слово, оно как-то само вышло.

– Ладно, само так само! – Матвей легонько толкнул Гальяно, намекая, что хватит уже обличительных речей. – Что там было?

– Я шел, – начал Туча нерешительно. – Шел и думал, как найти нож. Мне казалось, я его обязательно найду.

– Мы тебя звали, – ввернул Гальяно.

– Я не слышал. Я задумался, наверное. Со мной так иногда бывает: задумываюсь и не замечаю ничего вокруг.

– И что там с огнем? – Гальяно закурил вторую сигарету. Дэн, равнодушный к никотину, неодобрительно поморщился. – И название какое прикольное – блуждающий огонь!

Прежде чем заговорить, Туча огляделся по сторонам, словно кому-то могли быть интересны их разговоры.

– Я вышел на поляну. Ну, ту, где вы меня нашли. Уже темнеть начало, я даже, помню, удивился, что так темно вокруг, подумал – может, вечер наступил, а я и не заметил. А потом запахло горелым.

– Горелым? – Дэн сам был на той поляне и помнил, что ничем особенным там не пахло. Но помнил он и другое: с какой тщательностью Туча отмывал руки.

– Горелым, – повторил Туча. – Такой гадкий запах, как на пожарище, только еще противнее. Как будто мясом паленым... – Он замолчал, а его круглое лицо вдруг на глазах побледнело, покрылось бисеринками пота.

– Эй, ты чего? – Дэн осторожно коснулся его плеча. – Тебе плохо?

– Нет. – Туча сделал глубокий вдох, замотал головой. – Уже проходит, – сказал со страдальческой улыбкой.

– А я вот не чувствовал там никакого запаха. – Гальяно помахал рукой, разгоняя сигаретный дым. – А у меня нюх как у собаки.

– Был запах! – сказал Туча с отчаянием. – Мне кажется, от меня до сих пор пахнет. Или не пахнет? – Он вопросительно посмотрел на Дэна.

– Нет, наверное, ты его смысл.

– А собака тоже ведь что-то почуяла, – заговорил Матвей. – Может, как раз запах?

– Собака почуяла это чудище лесное, – замотал головой Гальяно. – Там такая рожа – кто угодно испугается.

– Подождите, пусть он говорит. – Дэн посмотрел на Тучу. – Что дальше было? Откуда шел свет?

– Из-под земли, – сказал тот, не задумываясь. – Свет шел из-под земли. Я сначала подумал, что там, в кустах, что-то спрятано. Вы же сами говорили про прожектор... Вот я и решил, что это что-то обычное.

– А это необычное? – спросил Гальяно громким шепотом.

– Да. – Туча кивнул. – Свет сначала был слабый, едва различимый. Я даже не испугался почти, полез в кусты, чтобы посмотреть.

– А там?

– А там ничего. То есть не совсем ничего, но непонятное что-то. – Туча закусил губу, надолго задумался. Остальные не торопили, терпеливо ждали. – Не знаю даже, как лучше объяснить, – заговорил он наконец. – Вы, наверное, решите, что я свихнулся.

– Не решим, – успокоил его Гальяно. – Мы же и сами кое-что видели.

– Хорошо. – Туча снова глубоко вдохнул, а когда заговорил, лицо его приняло отсутствующее выражение. – Вот представьте, что земля в лесу – это не земля, а вода. Ну, как в озере. И представьте, что на дне этого озера лежит что-то большое. Лежит и светится. Вот прямо у вас под ногами. Можно такое представить?

Они согласно закивали.

– Хорошо. Вот лежит это что-то и светится, но не слишком сильно, потому что очень глубоко, а потом начинает подниматься на поверхность... – Туча замолчал.

– Ну? – подстегнул его нетерпеливый Гальяно.

– Ну и вот... – Туча выдохнул, словно сдулся. – Вот так оно было. Я стоял, а оно поднималось, прямо из-под земли, и светилось все сильнее и сильнее. Мне даже начало казаться, что у меня под ногами земля шевелится. Я проваливаться начал... запах этот... – Туча снова побледнел, схватился за горло, словно ему не хватало кислорода. – Я испугался. Понимаете? Испугался, что или эта штука поднимется на поверхность, или я сам туда... А потом я услышал вас и убежал.

Минуту все сидели молча, обдумывали услышанное.

– Интересное кино! – заговорил наконец Гальяно. – Вот тебе и зеленые человечки! Слушайте! – Он хлопнул себя по лбу. – А вдруг там и в самом деле НЛЮ под землей. Ну, как в «Томминокерах»?

– Гальяно, какие «Томминокеры»?! – Матвей посмотрел на него с жалостью. – Это ж тебе не штат Мэн.

– Нет, там другое, – с неожиданной решимостью сказал Туча. – Большое, но не огромное. Наверное, вот такой длины. – Он раскинул в стороны руки. – Или даже чуть больше. Что-то длинное, но не слишком широкое. Мне так показалось, – добавил он с неуверенной улыбкой.

Гальяно уже хотел было что-то спросить, но Матвей вдруг приложил палец к губам, кивнул в сторону кустов.

– Там кто-то есть, – сказал он одними губами.

Дэн посмотрел на кусты, но ничего особенного не заметил.

– Уверен? – спросил он так же шепотом.

В ответ Матвей лишь пожал плечами.

– А вот мы сейчас проверим! – уже не таясь, заорал Гальяно и сиганул в кусты.

Остальные ринулись следом.

Если Матвею и показалось, если их и в самом деле кто-то подслушивал, то этот кто-то уже успел смыться, раствориться в старом парке, не оставив после себя и следа. Они замерли в растерянности, осмотрелись. В десяти метрах от них орудовал садовыми ножницами коренастый дядька в синем рабочем комбинезоне. Наверняка еще один подсобный рабочий или, может, садовник. Дядька не смотрел в их сторону, напевал что-то себе под нос, у ног его лежал ковер из срезанных веток. Увидев, что за ним наблюдают, он сбил на затылок бейсболку, при этом взмахнул рукой.

– Вы не заблудились часом, парни? – спросил с хитрым прищуром. – Начальник меня все ругает, что парк недостаточно окультурен, что джунгли настоящие. А как же можно окультуривать такую красоту? – Дядька взмахнул садовыми ножницами.

– Не, мы не заблудились! – Гальяно покачал головой. – Мы тут это... базарили.

– Базарили? – Мужик усмехнулся. – А чего ж на речку с остальными не пошли?

– Так не заслужили.

– Ага, вопри, значит! Не повезло вам, ребятки. У начальника в любимчиках всегда волки, уже который год подряд. Для него сила и выносливость на первом месте. А еще дисциплина. Дисциплина у нас тут почти армейская, даром что лагерь для подростков. – Он замолчал, а потом нахмурился, точно что-то вспомнив. – Четверо! – сказал со значением. – А Максим как раз только что четверых своих архаровцев искал. Тех, которые сегодня в лесу отличились. Не вас случайно?

– Да кто ж его знает?! – Гальяно хитро усмехнулся, незаметно ткнул Дэна в бок: мол, имей в виду – Суворов ошивался поблизости.

– Значит, вас. – Садовник кивнул, сказал уже другим, серьезным тоном: – А что вы непоседливые такие? У нас лес беспокойный, всякое случиться может.

– И что «всякое»? – тут же поинтересовался Матвей.

– А разное! Глухие места. Заблудишься, дай бог, через день к людям выйдешь. Думаете, дисциплина – это так, для красного словца? Правила специально для таких, как вы, неумных, придуманы, чтоб не лазили где попало. Лихих людей нынче развелось.

– А мы одного такого сегодня как раз и видели – лихого, – понизил голос Гальяно. – Как раз в лесу.

– Лихого, говорите? – Садовник нахмурился.

– Уродливого такого, почти без лица, – уточнил Матвей.

– Уродливого, без лица... Так это вы, парни, с Лешаком повстречались. Он наш, местный. Вместо лесника у нас. А что, сильно испугались?

– Да уж испугались, – сообщил Гальяно доверительным шепотом. – А вы бы не испугались, если бы на вас из лесу такое страшилище вышло?

– И я бы испугался. – Садовник кивнул, стрельнул взглядом на торчащую из кармана Гальяно пачку сигарет, спросил: – Сигареткой не угостишь? А то я сегодня под ливень попал, вымокли мои папиросы, а до магазина еще неизвестно когда доберусь.

– Угощайтесь! – Гальяно протянул ему пачку, щелкнул зажигалкой, помогая прикурить. – Вас, кстати, как зовут?

– Артем Ильич я. Хотите, зовите просто Ильичом, не обижусь.

– Ильич, а что это за Лешак? Откуда взялось страшилище такое?

– Заинтересовал он вас, салажата? – Садовник выпустил облачко дыма, поскреб заросший щетиной подбородок. – Оно и понятно, Лешак – дед колоритный. Я и сам, признаюсь, не сразу привык, что он такой... Ну, не красавец, одним словом. А отчего, я не знаю. Да и никто толком не знает. Он же старый уже, старше многих в деревне. Я всегда его таким помню. Слышал, это с детства у него с лицом, травма какая-то или ожог. Но сам он никогда не рассказывает про себя, он и не говорит-то почти ничего. Может, и отвык уже в этой своей глуши. Так вы, выходит, видели его сегодня? – спросил он без всякого перехода.

– Ага. – Гальяно кивнул. – Когда заблудились.

– И что же он не помог вам выбраться?

– Какое там! – Узнав, что страшилище из леса никакой не монстр, а самый обычный человек, пусть и с придурью, Гальяно заметно приободрился. Даже поникший Туча, кажется, повеселел. – Бросил нас на произвол судьбы, а перед этим еще и напугал до полусмерти рожей своей кривой.

– Я ж говорю, странный он. – Ильич пожал плечами. – И раньше-то нелюдимым был, а как с его внучкой беда приключилась, совсем с ума сдвинулся. Но он не буйный, вы не думайте.

– А что за беда? – спросил Дэн, всматриваясь в просвет между деревьями. Там мелькал какой-то смутный силуэт, только вот рассмотреть, кто это, никак не удавалось.

– Утонула. За каким-то лешим пошла ночью на затон купаться и потопла. Там ее дед утром и нашел.

– Это учительница, что ли? – удивился Матвей.

– Она самая. А вы откуда про Лизку узнали? – пришел черед Ильича удивляться. – И недели еще у нас не прожили, а уже всюду успели носы сунуть. Вы про Лизку особо не спрашивайте, не любят у нас это дело вспоминать. А Лешак, если услышит, что вы его внучкой интересуетесь, озверееет. – Садовник замолчал, глубоко затаился.

Неизвестно, что бы еще такое интересное он бы им рассказал, если бы на парковой дорожке не появился Шаповалов собственной персоной.

– Прогуливаетесь, молодые люди? – От его цепкого взгляда Дэну стало не по себе, а Гальяно, наверное, мысленно перекрестился, что пачка сигарет до сих пор у Ильича.

– Наслаждаемся дивными видами! – Киреев широко улыбнулся. – Чудесные у вас здесь места! Чудесные!

Похоже, в искренность его восторгов Шаповалов не поверил, скривил тонкие губы в подозрительной усмешке, процедил сквозь зубы:

– Да уж, почудеснее, чем в лесу. Только я бы вам посоветовал далеко от дома не забредать, у вас ведь прослеживается нездоровая тенденция. Весь ваш отряд уже давно в сборе, Максим Дмитриевич волейбол организует, а вы, как всегда, особняком.

– А мы вот как раз и идем играть в волейбол. – Гальяно продолжал улыбаться. – Нам Ильич передал, что командир нас ищет.

– Так и есть, – кивнул садовник, пряча недокуренную сигарету за спиной, как пойманный с поличным школьник. – Я как раз парней инструктировал, чтобы не лазили куда попало.

Шаповалов посмотрел на него долгим, с прищуром взглядом, спросил со змеиной усмешкой:

– А разве в ваши обязанности входит инструктаж?

– Никак нет, я просто подумал...

– Вам не нужно думать, любезный. Для этого у меня имеются специально обученные люди, а от вас требуется совсем иное. – Начальник указал тростью на те самые кусты, за которыми ребята прятались всего несколько минут назад. – Это вот что за безобразие? Сколько мне еще вам напоминать, что парк нужно содержать в надлежащем состоянии?!

– Сегодня же! Непременно все сделаю, Антон Венедиктович!

– А вы что стоите, молодые люди? – Шаповалов покачал головой. – Не заставляйте меня пожалеть, что я отсрочил ваше наказание.

– Уже идем. – Гальяно бросил тоскливый взгляд на оставшиеся у Ильича сигареты, дернул за рукав Тучу. – Все, нас уже нет!

Дэн уходил последним. Наверное, он единственный заметил тот полный ненависти взгляд, которым провожал Шаповалова садовник.

Гальяно

– Елки-метелки! Вторая пачка сигарет за день! – простонал Гальяно, когда они отошли на безопасное расстояние от Шаповалова. – Что за невезуха такая!

– Это судьба, дорогой друг. – Матвей ехидно улыбнулся. – Сама судьба дает тебе знать, что пора бросать курить.

– Не, к черту судьбу! И хорошие манеры тоже к черту! Я вечером Ильича найду и сигареты экспроприрую. Нечего бедного ребенка обирать.

– Дети сигареты не курят, – усмехнулся Дэн, а потом сказал: – Кто ж нас подслушивал?

– Да кто угодно! – Гальяно развел руками. – Тут ведь и в самом деле сплошные джунгли. Да хоть тот же Шаповалов. А что? Я бы не удивился, с этого гестаповца станется! Шастает, подслушивает, а потом всех в карцер!

– Еще садовник и Суворов могли, – сказал Дэн задумчиво.

– А зачем им? – удивился Гальяно.

– А остальным зачем?

– Еще вон она могла, – сказал Матвей шепотом и скосил взгляд на ближайшую к ним дорожку.

Там, прислонившись спиной к старой липе, стояла девчонка, та самая, которую привезли в лагерь прошлым утром. Одета она, несмотря на жару, была во все черное, руки прятала в карманах драных джинсов, а на мир смотрела со смесью настороженности и ненависти. Или не на мир, а на них?.. Интересно, что она вообще здесь делает, эта ненормальная?

– Эта могла. – Гальяно кивнул. Девчонка вызывала в нем почти такое же раздражение, как Шаповалов и Суворов. – Вон как глазюками зыркает! Мымра!

– Что ей надо? – буркнул Матвей. – У меня такое чувство, что она за нами следит. Сегодня у будки охранника ошивалась.

– А вот мы сейчас узнаем. – Гальяно нацепил на лицо приветливую улыбку, замахал рукой. – Эй, красавица! Не желаете ли познакомиться с четырьмя очень положительными молодыми людьми?

Конечно, с «красавицей» он сильно покривил душой: девица не тянула даже на хорошенькую. Панкушка-малолетка...

– Да не бойтесь вы нас! Мы не кусаемся!

Ему-то самому такая страхолюдина без надобности, у него есть, ну или скоро будет Мэрилин. Но вот тому же Туче подружка не помешает. Ну и что, что страшненькая?! Надо же парню с чего-то начинать! Вон он и смотрит на нее как-то по-особенному страстно: глаза выпучил, дышит через раз. Может, и получится у этих несмышленных что-нибудь.

Вот так, размышляя над судьбой товарища и вынашивая далекоидущие планы, Гальяно и шагнул на газон, отделяющий его от девчонки. Может, ее прелестной нимфой обозвать? Девушки любят красивые сравнения...

Включить свое обаяние на полную катушку Гальяно не успел – разгадав его маневры, девчонка дала стрелкача. Вот, кажется, только стояла под деревом, и бац – нет ее! Шустрая, как белка или как птичка. Ага, птичка, не самая красивая, но верткая. Не повезло Туче, сорвалось знакомство с прекрасной дамой. Но ничего, у них еще все лето впереди.

– Дикая какая-то. – Матвей недоуменно пожал плечами. – Может, умственно отсталая?

Гальяно уже хотел было согласиться, но бросил взгляд на мрачного Тучу и прикусил язык. Кто их поймет, этих влюбленных...

– Ты не переживай, друг! – Он похлопал Тучу по плечу. – Мы ее еще отловим и обязательно с ней познакомимся.

Туча посмотрел на него с отчаянием и злостью.

– Не хочу я с ней знакомиться, – сказал сквозь стиснутые зубы. – Отвали!

Вот как его, бедного, зацепило! Отрицание любви – классическая болезнь новичков.

– Ну, не хочешь, и не надо! – Гальяно предпочел согласиться, чем убить уйму времени на доказательство обратного. Лучше при случае расспросить Ваську, что это за птичка такая залетная.

К волейбольной площадке они вышли, когда игра уже была в разгаре. Суворов встретил появление ребят недобрым взглядом, но допытываться, где они пропадали, не стал, лишь досадливо махнул рукой. К игре они присоединились сами, по собственной инициативе. Только Туча отказался, присел на скамейку, о чем-то задумался. Да, подкосило его лесное происшествие! А вот интересно, что на самом деле он там видел? Что-то большое, поднимающееся из-под земли... Придумает же такое! Может, грибочками какими закусил, пока играл в следопыта?

В волейбол резались до полдника. Как раз к полднику вернулись с речки волки, ехидные и довольные. Гальяно смотрел на их наглые рожи, и в душе его зрел план.

Они валялись на койках в своей комнате, маялись от не по-июньски жаркого зноя. Туча, кажется, задремал. Во сне он вздрагивал и смешно гримасничал, наверное, заново переживал события минувшего дня.

– Эх, скукотища! – сказал Гальяно, ни к кому конкретно не обращаясь. – Скукотища и жарища, – добавил многозначительно.

– Чует мое сердце, есть у тебя какое-то предложение. – Матвей отложил книгу, которую пытался читать, сел в кровати.

Дэн приоткрыл один глаз, Туча заворочался и что-то пробормотал.

– Я вот думаю о несправедливости. – Гальяно решил зайти издалека. – Почему это одним можно на речку, а другим нельзя?

– И? – Дэн открыл второй глаз, приподнялся на локте.

– И в связи с этой чудовищной несправедливостью предлагаю всем дружно скинуться по двести пятьдесят рублей.

– Ключик будем покупать? – понимающе усмехнулся Матвей.

При слове «ключик» спящий Туча дернулся, рывком сел в кровати, испуганно заморгал.

– А вот и наша спящая красавица проснулась! – обрадовался Гальяно. – Туча, давай раскошеливайся. Пойдем у Васьки ключик покупать!

– Какой ключик? – ошалело переспросил Туча.

– От воли! Вот какой! Что нам тут маяться, когда за забором столько всего интересного?!

– На речку пойдем? – спросил Туча одновременно испуганно и радостно.

– Пойдем. – Гальяно кивнул. – Если вы не зажете денежки, а я найду Ваську.

Конечно, тысяча рублей за какой-то ржавый ключ – это сущая обдираловка, и у Гальяно сердце кровью обливалось из-за такой вынужденной расточительности, но ведь нужно же им как-то разнообразить свой быт!

Он вышел из флигеля, огляделся по сторонам. Васька мог шляться где угодно, но Гальяно решил попытать счастья в домике его родителей.

Интуиция не подвела. Юный коммерсант сидел на крыльце, перочинным ножиком очищал от коры ветку дерева.

– Рогатку делаю, – сказал он, глядя на Гальяно снизу вверх. – А ты по делу или как?

– По делу. – Гальяно присел с ним рядом, вытащил тысячу. – Я за ключом.

Васька с обезьяньим проворством выхватил деньги, спрятал в карман шортов, велел:

– Жди, я сейчас.

Его не было довольно долго. Гальяно уже успел пожалеть о своей доверчивости, когда дверь домика распахнулась.

– Вот! – Парнишка сунул ему в руку ключ. – Только вам четверым даю, эксклюзивно. – Ишь слова какие знает, коммерсант хренов! – Если узнаю, что сдаете в аренду, расскажу батю, он замок поменяет.

– Ну ты барыга! – сказал Гальяно с восхищением. – Деньги из воздуха делаешь.

– Жизнь такая. – Парнишка пожал плечами и тут же поинтересовался: – Вы, говорят, заблудились сегодня?

– Не заблудились, а так... прогулялись по вашему лесу.

– И далеко прогулялись?

– А вот почти до той развилки, что ты нам показывал. Юродивого вашего видели.

– Кого?! – Васька непонимающе выпучил глаза.

– Лешака. Слышал о таком?

– А кто ж о нем не слышал? Испугались небось?

– Чего нам пугаться? Тоже еще! – Отчего-то говорить правду Ваське не хотелось.

– А я бы испугался, – сказал парнишка очень серьезно. – Он реально страшный, и вот тут, – он постучал пальцем по виску, – у него не все в порядке.

– Из-за внучки, которая утонула?

– И из-за внучки тоже.

– А отчего еще?

– От гари. Он ближе всех к гари живет, а там такое место...

– Какое?

– Бесовское! Так мамка моя говорит. А он живет и не боится, а это значит, что и сам он того...

– Чего – того?

– Бесноватый. Я вот ничего в этой жизни не боюсь, а Чудовой гари боюсь. И Лешака боюсь, – сказал Васька доверительным шепотом. Лицо его при этом было очень серьезным.

Гальяно кивнул. Надо при случае обязательно глянуть, что там за гарь такая. Любопытно же.

– Ладно, пошел я. – Он спрыгнул с крыльца, собрался было уходить, но вспомнил, что не расспросил Ваську еще кое о чем. – Слушай, тезка, а что это за девчонка у вас живет?

– Ксанка, что ли? – Васька взъерошил волосы. – Так это типа родственница. Дальняя, – добавил он. – Мамкиной троюродной сестры дочка. Мамина сеструха с мужем на лето куда-то за границу свалили, а Ксанку нам оставили.

– А что ж с собой не взяли?

– А откуда ж я знаю? Не взяли и не взяли. Ты же видел, какие они и какая она. Пугало огородное. Может, постеснялись такое за границу везти. Сеструха мамкина сказала, что у Ксанки с головой не все в порядке. Типа, она чокнутая, но не буйная.

– Так зачем твои родители взяли эту чокнутую? – Гальяно расстроился. Да, пролетает Туча. Зачем же ему ненормальная?!

– Из жалости. Мамка у меня знаешь какая жалостливая! А еще из-за денег. За Ксанку предки большие деньги заплатили, она столько и не стоит. И начальнику на лапу тоже дали, чтобы разрешил ей на территории жить. Наверное, хорошо дали, если разрешил.

– Все-то ты про всех знаешь! – восхитился Гальяно.

– А я наблюдательный! Я когда вырасту, в полицию пойду. Или лучше в бизнес! Бизнесменам больше платят.

Гальяно мысленно подивился такому разбросу в приоритетах, но возражать не стал, спросил только на прощание:

– Слушай, а эта ваша Ксанка не немая случайно?

– Не знаю. – Парнишка пожал плечами. – Сеструха мамкина про это ничего не говорила. Может, и немая. С нами она не разговаривает.

Глухонемая идиотка... Гальяно вздохнул. Да, не повезло Туче.

Он огибал домик по периметру, когда заметил, как колыхнулась занавеска ближайшего к крыльцу окна. Похоже, их с Васькой разговор кто-то подслушивал...

Дэн

До затона добрались без происшествий. Заминка вышла только на развилке: Гальяно непременно хотелось посмотреть на Чудову гарь, а Туча зеленел и покрывался холодным потом от одного лишь упоминания гари. Дэну и самому было любопытно, что там за гарь такая, но, во-первых, время шло, а, во-вторых, Туче сегодня и без того хватило впечатлений.

– Давайте в другой раз, – предложил рассудительный Матвей. – Гарь от нас никуда не убежит, а вот вечернее построение, – он посмотрел на часы, – через два с половиной часа.

Туча облегченно закивал, и даже Гальяно, похоже, смирился.

К вечеру зной наконец спал, и от реки веяло приятной прохладой. Подстегиваемые близостью воды, они раздевались на ходу: торопливо стягивали футболки, сбрасывали шорты и шлепанцы. Первым в реку бултыхнулся Гальяно, следом – Матвей и Дэн. Туча возился дольше всех, аккуратно складывал одежду, зачем-то придавил шорты подобранным тут же, на берегу, камнем. Зачем при полном безветрии нужны такие манипуляции, Дэн не понимал, но решил не задавать вопросов. Аккуратность – это еще не самая большая странность.

Туча заходил в реку осторожно, мелкими шажками, вздрагивая от холода и оглядываясь по сторонам.

– Да скорее ты! – Гальяно хлопнул ладонями по воде. Веер брызг окатил Тучу с головой, и он с грозным ревом, уже не обращая внимания на холод, тараном вошел в реку.

Гальяно усмехнулся, нырнул, секунд через тридцать вынырнул позади кружащего на одном месте Тучи, с воинственным кличем навалился сзади. Через мгновение к этой куча-мала присоединились Матвей с Дэном. В воде Туча оказался куда проворнее, чем на суше, и силой своей распорядился неожиданно умело: одной рукой он поймал Гальяно, второй – Матвея, встряхнул, как котят. Была бы у Тучи третья рука, досталось бы и Дэну, а так, считай, повезло.

Время на реке шло быстро, не шло даже, а летело. Вода смывала дневные хлопоты, растворяла страхи. Они уже посинели от холода, но и не думали выходить на берег. И не вышли бы, наверное, в ближайшие полчаса, если бы Гальяно вдруг не заорал дурным голосом:

– Эй! Эй, ты что там делаешь?!

Девчонка сидела на корточках перед одеждой Тучи, и было очевидно, что всего за мгновение до этого она шарилась по его карманам. Услышав окрик, девочка вскочила на ноги, бросилась бежать.

– Держи ворюгу! – Гальяно выскочил на берег первым, метнулся в кусты вслед за девчонкой. Вскоре из кустов послышался его возмущенный рев и ругань.

Дэн выбрался из воды вторым, краем глаза успел заметить, как Туча бежит к своим вещам, торопливо осматривает карманы штанов. На его лице читался страх пополам с отчаянием. Матвей, едва не налетев на Тучу, ломанулся в кусты то ли помогать Гальяно, то ли спасти от его гнева девчонку. Возня в кустах продолжалась несколько минут, а потом на берег кубарем выкатился злой и растерянный Матвей. На его левом плече алели глубокие царапины.

– Чокнутая! – сообщил он Дэну, прижимая руку к плечу. – Дерется, как кошка. Наверное...

Договорить он не успел, кусты затрещали, а ругань усилилась. Гальяно выбирался из кустов спиной, спина его, кстати, тоже была расцарапана то ли ветками, то ли девчонкиными ногтями. Саму девчонку он тащил за собой на буксире, едва успевая уворачиваться от пинков и затрещин.

– Дура ненормальная! – орал он во все горло.

В отличие от Гальяно, девчонка сражалась молча, но с неожиданной для ее тщедушного тела силой и отчаянием. Она брыкалась, царапалась и кусалась, но не проронила при этом ни одного слова. Дэн, вышедший, наконец из ступора, бросился разнимать дерущихся и тут же

получил удар в живот обутой в старую кроссовку ногой. Кажется, девчонка собиралась драться со всеми сразу, и остановить это безобразие можно было только одним способом – отпустить ее. Потому что по-другому никак. Эта не сдастся, эта пойдет до конца, даже если ей придется умереть в бою. Вот такая она... отчаянная.

– Гальяно, пусти ее! – заорал Дэн.

– Сбежит! – задыхаясь, проорал в ответ Гальяно. – Да успокойся ты, ненормальная! Не собираемся мы тебя бить, только заберем...

Они были у самой реки; кто из них поскользнулся на мокром песке, Дэн не заметил, успел увидеть только, как Гальяно, взмахнув руками, рухнул в воду. Девчонка полетела за ним, Дэн бросился следом, просто затем, чтобы удержать разбушевавшегося Гальяно и дать этой несчастной возможность убежать.

Она не убежала. Она вышла на берег и тут, на берегу, упала коленями в песок. Мокрые волосы оплетали ее хрупкие плечи, точно водоросли, а лицо побелело. Дэн мог бы подумать, что от страха, но знал – от ярости. Взгляд ее ярко-синих глаз задел его лишь по касательной, но даже этого хватило, чтобы дыхание сбилось так, словно ему только что дали под дых. А потом она крепко зажмурилась, замотала головой. От мокрых волос во все стороны полетели брызги. Гальяно перестал наконец вырываться, и Дэн ослабил хватку.

Она стояла так, зажмурившись, наверное, целую вечность. Дэн видел, как медленно высыпается песок из ее сжатых кулаков, как с волос стекает за пазуху струйка воды, как бешено бьется на тонкой шее голубая жилка, как подрагивают длинные ресницы и уголки плотно сжатых губ. Видел, и с каждым мгновением на душе становилось все гаже и гаже. Наверное, не ему одному. Гальяно с видом испуганным и вместе с тем растерянным подошел к девчонке, хотел было коснуться ее плеча, но передумал, отдернул руку.

– Ксанка, – сказал шепотом. – Эй, Ксанка, ты чего? Мы же не хотели... Честное слово! Мы ж думали, ты украла...

Она открыла глаза, разжала кулаки, посмотрела на свои перепачканные песком ладони, по щеке ее скатилась слеза. Не было больше ни злости, ни сметающей все на своем пути ярости. От всего того, что делало ее непобедимой, не осталось и следа. Осталась девочка, жалкая и хрупкая, едва ли достающая макушкой до плеча любому из них. И в глазах ее пополам со слезами плескалось отчаяние. Длилось это всего секунду, а потом Ксанка – оказывается, ее зовут Ксанка – вытерла слезы, поднялась на ноги. На виднеющиеся в прорехах джинсов колени налипли песчинки, а мокрая майка облегала тело, еще сильнее подчеркивала ее худобу, но она не обращала на это внимания, как не обращала внимания и на обступивших ее парней. Ксанка – теперь, когда Дэн знал ее имя, думать о ней как о незнакомой девчонке не получалось – смотрела только себе под ноги, сосредоточенно смотрела, точно пыталась что-то найти.

Она металась по берегу, всматривалась в речную воду, шарила ладошками в траве, верно, и в самом деле что-то искала. Вот только что?.. Матвей и Гальяно ходили за ней как привязанные, тоже всматривались, тоже искали не пойми что. И только Туча, уже полностью одетый, с безучастным видом стоял у самой кромки воды.

– Что ты ищешь хоть? А, Ксанка?

Гальяно надоели эти бессмысленные поиски, он поймал девчонку за запястье, но она со злостью выдернула руку, решительно заправила за ухо мокрую прядь волос, направилась к Туче.

Они стояли друг против друга: маленькая, как птичка, Ксанка и огромный Туча. Она всматривалась в его лицо, для этого ей пришлось запрокинуть голову. Всматривалась долго, словно пыталась прочесть его мысли, и под ее взглядом Туча вроде бы становился меньше ростом.

А потом она ушла. Вот так же, не говоря ни слова, побрела прочь от реки. Маленькая, насквозь мокрая девочка, потерявшая что-то непонятное, но невероятно важное. Она ушла, а

они еще долго смотрели ей вслед, не решаясь ни окликнуть, ни остановить. Что-то было в ней такое... Что-то сильное, несопоставимое с ее почти детской хрупкостью.

В лагерь возвращались в полном молчании. Даже Гальяно держал язык за зубами, лишь изредка бросал задумчивые взгляды на поникшего Тучу. Они успели как раз к вечернему построению, их долгое отсутствие так и осталось незамеченным.

Ночью Дэн проснулся от странных звуков. Выпутываясь из сетей сна, он не сразу понял, что это такое, а когда понял, почти не удивился. Туча плакал, накрывшись с головой одеялом, но одеяло не могло заглушить его отчаянных рыданий. Какое-то время Дэн размышлял, стоит ли ему вмешиваться в чужие проблемы, а потом все-таки решился.

– Туча, – позвал он громким шепотом.

Туча затих, затаился под одеялом. Дэн сел на кровати, спустил на пол босые ноги.

– Ты чего плачешь?

– Тебе послышалось, – донеслось из-под одеяла.

– Возможно. – Он посмотрел в окно. Снаружи была настоящая деревенская ночь, непроглядная, подсвеченная лишь одинокой луной. – А еще, возможно, я знаю, почему тебе так хреново. Это из-за Ксанки, той девочки? Правда?

Туча не отвечал очень долго, прятался от Дэна и от всего мира под одеялом. Дэн ждал. Спать расхотелось.

– Мы можем поговорить? – Туча наконец выбрался из-под одеяла, сел в кровати. Железные пружины тихо скрипнули.

– Мы уже разговариваем. – Дэн пожал плечами.

– Не здесь. – Туча посмотрел на спящих Матвея и Гальяно. – Может быть, на улице?

– Дверь закрыта. Я сам видел, как Суворов запирает ее на ключ.

– А если через окно? – робко предложил Туча.

– Можно и через окно, если хочешь.

– Хочу!

Они сидели на скамейке неподалеку от флигеля и молча смотрели на небо. Дэн не спешил задавать вопросы, а Туча не спешил изливать душу.

– Я вор, – сказал наконец Туча. Сказал, как в прорубь нырнул, даже поежился. – Я тряпка и вор. Я нашел его на газоне... Ну тогда, когда Измайлов в первый раз... – Он снова замолчал. – Ключ на цепочке. Очень красивый, очень... особенный. Есть особенные вещи. Понимаешь? – Он бросил на Дэна быстрый взгляд.

– Наверное. – Дэн кивнул.

– Я чувствую, когда вещь особенная. Мне иногда ее даже в руки брать не нужно, чтобы это понять. А если возьму в руки, тогда все...

– Ключ ты в руки взял.

– Да. Я с первой секунды знал, что это ее ключ, что это она потеряла. Я даже уговаривал себя, что скоро верну его ей. Но ключ особенный, а с особенными вещами бывает очень тяжело расстаться.

– Она видела, как ты нашел ее ключ?

– Нет, не думаю. Но она сразу поняла. Мне кажется, она тоже особенная.

С этим Дэн был готов согласиться. Ксанка – как же ее по-настоящему зовут? – не была ни умственно отсталой, ни ненормальной. Она просто являлась не такой, как все, – была особенной. И особенность эта слишком бросалась в глаза.

– Она не за нами следила, она за тобой следила, Туча. – В его голосе не было упрека, только лишь констатация факта. – Она ждала, что ты сам вернешь ей ключ.

– Я не смог, – сказал Туча шепотом.

– И она это поняла. В твоих вещах там, на речке, она искала свой ключ. Так?

Туча кивнул.

– И нашла?

– У меня его больше нет.

– У нее тоже. – Дэн хорошо запомнил ее взгляд: смесь ненависти, отчаяния и безысходности. – Она его уронила где-то на берегу. Может, в траву, может, в песок, а может, и вовсе в воду. Она потеряла свою особенную вещь, Туча. Из-за нас потеряла.

– Из-за меня. – Туча встал со скамейки. – Она так на меня смотрела, Дэн. Я думал, у меня сердце остановится. У нее очень необычные глаза, они меняют цвет. – Он снова замолчал, а потом спросил с неприкрытым отчаянием: – Что мне делать, Дэн? Мне так стыдно! Наверное, никогда в жизни мне не было так стыдно.

– Я не знаю. – Дэн покачал головой. – Пока не знаю, но мы что-нибудь придумаем.

– Поищем этот ключ? – В голосе Тучи слышалась зарождающаяся надежда.

– Поищем.

– Я найду! – сказал Туча решительно. – Я умею находить особенные вещи, – добавил едва слышно. – Я найду и верну ей ее ключ.

– Да, но прежде мы должны перед ней извиниться. Мы обидели ее вчера, Туча. Она девушка, а мы с ней...

– Я понимаю... я извинюсь. Обязательно! И спасибо тебе.

– Мне за что?

– За то, что выслушал. Меня раньше никто не слушал. Я говорил, а меня не слушали.

Дэн усмехнулся. Его личная история была зеркальным отражением истории Тучи. Его готовы были выслушать, а он не находил правильных слов.

Они уже собирались уходить, когда далеко над лесом в ночное небо взметнулся сноп зеленого света.

– Блуждающий огонь, – сказал Дэн задумчиво.

– Снова горелым запахло, – вздохнул Туча.

– Ты запомнил то место?

– Нет. Но я, наверное, найду его. По запаху...

– Давай позже.

С этого момента у них появились приоритеты. Сначала нужно было найти особенную вещь особенной девочки Ксанки.

Матвей

Утро выдалось туманным. Туман полз от реки, продирался через лес, серой ватой укутывал флигель. Просыпаться в такое утро – сущее наказание. Особенно когда громкий рев Суворова «Архаровцы, подъем!» разрывает барабанные перепонки, заставляет с головой укрыться одеялом.

Не помогло. Суворов не церемонился, с деловитым злорадством сдергивал с них одеяла, продолжал орать во всю свою луженую глотку:

– Киреев, Плахов, Гальянов, Тучников! Подъем! Вас ждут великие дела!

Последняя фраза про великие дела прозвучала с какой-то особенной издевкой. Какие могут быть великие дела в сыром погребе?!

Продолжая орать, Суворов настезь распахнул окно, впуская в комнату пахнувший рекой туман. Матвей сел, зябко поежился, потянулся за одеждой.

– А великие дела когда начнутся? – зевая во весь рот, поинтересовался Гальяно.

– Сразу после завтрака. Но вы не расслабляйтесь, перед завтраком нам еще предстоит двухкилометровая пробежка.

– Мама дорогая! – простонал Гальяно. – Мама, забери меня обратно.

– Пробежка только сегодня? – осторожно уточнил Туча.

– Пробежка каждый день, вне зависимости от капризов погоды. И не нойте! Спорт еще никому не повредил! Все, умываемся, оправляемся и через десять минут встречаемся у ворот!

Когда они, сонные, кое-как умытые, злые на весь мир, выстроились в две шеренги перед запертыми воротами, было десять минут восьмого. Такая рань! Там же, у ворот, выяснилось, что совершать ежедневную утреннюю пробежку предстоит лишь отряду вепрей, а волки могут спокойно дрыхнуть до восьми часов. По всему выходило, что опечаленный вчерашним поражением Суворов решил взять судьбу в свои мускулистые руки, сделать из них, слабаков и хлюпиков, настоящих мужиков. Вот такой их ждал кошмар...

По знаку Суворова охранник распахнул ворота, смерил процессию насмешливым взглядом.

– Далеко? – спросил с ленивым любопытством.

– Да нет, тут, поблизости. Пробежимся по лесочку, поприседаем, поотжимаемся – и обратно.

– Поприседаем, поотжимаемся, – процедил сквозь стиснутые зубы Гальяно. – Садюга!

– Гальянов, тебя что-то не устраивает? – усмехнулся Суворов. По глазам было видно – про садюгу он услышал.

– Меня все не устраивает! – огрызнулся Гальяно. – Я на всякие пробежки не подписывался.

– Ты, может, и не подписывался, а вот твоя мать подписалась. Ее автограф имеется в соответствующей графе договора. Все, архаровцы, за мной! – Суворов сорвался с места, бодро потрусил по дорожке.

Вот, казалось бы, что такое два километра?! Но когда бежать эти два километра приходится ранним утром, когда кругом туман и сырость, а непроснувшийся организм мечтает только о теплой постели, все отдаленные плюсы меркнут перед очевидными минусами.

Дыхание сбилось уже на десятой минуте, и ноги то и дело цеплялись за торчащие из земли корни. Слева стонал и причитал Гальяно. Справа мрачно сопел Туча. Туче с его весом было, наверное, тяжелее всех, но он молчал, не жаловался. И только Дэн, похоже, чувствовал себя прекрасно, стрелой летел за Суворовым, а была бы возможность, и обогнал бы!

До небольшой полянки они добежали уже почти обессиленные. Туча со вздохом облегчения рухнул в траву. Гальяно стоял, упершись ладонями в бедра, дышал часто и со свистом.

Остальные ребята выглядели не лучше. Кроме Дэна, разумеется. Суворов окинул их полудухлую, задышающуюся компанию критическим взглядом.

– Эх, дети каменных джунглей! Сплошные задохлики. Тучников, не лежи на сырой земле, еще застудишь себе что-нибудь!

Туча со страдальческим выражением лица поднялся на ноги, но тут же привалился спиной к стволу ближайшего дерева.

– Киреев, а ты молоток! – Суворов похлопал его по плечу. – Занимался чем-то?

– Карате, – сказал Дэн так тихо, что стоявший рядом Матвей едва расслышал.

Надо же – карате! Другой бы уже хвастал направо и налево, а этот молчит, как будто стесняется.

– Черный пояс уже есть? – Суворов смотрел на Дэна с внимательным любопытством.

– Нет. – Он мотнул головой и отвернулся, давая понять, что разговор закончен.

Суворов все понял правильно, лишних вопросов задавать не стал, вместо этого дунул в свисток, призывая обессиленных подопечных к вниманию.

– А теперь, архаровцы, быстренько отжимаемся и бежим обратно в лагерь.

– Так это уже четыре километра получается! – взвыл Гальяно. – А говорили ж, только два.

– Все правильно. – Суворов и бровью не повел. – Два туда, два обратно. Или ты, Гальянов, рассчитывал, что обратно тебя на руках понесут? Все, отставить разговоры! Упал – отжался!

В лагерь возвращались на дрожащих от усталости ногах, потные и злые.

– Просто инвалидная команда какая-то! – усмехнулся охранник, пропуская их на территорию.

– Ничего-ничего, – пообещал Суворов, – я из этих инвалидов скоро людей сделаю! Дай только срок. А теперь, архаровцы, в душ и завтракать!

Наверное, четырехкилометровая пробежка по свежему воздуху сделала свое дело: никогда раньше Матвей не ел с таким аппетитом. Никогда раньше обычная овсянка не казалась ему такой вкусной.

– Вот садюга! – Гальяно брякнул ложкой об тарелку, покосился на столик для сотрудников. – Он же нас извести решил! Все болит, устал, как собака!

– Скоро отдохнешь, – пообещал ему Дэн. – За четыре часа в карцере можно и отоспаться, и все бока себе отлежать.

– На чем отлежать?

– Сам увидишь, недолго осталось ждать.

Суворов с Шаповаловым подошли к их столику сразу после завтрака.

– Готовы, архаровцы? – спросил командир мрачно.

– Всегда готовы! – отсалютовал Гальяно. – Готовы понести наказание.

– Понесете, можете не сомневаться. – Начальник улыбался своей змеиной усмешкой. – Я прослежу, – добавил многозначительно. – Уводите, Максим Дмитриевич!

– Четыре часа? – Суворов глянул на наручные часы.

– Да, думаю, этого будет достаточно.

Они выходили из главного корпуса, когда увидели Ксанку. Она шла, почти бежала к воротам, на плече ее болтался рюкзак. Если Ксанка их и заметила, то предпочла проигнорировать, даже голову не повернула в их сторону. Она остановилась лишь у ворот, да и то на пару секунд, пока охранник не распахнул перед ней маленькую калитку. Вот оно, оказывается, что! Ксанке, как и Василию, разрешено покидать территорию в любое время. Повезло! За девчонкой наблюдал не только Матвей, Дэн и Туча проводили ее долгими взглядами, а потом переглянулись.

– Везет же некоторым, – буркнул Гальяно. – Кому карцер, а кому воля вольная.

– Хочешь пожаловаться начальнику лагеря? – усмехнулся Суворов.

– Боже упаси! – Гальяно перекрестился. – Уж лучше неволя!

– То-то же!

На заднем дворе было безлюдно. Как успел заметить Матвей, погреб располагался в весьма уединенном месте, за кирпичным сараем, вдали от посторонних глаз. Еще бы, такое позорище – карцер в элитном лагере! Интересно, как он называется в договоре? Наверняка не карцер.

Суворов возился с дверью долго. У Матвея была возможность рассмотреть ее во всех деталях. Для такого малозначительного объекта, как погреб, дверь была на удивление массивной и добротной: тяжелой, дубовой, окованной медными лентами, с наглухо законопаченными и для надежности просмоленными щелями. Такая дверь запросто могла охранять вход в какой-нибудь бункер.

Наконец Суворов справился с замком, отступил на шаг.

– Милости прошу! Как говорится: в тесноте, да не в обиде!

Первым шагнул на убегающие вниз ступени Дэн, следом Гальяно и Туча. Матвей замыкал процессию. Снизу дохнуло сыростью, запахло землей.

– Через четыре часа выпущу! – За спиной громко хлопнула дверь, отсекая яркий дневной свет.

Матвей зажмурился, привыкая к смене освещения, осторожно, придерживаясь за земляную стену, спустился в погреб.

– Да, точно не номер люкс. – Гальяно присел на импровизированный лежак из мешков с картошкой. – Темнотища, духотища!

С тем, что здесь темно и душно, Матвей готов был согласиться. На самом деле погреб больше походил на колодец в два человеческих роста глубиной и с примерно трехметровым диаметром. Вчетвером они могли разместиться в нем едва-едва.

– Да, света явно маловато, – сказал Матвей, рассматривая вентиляционное окошко под самым потолком.

– Мне и воздуха маловато, – вздохнул Туча, осторожно присаживаясь рядом с Гальяно.

– Ты хоть тут не вздумай курить! – Матвей посмотрел на подозрительно топорщащийся карман Гальяно. – Вентиляция здесь и в самом деле хреновая.

– А я и не собирался! – Гальяно приподнялся на локте, обвел погреб хозяйским взглядом. – У меня и сигарет нет, так и не забрал у Ильича.

– А в кармане что?

– А в кармане то, что спасет нас от скуки! – С видом фокусника он извлек на свет божий колоду карт. – Господа, во что предпочитаете сразиться?

Выбор пал на «очко», минут двадцать ушло на то, чтобы объяснить Туче правила игры, а потом Гальяно раздал карты. Играли долго, увлеченно, позабыв и про погреб, и про наказание. Матвей лишь изредка поглядывал на часы, отмечая оставшееся время.

Игра была в самом разгаре, проигрывающий Гальяно кипятился, пытался мухлевать, но был пойман Дэном с поличным. Они как раз вяло переругивались, когда льющийся из окошка скудный свет на мгновение померк, а потом в самый центр лежака, разметав во все стороны карты, упало что-то черное. Прошло несколько секунд, прежде чем они поняли, что это такое.

Мертвая ворона таранилась на них мутными глазами, раскинув в стороны переломанные крылья, а сверху доносилось громкое ржание.

– Эй, свиньи! Как вам подарок? – По голосу, визгливому и тонкому, как у девчонки, они сразу поняли, кто там сверху.

– Ах ты, морда дистрофичная! – Гальяно брезгливо, двумя пальцами, взял ворону за крыло, принялся взбираться вверх по ящикам. – Я тебе сейчас покажу подарок!

Он был уже на самой вершине пирамиды из ящиков и примерялся, как бы половчее вышвырнуть ворону вон, когда в вентиляционное окошко просунулась мускулистая лапа, слепо пошарила в пространстве и, обнаружив лицо Гальяно, сделала резкий выпад. Если бы у Гальяно имелась надежная опора, он бы, наверное, удержался, но опоры не было, и он, взмахнув руками,

рухнул вниз, прямо на лежак из картофельных мешков. Приземление нельзя было назвать мягким, Гальяно взвыл от боли, а Матвей с Дэнм едва увернулись от летящих в них ящиков. Они увернулись, а вот Туче не повезло, острый край ящика до крови распорол его руку от плеча до локтя. Хорошо еще, что только руку, потому что ящик летел Туче прямо в лицо. От куда более серьезных увечий его спасла неожиданно быстрая реакция и недюжинная сила. Будь на его месте любой другой, дело бы непременно закончилось переломом. И уже самой последней, перекатываясь с ящика на ящик, вниз упала многострадальная ворона.

– Что, свиньи, получили?! – В окошке появилась рожа одного из близнецов, наверняка того самого, который столкнул Гальяно. – Будете знать, как...

Он бы, наверное, говорил еще долго, если бы вдруг не взвыл от боли.

– Глаз-алмаз! – сказал Гальяно, мстительно усмехаясь.

– Это ты его? – спросил Дэн.

– А чем? – удивился Матвей.

– Вот этим. – Гальяно поддел ногой рассыпавшийся по полу картофель. – Хотел вороной, но решил, что у картошки убойная сила больше.

– Молодец! – Дэн похлопал его по плечу, и Гальяно тут же громко ойкнул.

– Больно?

– До свадьбы заживет, но законный повод навеститься в медпункт у меня есть. – Он морщился и улыбался одновременно.

– Кто про что, а вшивый про баню! – Матвей по мешкам с картошкой перебрался к Туче.

Туча сидел, прижавшись спиной к стене, баюкал пораненную руку.

– Покажи-ка!

Рана была довольно глубокой, кровоточила, заливая красным фирменную футболку Тучи. Матвей посмотрел на часы: до конца наказания оставалось еще сорок минут. Так, глядишь, Туча, чего доброго, кровью истечет. И ведь не поделаешь ничего!

– Ну, что там? – К ним перебрался Дэн, внимательно осмотрел сначала Тучину руку, потом футболку, сказал задумчиво: – Майке уже, наверное, все равно хана, а руку надо перевязать. Рвем?

Туча молча кивнул.

Дэн перевязал рану быстро и ловко, может, не хуже медсестры Леночки.

– Свалили уроды! – Гальяно, запрокинув голову, всматривался в виднеющийся в окошке клочок неба. – Вы как хотите, пацаны, а я это безобразие терпеть не намерен.

– И что ты предлагаешь? – поинтересовался Матвей.

– Стенка на стенку мы с этими волчарами вряд ли справимся, – после недолгих раздумий заключил Гальяно. – Предлагаю отлавливать по одному.

– А если они нас... по одному? – Туча рассматривал свою забинтованную руку, на лице его читалась обреченность и покорность судьбе.

– А мы не будем ходить по одному! Мы же банда! С этими упырями нужно их же методами.

– С волками жить – по-волчьи выть, – усмехнулся Матвей. – Ладно, разберемся, нам бы пока выбраться на свет божий.

Дверь на волю отворилась, когда прошло ровно четыре часа, Суворов был пунктуален.

– Все, архаровцы, выходим!

Снаружи солнце светило уже вовсю. Матвей даже зажмурился, а когда открыл глаза, встретился с изумленным взглядом командира.

– А что это с тобой, Тучников? Что с рукой?

– А это на него ящик упал, – сообщил Гальяно, прижимая ладонь к боку и страдальчески морщась.

– А с тобой что?

– А я с ящика упал. – Гальяно задрал футболку, полюбовался наливающимся фиолетовым кровоподтеком.

– Какой ящик? – Суворов отодвинул Гальяно от двери, спустился в погреб.

Матвей одарил друга мрачным взглядом. Ну зачем было трепаться про ящики?!

– Черт бы вас побрал! – донесся до них приглушенный голос Суворова. – Что вы тут творили, архаровцы?!

Когда он выбрался из погреба, выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Тучников и Гальянов, в медпункт! А вы, – он ткнул пальцем в грудь Матвею, – займитесь общественно полезным трудом! Прямо сейчас!

Следующие полчаса Матвей с Дэном пахали, как проклятые, перетаскивая ящики из погреба в сарай, поминая недобрым словом болтливого Гальяно. Суворов наблюдал за ними, развалившись на завалинке, рассеянно поигрывая свистком. День удался...

Дэн

Когда они, мокрые от пота и уставшие, как черти, добрались наконец до своей комнаты, Гальяно с Тучей были уже там. Туча приветствовал их мрачным кивком. Рука его была аккуратно перебинтована, а из-под кровати выглядывала порванная, уже ни на что не годная футболка.

– Что так долго? – Лицо Гальяно светилось от счастья. Наверное, поход в медпункт увенчался успехом и закончился тотальным медицинским осмотром.

– Да так. – Дэн сдернул с себя насквозь промокшую майку, рухнул на кровать. – Развлекались с Матвеем перетаскиванием ящиков из погреба в сарай.

– Чтобы с них, не дай бог, не свалился еще какой-нибудь болтливый идиот, – буркнул Матвей, падая на соседнюю кровать. – Ну что, Гальянушка, жизнь удалась? – поинтересовался он сварливо.

– А то ж! – На «идиота» Гальяно не обиделся, а на страдания друзей и вовсе не обратил внимания. Вместо этого он задрал футболку, демонстрируя перемазанный йодом бок. – Какие у нее ручки! Вся боль прошла, как только она до меня дотронулась! Конечно, Туче повезло больше: ему на перевязки каждый день ходить, – добавил он с завистью.

– Да уж, повезло! – Туча махнул рукой. – Болит, зараза!

– Так, а что там с ящиками? – Гальяно умел с поразительной легкостью менять тему разговора.

– А ничего там с ящиками, – усмехнулся Дэн. – Нет больше в наших апартаментах мебели.

– А часы? – вдруг спросил Туча. – Те старые, поломанные. – Он говорил с такой запальчивостью, что Дэн сразу понял: часы для Тучи тоже особенная вещь.

– На месте твои часы, – успокоил его Матвей. – Не хватало нам еще эту двухметровую бандуру двигать. Это ж не часы, а настоящий шкаф!

– Хорошо. – Туча, казалось, вздохнул с облегчением и бросил на Дэна быстрый взгляд. – Они клевые.

– Клевые. – Дэн согласно кивнул.

Во время обеда обошлось практически без эксцессов, если не считать короткой перепалки с волками да излишнего внимания начальника лагеря к руке Тучи.

– Тучников, что с твоей рукой? – Шаповалов хмурился, круглые очки сползли на кончик носа.

– Ничего особенного, просто поцарапался немного. Об кусты. – В отличие от Гальяно, Туча оказался осмотрительнее.

– Лазят где попало, архаровцы! – Суворов соврал – даже глазом не моргнув. – Что с них взять, с пацанов?

– А я садовнику сколько раз говорил, что кусты нужно вовремя обрезать! – Шаповалов мрачнел на глазах.

– Так я об обрезанные и поцарапался. – Не привыкший врать Туча густо покраснел. – Думал, пролезу, а не пролез, – добавил он почти шепотом.

– Тучников! – Шаповалов воздел очи к лепному потолку. – Зачем же тебе лазить по кустам?! Тебе разве заняться больше нечем?

– Есть. Мне есть чем заняться. – Туча энергично закивал. – Это я так... нечаянно.

– За нечаянно бьют отчаянно. – Шаповалов улыбался им отеческой улыбкой, но взгляд его оставался по-змеиному немигающим и беспристрастным. – И знаете что? Коль уж вы сами не в состоянии распорядиться с умом своим временем и энергией, придется вам в этом помочь.

Они, все четверо, переглянулись в ожидании какой-нибудь очередной пакости.

– Максим Дмитриевич, а давно ли в библиотеке делалась генеральная уборка? – Шаповалов перевел взгляд на Суворова.

– С прошлого года не делалась, кажется.

– Ай-ай-ай! Какое досадное упущение! Ну ничего. – Тонких губ директора коснулась недобрая улыбка. – Силами этих юношей мы непременно все исправим. Вы ведь согласны, молодые люди?

Гальяно порывался что-то возразить, но Дэн пнул его под столом ногой. Раз уж решили все делать вместе, так и в библиотеку пойдут вместе.

– Конечно, мы согласны! – На лету все схватывающий Матвей широко улыбнулся. – Будем рады помочь.

– Похвально! – Шаповалов глянул на часы, сказал задумчиво: – Сроку вам от обеда до полдника, этого должно хватить.

– Да что ж это за непруха такая! – Гальяно рухнул в обитое вытертым плюшем кресло, и в воздух тут же взметнулось облачко пыли.

Дэн принялся. Ему нравилось, как пахнет в библиотеке. Старая бумага, клей, пыль – история, превратившаяся в запах. И страданий Гальяно он не разделял. Отбывать повинность в библиотеке было куда интереснее, чем в карцере. Особенно в такой библиотеке! Здесь вперемишку с относительно новыми книгами стояли тома, обтянутые кожей, с золотым тиснением и вензелями. Дэн взял в руку одну такую книгу, осторожно перелистнул хрупкие страницы, улыбнулся, увидев экслибрис.

Крупный вебрь, внушающий страх и уважение своим грозным видом, рвался вперед, словно пытался вырваться за границы экслибриса, а над ним лаконично, без всяких завитушек и вензелей было выведено: «Книга из личной библиотеки графа Андрея Шаповалова». Из увиденного можно было сделать сразу два вывода. Во-первых, вебрь – для этого старого поместья зверь не случайный, что сошел он прямоком с фамильного герба графа Шаповалова, который, по всему виду, был некогда хозяином здешних земель. А во-вторых, что начальник лагеря, похоже, имеет богатую родословную. Если, конечно, он не однофамилец прежних хозяев поместья.

Дэн провел пальцами по экслибрису, подумал рассеянно, какую ценность, историческую и материальную, могут представлять все эти старинные фолианты. Разве ж можно хранить их вот так небрежно, отдавать в неловкие руки первого встречного?!

Однако, справедливости ради, далеко не все книги хранились так беспечно, на открытых пыльных стеллажах. В библиотеке, помимо всего прочего, имелся современный шкаф-витрина с до блеска начищенной стеклянной дверью и встроенной подсветкой. Просто, увлекшись открывшимся богатством, Дэн не сразу его заметил.

Дверца шкафа была заперта на ключ, а книги стояли аккуратными стройными рядами. В самом центре, обложкой к зрителю, располагался явно современный, нагло поблескивающий глянцем и позолотой альбом. Чувствовалось, что денег на его создание не пожалели. Дэн прижался лбом к стеклу, чтобы лучше разглядеть название, а разглядев, удивленно присвистнул. «История благородного рода Шаповаловых» – вот такое было название у этой, похожей на альбом, книги. На обложке красовался старинный, возможно, еще дореволюционный снимок поместья, а автором значился не кто иной, как Антон Венедиктович Шаповалов. И название, и авторство, и то, с какой бережностью хранилась эта книга, подтверждали догадку номер два. Вполне вероятно, что начальник лагеря и в самом деле отпрыск старинного рода, аристократ и самый настоящий граф, которому не терпится поведать миру о своем благородном происхождении. Но в таком случае отчего он отдает предпочтение не фамильному гербу с вепрем, а волчьей атрибутике? Додумать эту мысль до конца Дэну не дали.

– А ну, отойди отсюда! – слышался за его спиной женский голос. – И не лапай шкаф! А то одни лапают, а другим оттирать!

Разглядывая книги, он не заметил, как в библиотеку вошла Лидия, Васькина мама. Вид у нее был недовольный и усталый одновременно, в руке – наполненное мыльной водой ведро. Она была похожа на сына и бледной веснушчатой кожей, и рыжими волосами, но взгляд ее голубых глаз казался тусклым, равнодушным ко всему вокруг.

– Мадам, позвольте вам помочь! – Гальяно выбрался из кресла, выхватил у изумленной женщины ведро. – Мадам, вы пришли вызволить нас из этой пыльной темницы? Желаете прибраться здесь вместо нас?

– Скажешь тоже – вместо вас! – Лидия улыбнулась, и лицо ее помолодело сразу лет на десять. – Антон Венедиктович мне велел убираться в его шкаф, а все остальное, – она обвела взглядом библиотеку, – ваше.

– Ах, какая досада! – Гальяно картинно вздохнул, прижал свободную руку к груди. – Мадам, вы разбили мне сердце!

– Балабол! – Лидия легонько перетянула его полотенцем. – Это ты, что ли, к моему Ваське вчера заходил?

– Я.

– Смотри мне, – она погрозила ему пальцем, – не учи мальчишку дурному. Васька у меня хороший, только бестолковый немного.

– Мадам, да разве ж я могу?! – Гальяно поставил ведро перед книжным шкафом, отвесил Лидии поклон.

– Как есть балабол, – хмыкнула она, а потом сказала: – Какая же я вам мадам? Зовите меня по-простому – тетей Лидой.

– Тетя Лида. – Дэн оттер Гальяно в сторону, кивнул на шкаф. – А что это за книги?

– Эти-то? – Она близоруко сощурилась, пошарила в кармане передника, достала связку ключей. Дверца распахнулась, и стеллаж залил яркий электрический свет. – Вот эту, – она взяла в руки хищно поблескивающий позолотой альбом, – написал сам хозяин.

– Хозяин? – удивился Дэн.

– Антон Венедиктович. Он же тут всему хозяин! – Тетя Лида осторожно погладила глянцевою обложку. – Он же самый настоящий граф, последний из рода Шаповаловых.

– И здесь все принадлежит ему? – к разговору подключился Матвей. Туча не вмешивался, с отсутствующим видом стоял перед самым дальним стеллажом.

– Пока еще нет. – Тетя Лида понизила голос до шепота. – Пока он только арендатор, или как его там... Но он собирает документы, в архивах иногда целыми днями просиживает. Вот книгу даже написал.

– А можно взглянуть? – попросил Дэн.

– Только осторожно, видите, как он ее бережет.

Дэн взял книгу, перевернул титульный лист, удивленно приподнял брови. Здесь тоже имелся экслибрис, только вместо вепря с него скалился волк, а надпись, идущая сверху, гласила: «Из личной библиотеки графа Антона Венедиктовича Шаповалова».

– Вот и волк нашелся, – пробормотал он себе под нос.

– И этот тоже он написал? – Гальяно, не дожидаясь разрешения, цапнул с полки один из талмудов.

– Осторожно! – всплеснула руками тетя Лида, но Гальяно уже было не остановить; он, высунув от усердия язык, принялся листать книгу.

– Не, эта старая, – заключил парень наконец и ткнул пальцем в первую страницу. – Здесь, кстати, тоже картинка.

Дэн заглянул через его плечо и увидел еще один, третий за этот день экслибрис. С этого тоже скалился волк, но владельцем был указан уже граф Игнат Шаповалов.

– Давай-ка сюда! Нечего! – Тетя Лида отобрала у него книгу, полотенцем смахнула с нее пыль. – Пусти козла в огород, – сказала она ворчливо. – Это прадеда хозяйского книги, старого графа.

– А те чьи ж тогда? – спросил Дэн, указывая на открытые стеллажи.

– А почему мне знать? Тоже, видать, семейные, только мне вот за этими велено приглядывать. А вы не стойте! Берите тряпки и шуруйте пыль с полок стирать! Книги только сначала поснимайте, а потом уж... – Она склонилась над ведром, одну за другой принялась вылавливать одинаковые, сделанные из махрового полотенца тряпки. Не хватило только Туче.

– Тебе, наверное, повязку мочить нельзя. – Матвей кивнул на его перебинтованную руку.

В ответ Туча флегматично пожал плечами.

– Мочить повязку, может, и нельзя, а вот снимать книги с полок можно, – заявил Гальяно. – Давай, Туча, полезай на табурет! Начнем по науке – с верхних полок.

Идея оказалась не самой удачной. Они поняли это почти сразу, как только Туча взгромоздился на табурет. Табурет не выдержал его веса, и Туча с громким воплем рухнул на пол. Со стеллажа, за который он пытался хвататься во время падения, посыпались книги, да и сам шкаф угрожающе зашатался. Дэн едва успел удержать его от падения, но на торце одной из массивных полок, наверное, от сотрясения, а может, и от старости, образовалась большая трещина.

– Ну вот, теперь можно протирать. – Гальяно осмотрел опустевшие полки. – Туча, ты живой?

– Живой. – Туча встал на ноги, потер ушибленную поясницу, удивленно посмотрел на развороченный табурет. – Надо было на стул становиться, – сказал рассеянно и принялся собирать с пола книги.

– Какие же из вас помощники?! – вздохнула тетя Лида. – Вы вредители, а не помощники! – Она покачала головой, махнула на них полотенцем и принялась стирать пыль с полок шаповаловского шкафа.

Расторопная тетя Лида управилась быстро, а вот они провозились до самого полдника. У Дэна все это время не шли из головы разные экслибрисы. Там вепрь, тут волк... Странно и любопытно.

Суворов заглянул в библиотеку перед самым полдником, обвел взглядом стеллажи и ровные ряды книг.

– Управились, я смотрю, – сказал миролюбиво.

– Как видите! – Гальяно пожал плечами и тут же спросил: – А правда, что начальник лагеря из этих?

– Из каких «этих», Гальянов?

– Из графьев. Тех, кто хозяйничал здесь до революции.

По лицу Суворова промелькнула тень. Он улыбнулся, но улыбка получилась какая-то безрадостная.

– Можно и так сказать.

– А кто такие Андрей Шаповалов и Игнат Шаповалов? – спросил Дэн.

– В книжки заглянули, любопытные? – Суворов сощурился.

– Заглянули.

– Это братья, сыновья очень известного в свое время промышленника графа Владимира Шаповалова. Игнат – старший, Андрей – младший. Игнат пропал без вести еще до революции. Кажется, уехал учиться за границу, с тех пор о нем не было никаких вестей.

– А Андрей?

– А Андрей остался в России, после смерти отца унаследовал семейный бизнес и все состояние. Он жил с семьей в поместье до самой революции.

– И что с ним стало? – спросил Гальяно.

– Граф Андрей Владимирович Шаповалов и его супруга погибли от рук красноармейцев, а их малолетний сын пропал. Считается, что его успел вывезти за границу доверенный человек графа. – Суворов замолчал, взгляд его упал на остатки поломанного табурета, и голос из задумчивого стал строгим. – А это еще что такое?

– Это я. – Туча выступил вперед. – Хотел стереть пыль с верхних полок, и вот...

– За что мне такое наказание?! – простонал Суворов. – Архаровцы, если и дальше так пойдет, вы не оставите от лагеря камня на камне.

Туча уже хотел было начать извиняться, но командир устало махнул рукой:

– Идите есть!

Дэн выходил из библиотеки последним, обернувшись в дверях, он заметил, что Суворов с задумчивым видом осматривает стеллажи.

Гальяно

После полдника решили смотаться на речку. Инициатором, как всегда, выступил Гальяно. Они спускались к затону, неспешно обсуждая увиденные в библиотеке книги и экслибрисы. Вернее, обсуждали Дэн с Матвеем, Туча задумчиво молчал, а Гальяно, в который уже раз за этот долгий день, вспоминал ласковые пальчики Мэрилин. «Гальянов, вы настоящее торнадо!» – сказала она, смазывая йодом его синяки и ссадины. Йод был пекущий, но Гальяно, стиснув зубы, молчал, даже пытался улыбаться. Она сравнила его с торнадо, а торнадо – это ого какая силища!

На берегу, обхватив руками острые коленки, сидела Ксанка.

– Привет! – Гальяно помахал ей рукой. На ответные реверансы он не рассчитывал, но ведь вежливость еще никто не отменял.

Ясное дело, она проигнорировала его приветствие, так же как проигнорировала Матвея и Дэна. Лишь только на покрасневшем до бурачного цвета Туче задержала взгляд ярко-синих, совершенно неуместных на ее бесцветном лице глаз.

– А ты тоже купаться? Или так просто – природой полюбоваться? – Краем глаза Гальяно заметил торчащий из рюкзака уголок белого альбомного листа с каким-то карандашным наброском. Значит, девочка что-то рисует, а это – обнадеживающий фактор. Рисует – значит, не совсем дурочка. – А вода как, теплая? – Он присел рядом, улыбнулся широко и обаятельно, чтобы она сразу поняла – они ей не враги, а то, что случилось вчера, всего лишь досадное недоразумение.

Ксанка скользнула равнодушным взглядом по его лицу, не говоря ни слова, вскочила на ноги, потянулась за своим рюкзаком. Дэн ее опередил, поднял рюкзак, протянул Ксанке. В отличие от Гальяно, он не улыбался, но в его взгляде, направленном на девчонку, было что-то такое... особенное. Гальяно с детства умел отличать обычные взгляды от особенных. Вот такой у него был дар. Ксанка забрала рюкзак молча, лишь, кажется, едва заметно кивнула, то ли благодарно, то ли раздраженно. Кто ж ее поймет?!

Она уходила с затона неторопливо, словно ждала, что они ее окликнут, предложат остаться. Гальяно уже открыл было рот, чтобы предложить Ксанке окунуться с ними, но на плечо легла ладонь Дэна.

– Не трогай ее, – сказал он со странной мрачностью.

– Дело хозяйское. – Гальяно кивнул, украдкой глянул на Тучу. Тот смотрел на уходящую Ксанку, и на лице у него читалось облегчение пополам с отчаянием.

Гальяно вздохнул, мысленно обозвал Дэна и Тучу дураками и принялся стаскивать с себя одежду. Все сомнения и невеселые мысли отступали перед восхитительной перспективой окунуться наконец в прохладную воду.

Оказалось, что купаться на реку пришел только он один. Дэн лишь торопливо окунулся и почти сразу выбрался на берег, а Туча так и вовсе не стал раздеваться. То, что эти двое ищут оброненное Ксанкой, Гальяно понял сразу. А иначе зачем бы Дэну шарить в кустах, а Туче – в прибрежной траве? Что же она такое потеряла?.. Ведь невозможно искать не пойми что!

– Вам помочь? – Наблюдавший за происходящим Матвей тоже выбрался из воды.

– Помогите! – послышалось из кустов.

– А что искать-то?

– Маленький ключик на серебряной цепочке.

– Ее? – спросил Гальяно, хотя уже знал ответ.

– Ее.

– Ну и как мы найдем здесь маленький ключик?

– Найдем! – с неожиданной решимостью сказал Туча.

Он стоял у самой кромки воды, ноздри его раздувались так, словно он к чему-то принюхивался. Ну точно ищейка...

– Он где-то здесь, – сказал Туча и шагнул в воду.

– Откуда ты знаешь? – удивился Гальяно.

– Знаю. – Туча не смотрел в его сторону, Туча всматривался в воду.

– Нырять собрался? – подошедший Матвей положил руку ему на плечо. – Тебе нельзя, у тебя же повязка. Еще инфекцию какую занесешь.

Туча растерянно глянул на забинтованную руку, попятился от реки.

– Он здесь, – сказал, обращаясь только к Дэну. – Где-то на дне.

– Если он там, то мы его найдем. – Дэн вошел в воду, обернулся к Туче. – Здесь искать?

– Да. – Тот кивнул.

– Обалдеть! – Гальяно с сомнением покачал головой. Идея выглядела абсурдной. Ксанка могла потерять свою побрякушку где угодно. Но Дэну, казалось, туманных предсказаний Тучи было достаточно. Набрав полные легкие воздуха, он с головой ушел под воду.

Они ныряли больше часа, сначала по очереди, а потом и все вместе. Но как же можно найти иголку в стоге сена! Гальяно, задыхаясь от бесконечных ныряний и усталости, выбрался на берег, посмотрел на лежащие поверх одежды наручные часы. Время близилось к ужину, пора уходить.

– Все, баста! – сказал он решительно. – Нет тут ничего! А если и есть, то мы ни хрена не найдем.

Следом, клацая зубами от холода, на берег выбрался Матвей. Дэн все еще колебался.

– Выходи, Киреев! – позвал Гальяно. – Ясно же, что это дохлый номер!

Дэн посмотрел на Тучу, сказал устало:

– Мы еще завтра поищем. Хорошо?

– Он там! – Туча упрямо мотнул головой и шагнул к воде.

Несколько секунд он стоял неподвижно, с закрытыми глазами, а потом, не обращая внимания на повязку, пошарил рукой по дну. Матвей с Гальяно растерянно переглянулись. Дэн молча наблюдал за происходящим.

– Туча, не дури! – Гальяно решил положить конец этому безобразию. – Выходи!

Удивительно, но Туча послушался, выпрямился, шагнул из воды на берег. Лицо его освещала торжествующая улыбка. Туча разжал кулак – на его ладони что-то блеснуло. Гальяно присмотрелся и восхищенно присвистнул.

Это был ключик! Маленький серебряный ключик на тонкой цепочке. Они искали его битый час, а Туче понадобилось лишь опустить в воду руку. Чудеса!

– Это он? – спросил Дэн, разглядывая ключик.

– Да. – Туча кивнул. – Я его нашел. Понимаешь?

– А ты и в самом деле следопыт! – В голосе Матвея послышался намек на зависть. – Как тебе удалось?

– Не знаю. – Туча пожал плечами. – Просто иногда я чувствую.

– Ладно! Нашли – и слава богу! – Гальяно снова глянул на часы. – Полчаса до ужина. Пойдем уже!

Они гуськом шли по лесной тропинке, до развилки оставалось несколько десятков метров, когда Туча, счастливо улыбавшийся всю дорогу, вдруг заволновался, принялся оглядываться по сторонам.

– Ты чего? – Дэн замедлил шаг, и идущий следом Гальяно, замешкавшись, налетел на него.

– Опять... – Туча побледнел.

– Что – опять?

– Горелым пахнет. Вы не чувствуете? – Туча обвел их напуганным и одновременно требовательным взглядом. – Не чувствуете? – повторил шепотом.

Гальяно принялся: пахло лесом, травами и нагретой за день сосновой смолой. Ничего такого, о чем говорил Туча.

– И следит за нами кто-то. – Туча говорил едва слышно.

– Да кто за нами может следить? – Гальяно осмотрелся. – Ксанка?

– Нет. – Туча бледнел на глазах, кровь отхлынула не только от щек, но и от губ, теперь они были синюшными, как у покойника. От этих ассоциаций Гальяно поежился. – Это он. Вот он... – Туча смотрел куда-то поверх его плеча.

Медленно, очень медленно, Гальяно обернулся – в нескольких метрах от них стоял лесной монстр.

Нет! Никакой он не монстр! Обыкновенный старик, только уродливый. Сейчас, когда света от заходящего солнца еще хватало, можно было разглядеть его как следует. Брезентовый плащ, выгоревший, вылинявший, не пойми зачем нужный в такую жару. Запыленные кирзовые сапоги с налипшей к подошве иглицей. Все это Гальяно видел с отчаянной ясностью, видел и никак не решался поднять взгляд на лицо старика. От этой неожиданной трусости ему стало вдруг невыносимо противно, и Гальяно решился.

У него не было лица. Правой половины не было точно. Уродливая бурая маска, словно с него по живому содрали кожу, оставив обнаженными мышцы и сухожилия. И в прорезях этой страшной маски – синие пронзительные глаза, от взгляда которых дыхание сбивается, а сердце перестает биться. Только взгляд на вторую, почти нормальную, почти человеческую половину этого лица вернул Гальяно способность соображать более или менее ясно. Не маска! Не заживо содранная кожа! Ожог! Этот странный старик потерял свое лицо в огне. Лицо и руку... Правая рука такая же страшная, покрытая уродливыми послеожоговыми рубцами. Теперь все понятно, и от этого уже не так жутко.

– Эй, вам чего? – Он хотел крикнуть громко, но вместо крика получился какой-то жалкий писк.

Старик шагнул им навстречу. Согнутый годами, он по-прежнему казался по-медвежьи сильным, способным любого из них придушить голыми руками.

– Ты! – Не обращая внимания на Гальяно, он указал на Тучу. – Зачем ты его взял? Зачем ты вообще сюда явился?

Туча вздрогнул, испуганно попятился.

– Я не понимаю... – Он пытался говорить, но из горла его вместо слов вырывался придушенный кашель, как будто он и в самом деле надышался дымом. – Не понимаю... о чем вы...

– Убирайтесь! – Глаза старика яростно сверкнули. – Убирайтесь, пока еще не поздно!

– Дед! Мы и правда не понимаем, о чем ты! – К Гальяно вернулась наконец способность говорить. – Мы ничего не трогали. Мы даже не местные, мы оттуда, из лагеря. – Он махнул рукой в сторону поместья.

– Меченые... – Рот старика искривила невеселая усмешка. – Вы все теперь меченые, огнем клейменные. Сейчас не уйдете, потом она вас не отпустит... Она любит таких вот...

– Кто – она? – спросил Дэн. – Его голос, в отличие от голоса Гальяно, звучал спокойно, даже с нотками любопытства.

– Гарь! – сказал старик, как выплюнул, развернулся, медленно похромал прочь.

А они так и остались стоять, напуганные, ничего не понимающие. Тишину нарушало лишь сиплое дыхание Тучи, кажется, ему до сих пор не хватало воздуха.

– Сумасшедший! – первым заговорил Гальяно. – Вы что-нибудь поняли, пацаны? Сто пудов, сумасшедший! Хорошо еще, если не буйный. Меченые! – Он брезгливо сплюнул себе под ноги, пытаясь избавиться от кислого вкуса во рту. – А на тебя, Туча, он чего ополчился?

Вместо ответа Туча замотал головой, по глазам было видно – он тоже ничего не понимает. Не понимает, но боится...

– Да, странный дед, с приветом. – Матвей вытер выступившую на лбу испарину. – А что у него с лицом?

– Ожог, – сказал Дэн. – Очень глубокий ожог.

– Может, уже пойдем? – Гальяно с опаской посмотрел в ту сторону, куда ушел старик. Кстати, направлялся он напрямиком к гари. И серое на его сапогах – это, вполне возможно, не пыль, а пепел...

Матвей

К вечеру зной спал, но оставаться в душной комнате не было никаких сил. Они расположились на уже облюбованной лужайке на прихваченном из комнаты покрывале. Гальяно, уже успевший получить от Василия сигареты, закурил. Матвей наблюдал за ним с завистью. После встречи в лесу ему тоже хотелось курить. Оказывается, случаются стрессы посильнее любовных терзаний.

– Я считаю, нам нужно туда навеститься, – сказал Гальяно, всматриваясь в крону старой липы, под которой они сидели.

– Куда? – спросил Дэн.

– На гарь. Надо же хоть посмотреть, что за место такое.

– Плохое это место, – буркнул Туча. – Что на него смотреть?

– Ты старика испугался, что ли? – Гальяно выдохнул тонкую струйку дыма, усмехнулся снисходительно.

Ишь, улыбается, а еще час назад сам чуть не обделался от страха. Матвей закрыл глаза, ему не хотелось ни разговаривать про Чудову гарь, ни уж тем более ходить на нее. В душе росло и крепло смутное беспокойство, избавиться от которого не было никаких сил.

– Испугался, – сказал Туча. – Мы все его испугались. В нем есть что-то...

– Неправильное, – закончил Дэн.

– Что там неправильного? – вскинул брови Гальяно. – Самый обыкновенный сумасшедший! Нес какую-то ахинею, про какую-то гарь.

– Не только про гарь. – Туча перешел на шепот. – Он еще говорил про то, что она нас пометила.

– Классический бред! – Гальяно взмахнул рукой.

– И про то, что я нашел вещь, которую не нужно было находить, – гнул свое Туча.

– И какую такую вещь ты нашел? – Гальяно загасил сигарету. – Блуждающий огонь? Так ты ж сам сказал, что не видел ничего конкретного, просто свет из-под земли.

– Не знаю. – Туча растерянно моргнул. – Я много всякого нахожу.

– Ключик, например, – вспомнил их недавнее ныряние Матвей.

– Нет, ключик – не вариант, – замотал головой Гальяно. – Вещица, конечно, симпатичная, но какое отношение она имеет к Чудовой гари и всему остальному?

– Я еще кое-что нашел, – сказал Туча после долгого молчания.

– Что?! – спросили они в один голос.

– В библиотеке, когда на меня посыпались книги. Помните?

Они в нетерпении закивали головами.

– Там в стеллаже был тайник. То есть это я так думаю, что тайник, потому что в нем было кое-что спрятано.

– Какой тайник? – спросил Матвей.

– Что спрятано? – Дэн, до этого момента совершенно спокойный, вдруг начал проявлять нетерпение.

– Тайник. – Туча посмотрел на Матвея. – Там полки такие толстые, в торце сантиметров десять, не меньше. Я сначала подумал, что это просто трещина. Ну от удара или от старости. Хотел посмотреть, как можно назад приделать, а оказалось, что это не трещина, что панелька эта торцевая вынимается, а внутри – тайник.

– А в тайнике что? – Глаза Гальяно загорелись алчным огнем. Небось уже нафантазировал себе бесценных сокровищ, спрятанных в библиотеке.

Матвею и самому было интересно, что же такое откопал Туча. Ведь тайники создаются не просто так.

– А в тайнике вот это. – Из-за пояса штанов Туча вытащил какую-то книжицу, положил ее в центр покрывала.

– Книжка? – Гальяно разочарованно вздохнул.

– Это не книжка. – Дэн взял находку в руки, раскрыл. – Это дневник.

– Чей дневник? – Матвей подсел поближе, заглянул Дэну через плечо.

Это и в самом деле был дневник. Местами потертая кожаная обложка, пожелтевшие от времени, но все еще плотные страницы, исписанные крупным, порывистым почерком, а на первой странице – от руки нарисованный, готовый ринуться в атаку вепрь, точная копия того, что на экслибрисе.

– Это дневник графа Шаповалова. – Дэн пробежался пальцами по рисунку.

– Которого из двух? – уточнил Гальяно.

– Андрея, – сказал Дэн уверенно. – На его экслибрисе нарисован вепрь, а на экслибрисе его брата – волк.

– Странно как-то. – Матвей в задумчивости взъерошил волосы. – Фамилия одна, а экслибрисы разные.

– Да, странно. – Дэн перевернул страницу, сказал задумчиво: – Может, ответ здесь. Туча, ты уже читал?

– Когда? – Тот пожал плечами. – Я же все время был с вами.

– В таком случае предлагаю не откладывать дело в долгий ящик! – Гальяно поерзал, устраиваясь поудобнее. – Читай, Киреев, что там этот граф написал!

Дневник графа Андрея Шаповалова. 1908 год

Завтра идем с Игнатом в ночное! Отец долго не хотел отпустить, но Игнат его уговорил. Есть у него такой особенный дар – влиять на людей. Вот и отец, со мной строгий и несгибаемый, с Игнатом становится мягким, как воск, соглашается со всем. Пусть не сразу, но соглашается. Два дня всего понадобилось, чтобы категоричное отцовское «нет» превратилось сначала в осторожное «я подумаю», а потом и в долгожданное «ваша взяла!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.